

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

3
1984

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
МАЙ — ИЮНЬ

СО Д Е Р Ж А Н И Е

3
1984

<i>Зуев Ф. Г.</i> Борьба демократических сил Польши за освобождение страны от гитлеровских захватчиков и установление народной власти (январь — июль 1944 г.)	3
<i>Станков Н. Н.</i> Проблема польско-германской границы и американская дипломатия в 1945—1950 годах	9
<i>Серапионова Е.</i> Провал планов создания польско-чехословацкой конфедерации (1941—1943)	20
<i>Цвилюк С. А.</i> Издания болгарских интернационалистов в Советской России (1918—1920)	38
<i>Удальцов И. И.</i> Проблемы чешского национального возрождения в работах Йозефа Кочи (Историографические заметки)	47
<i>Греков И.</i> Османская империя, Крым и международные отношения в Восточной Европе в первые годы Ливонской войны (1558—1572)	58
<i>Славин Г. М.</i> Советская печать о югославской культуре периода народно-освободительной войны	73
<i>Тимова Л.</i> Театр в системе культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы эпохи формирования наций (К постановке проблемы)	77
<i>Журавлев В. К.</i> Проблемы истории славянских литературных языков	86

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Матвеев Г. Ф.</i> Кризис политической системы капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (межвоенный период)	98
<i>Фрейдзон В. И.</i> Ю. В. Бромлей. Очерки теории этноса	100

МОСКВА

<i>Волокитина Т.</i> История и культура Болгарии. К 1300-летию образования Бол- гарского государства	102
<i>Флоря Б.</i> Přehled dějin Československa. I/1 (do roku 1526)	105
<i>Созин И. В.</i> Памяти профессора А. И. Воронкова	109

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), В. А. ДЬЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ,
 В. Г. КАРАСЕВ, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а
 Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

БОРЬБА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СИЛ ПОЛЬШИ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ СТРАНЫ ОТ ГИТЛЕРОВСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И УСТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ (январь — июль 1944 г.)

С созданием по инициативе Польской рабочей партии (ППР) в начале 1944 г. Крайовой Рады Народовой (КРН) — представительства демократических сил — начался новый этап в освободительном движении польского народа. Борьба народных масс против гитлеровских оккупантов была неразрывно связана с их стремлением к социальному освобождению.

Декларация КРН, исходившая из положений программной декларации ППР «За что мы боремся?» (ноябрь 1943 г.), провозгласила курс на создание народно-демократической Польши.

КРН отвергла антидемократическую конституцию 1935 г. и считала основой политического строя конституцию 1921 г. и волю широких масс, выраженную в самоотверженной борьбе против немецко-фашистских оккупантов. Власть на территории всей страны должна была осуществляться КРН и местными радами народowymi.

Программа ППР и КРН предусматривала проведение коренных политических и социально-экономических преобразований после освобождения страны: создание Временного правительства, проведение выборов в Национальное собрание на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права и тайного голосования избирателей, установление демократического государственного строя. Намечалось проведение национализации промышленности, имеющей ключевое значение для национальной экономики, а также банков и транспорта. Подлежало конфискации имущество, награбленное в период оккупации. Предусматривалось возвращение ограбленным и выселенным оккупантами мелким и средним собственникам их владений в сельском хозяйстве, промышленности, в ремесле и торговле. Предлагалось также установить восьмичасовой рабочий день для взрослых и шестичасовой — для молодежи; определить с представителями профсоюзов минимальный уровень зарплаты для рабочих и работников умственного труда; ввести охрану труда для женщин и молодежи, а также обеспечить работой всех способных к труду.

Земля должна была принадлежать тем, кто ее обрабатывает. Помещичьи имения подлежали разделу среди крестьян и сельскохозяйственных рабочих.

Важное место в программе ППР и КРН занимал вопрос о границах страны. Польские земли на западе и севере, насильственно германизированные, должны быть возвращены Польше. На востоке польская граница определялась в соответствии с волей украинского и белорусского народов. Целью внешней политики народной власти провозглашалась борьба за полную независимость и суверенность государства. Особое значение придавалось установлению добрососедских и союзных отношений с СССР.

Весной 1944 г. в польском антигитлеровском движении Соппротивления сложилась новая политическая обстановка, характеризовавшаяся единством действий рабочего класса, наличием военно-политического союза рабочих и крестьян под руководством рабочего класса. В крепнувшем сотрудничестве двух рабочих партий руководящую роль играла марксистско-ленинская Польская рабочая партия.

КРН (председателем ее Президиума был избран Б. Берут, представлявший ППР) и создаваемые на местах рады народов являлись подпольными органами народной власти. 18 февраля началась деятельность воеводской рады народной в Люблине, возглавляемой членом ППР К. Сидором. В состав президиума рады вошли командир Батальонов хлопских (БХ) южной Люблинщины З. Голавский, сельский учитель Л. Чугала, деятельница крестьянского движения А. Гадзаянка и представительница демократической молодежи В. Чарнотувна [1, с. 216]. Затем возникли повятные рады народов в Янове, Красныстае, Краснике, Любартове, Пулавах, Влодаве, Замостье, Билгорае, Люблине.

19 февраля была образована Варшавская городская рада народа во главе с членом ППР К. Пшыбылем, 12 марта — Варшавская воеводская рада народа (председатель — член ППР Х. Шафранский). В состав президиума воеводской рады вошли представители людовцев, Рабочей партии польских социалистов (РППС) и интеллигенции. Была создана и воеводская рада народа для повятов, включенных в рейх (Плоцк, Плоньск, Пултуск, Серпец, Рыпин, Цеханув, Прасныш), во главе с людовцем М. Гвяздовичем. Действовали рады народов в повятах: Рыки, Минск-Мазовецкий, Серпец, Плоцк, Плоньск, Пултуск, Рыпин, Цеханув, Прасныш, Скерневицы, Радзымин, Новы Двур, Вышкув, Седльце; почти во всех повятных городах — городские и свыше ста гминных рад народов — в Варшавском воеводстве [1, с. 226].

Были созданы воеводская рада народа в Келецком воеводстве (ее возглавили людовцы В. Гарницарчик, А. Круль, Ю. Озга-Михальский), повятные рады народов — в Кельцах, Влощове, Енджейове, Пинчове, Сандомеже, Опатове, Ильже, Коньске, Опочне, Козеницах, Буске, городские — в Коньске, Влощеве, Островце, Щекочицах, Сташове, Водзиславе, а также около 50 гминных рад народных [1, с. 228].

В мае возникла Краковская воеводская рада народа во главе с социалистом проф. В. Выспяньским. Были образованы повятные рады народов в Мехове, Жешове, Мысленицах, Ясьле, Новым Тарге, Новым Сонче, Горлицах, Тарнове и других местах, а также около 50 гминных рад народных [1, с. 229—230].

В Силезии первые рады народов — повятные, городские и гминные стали создаваться в марте — апреле. Городских и повятных рад насчитывалось свыше 15. Силезская воеводская рада народа образовалась в середине августа во главе с членом ППР З. Висьневским [1, с. 231—232].

В Лодзинском воеводстве первые рады народов возникли весной 1944 г. В воеводскую раду народу (председатель — людовец Я. Домб-Коциол) входили представители ППР, Стронництва людового (СЛ), фабрично-заводских комитетов, трудовой интеллигенции, Союза борьбы молодых, кооператоров, отрядов Армии Людовой (АЛ), БХ и других организаций [1, с. 233].

Всего в период оккупации в стране, наряду с воеводскими, были созданы около 100 повятных и городских и около 300 гминных рад народных [1, с. 234].

КРН и местные рады народов под руководством ППР и сотрудничавших с ней демократических партий и организаций мобилизовывали народные массы на борьбу с оккупантами, против политики польской реакции. Вокруг них сплачивались силы демократии и патриотической ответственности.

Считая важнейшей задачей на данном этапе борьбу с гитлеровскими оккупантами, КРН создала Армию Людову, в которую на автономных правах вошли Гвардия Людова (ГЛ), отряды Союза борьбы молодых, часть отрядов милиции РППС, БХ и отдельные отряды Армии Крайовой

(особенно в Силезии и на Келецине). 5 марта 1944 г. КРН обратилась к народу с воззванием, в котором призывала его «перейти к твердой и решительной борьбе — к борьбе за спасение польского народа от истребления», «к борьбе не на жизнь, а на смерть», в которую должны включиться все, «даже женщины и дети, так как враг не щадит никого» [2].

КРН обратилась к правительствам СССР, Великобритании и США с просьбой оказать помощь Армии Людовой оружием, боеприпасами и военным снаряжением. Только Советское правительство откликнулось на эту просьбу и затем оказывало всестороннюю поддержку демократическим силам Польши в их борьбе за свободу и независимость.

КРН полностью солидаризировалась с заявлением Советского правительства от 11 января 1944 г. о границах Польши на Востоке и Западе, опиравшемся на решения Тегеранской конференции «Большой тройки».

Польский народ все больше убеждался, что освобождение ему от гитлеровской оккупации принесет Красная Армия, успешно продвигавшаяся на Запад. В связи с этим изменялось отношение польской общественности к Советскому Союзу. ЦК ППР 12 января 1944 г. отмечал: «Наблюдая настроения польской общественности, следует констатировать далеко идущий процесс изменения позиции в отношении Советского Союза в положительном смысле. Перед ужасами гитлеровского террора жупел большевизма все меньше влияет на польское общество. Ожидание прихода Красной Армии является всеобщим даже в тех общественных слоях, которые являются противниками советского строя. В освобождение польского народа из-под оккупации другими армиями перестали верить все» [3, с. 213—214].

Деятельность ППР и КРН, радикализация настроений широких народных масс, рост симпатий к Советскому Союзу вызвали серьезное беспокойство у польского эмигрантского правительства и партий, поддерживавших его. Накапливая силы для установления своей власти в период освобождения страны от оккупации и воздерживаясь от решительной и активной борьбы с оккупантами, эмигрантское правительство и буржуазное подполье пытались не допустить перехода народных масс на позиции революционно-демократического лагеря.

9 января 1944 г. было объявлено о создании Рады единости народовой (РЕН), которая должна была в противовес КРН объединить вокруг себя массы народа. В декларации РЕН «За что борется польский народ» подтверждалась прежняя негативная позиция в отношении Советского Союза. В ней было выдвинуто требование о включении в состав Польши Восточной Пруссии. Во внешней политике РЕН высказывалась за союз с западными державами и с ...Турцией [4]. Вопрос о конституции откладывался на будущее, причем предусматривалась «парламентская демократия при действии сильных правительств». О том, как понималась демократия «лондонским» лагерем, свидетельствовала ранее опубликованная статья в официозе Делегатуры: «Наша демократия не будет безоружной, растрепанной и вялой, как это было когда-то. Она будет организованной, распорядительной, одетой в броню... Все другие доктрины будут побеждены и отброшены прочь. Для фашистов и коммунистов нет места в Польше» [5].

Программа РЕН в самой туманной форме говорила о необходимости социально-экономических реформ. В ней упоминалась национализация средств производства, но партии, представлявшие интересы довоенной крупной буржуазии, связывали с ней выкуп государством нерентабельных предприятий и укрепление позиций монополистического капитала. Партии и группировки средней и мелкой буржуазии рассчитывали посредством частичной национализации упразднить засилье в экономике крупного, в первую очередь иностранного, капитала [6]. Поэтому решение вопроса о национализации отодвигалось до времен, когда «государство будет иметь право на изъятие или обобществление общественно полезных предприятий, а также ключевых отраслей промышленности в случае, когда это потребует вообще» [4].

Что касается помещичьего землевладения, то в декларации речь шла лишь об ограничении его, да и то в последующем, на основе выкупа. Пред-

усматривалось также сохранение до будущего «аграрных преобразований», произведенных оккупантами в землевладении [4].

Декларация РЕН не удовлетворяла даже партии и группировки «лондонского» лагеря и подверглась критике с их стороны. «Расколотый и рассорившийся между собой лагерь польской реакции, — указывалось в заявлении ЦК ППР, — никогда не был в состоянии прийти к взаимному соглашению на положительной платформе» [3, s. 233]. Единственной основой, на которой объединялись силы реакции, была ненависть к ППР и тому общественно-политическому движению, которое она представляла, либо с которым сотрудничала [3, s. 233].

Увидев в лице КРН грозную для себя опасность, эмигрантское правительство пыталось укрепить свои позиции в стране. Делегат правительства получил ранг и права заместителя премьер-министра, а позднее было объявлено о создании Крайового совета министров [1, s. 132—133]. Вместе с тем «лондонский» лагерь предпринял, как отмечала ППР, усилия с «целью подготовить почву для разжигания на широкой основе братоубийственной борьбы как средства, которое, по расчетам реакции, должно облегчить ей путь к власти» [3, s. 233—234].

Аппарат Делегатуры приступил к разработке планов деятельности подпольной администрации в период освобождения. Была усилена разведывательная работа против ППР и левых сил, к которой привлекались прежние сотрудники полиции, старосты, прокуратуры и судов. Разведслужбам АК, Делегатуры и Народовых сил збройных (НСЗ) удалось раскрыть ряд низовых организаций ППР, Армии Людовой, особенно в Мазовии и Подлясье, а также на Келецине и Жешовщине [7, s. 378]. В инструкции, направленной департаментом внутренних дел Делегатуры делегатам в воеводствах, предписывалось немедленно после взятия власти приступить к «ограничению гражданских свобод». Проект антикоммунистического закона предусматривал за принадлежность к коммунистическим организациям, ведение коммунистической пропаганды и т. п. смертную казнь или тюремное заключение на срок не менее 10 лет [7, s. 379].

Функции подавления политических противников возлагались на Государственный корпус безопасности (ГКБ) и созданную при АК Армейскую службу охраны восстания. Руководящую роль в ГКБ играли чины как довоенной, так и польской полиции, созданной оккупантами [8, s. 114—115]. Реакция даже развязала «малую» гражданскую войну. По неполным данным, на территории генерал-губернаторства и Белостокской области с весны 1943 г. до начала лета 1944 г. было убито около 550 человек, из них 140 членов ППР, около 250 солдат ГЛ и АЛ, около 40 людовцев. Остальные убитые были советскими партизанами или лицами, связанными с левыми силами. От рук банд НСЗ пали 260, реакционных элементов АК — около 280 человек [7, s. 358]. Такие действия были на руку и гитлеровским оккупантам.

КРН опубликовала распоряжение о суровом наказании, вплоть до смертной казни, лиц, принимающих участие в организации и исполнении братоубийственных актов.

Политика эмигрантского правительства и буржуазного подполья, направленная на восстановление довоенных порядков в стране и торможение развития движения Сопротивления, попытки развязать братоубийственную войну, их антисоветизм и антикоммунизм не только не укрепляли позиций реакции, но, напротив, все больше изолировали ее от широких масс народа. Перед народом все больше раскрывался антинациональный, антинародный характер политики «лондонского» лагеря.

На платформе КРН развивалось сотрудничество ППР с левыми социалистами и людовцами, другими демократическими силами.

Важнейшим политическим фактором упрочения позиций революционно-демократического лагеря стало единство действий рабочего класса. IV съезд РППС (май), отстранив от руководства партией правых, высказался за единство действий с ППР, активную борьбу с немецко-фашистскими оккупантами, установление союза с СССР. Важнейшей задачей партии съезд провозгласил «концентрацию всех усилий на дальнейшее орга-

низационное расширение Крайовой Рады Народовой, местных рад народных и Армии Людовой, объединение вокруг этих организационных бастионов польской демократии всего крестьянского движения и всех искренне демократических групп трудовой интеллигенции, а также других трудящихся слоев» [3, s. 500].

Единство действий двух политических партий рабочего класса явилось решающим фактором борьбы польских трудящихся масс за создание новой, демократической Польши.

Состоявшийся в феврале съезд Стронництва людового «Воля люду» лишил прежнее руководство СЛ права представлять крестьянское движение и признал необходимым, чтобы деятельность партии находилась в «согласии с волей и стремлениями членов этой партии и крестьянских масс», чтобы новое руководство «вырвало Стронництво людове из-под влияния реакции и восстановило его прогрессивно-демократический характер». Задачей партии съезд провозгласил «вести крестьян к созданию свободного, справедливого порядка в Польше, а также обеспечить благосостояние для трудящихся» [9], сотрудничество с ППР и левыми социалистами в организации рад народных, в укреплении рабоче-крестьянского союза. В специальной резолюции съезд заклеил разжигание братоубийственной войны [10].

Шел процесс переориентации интеллигенции. Социалистическая интеллигентская группа «Свит» с радостью приветствовала создание КРН и от имени трудовой интеллигенции заявила о своем стремлении к сотрудничеству с ней в целях объединения всей польской демократии для борьбы с фашизмом [8, s. 192]. Она оказывала поддержку КРН, создала 2-ю бригаду АЛ «Свит», которой командовал К. Май [8, s. 192].

Армия Людова наносила существенный урон оккупантам. На Люблинщине сражались 8 бригад численностью 5 540 человек, в Радомско-Келецком округе — 6 бригад (3 300 бойцов), в Краковском — бригада (440 человек), в Лодзинском — бригада (370 бойцов) [11, s. 514]. Кроме этого, действовало большое количество партизанских отрядов. Личный состав Армии Людовой определялся в 55—70 тыс. человек. К лету 1944 г. Армия Людова превратилась в организованную и хорошо оснащенную вооруженную силу, построенную по принципу регулярной армии.

Армия Людова уступала по численности Армии Крайовой (в первой половине 1944 г. последняя насчитывала около 300 тыс. человек) [12, s. 239] и БХ (на 1 июня — около 158 тыс. человек) [12, s. 245], но превосходила их по боевой эффективности. В течение 1944 г. АЛ, по неполным данным, провела около 900 боевых операций, в ходе которых было уничтожено около 200 автомашин, взорвано 80 мостов, уничтожено 150 предприятий. Гитлеровцы потеряли около 19 500 человек [11, s. 521]. На долю БХ приходилось 65% диверсий [13].

Партизаны АЛ, БХ и АК развернули «битву на рельсах» и линиях связи оккупантов. Были проведены 1 982 акции, в результате которых был пушен под откос 901 эшелон [7, s. 231].

В 1944 г. окрепло боевое сотрудничество советских и польских партизан. С января по май на Люблинщину с советской территории, прибыли 4 польских отряда численностью 1 100 человек и 12 советских отрядов [14]. Ярким примером их боевого взаимодействия стали сражения в Липских и Яновских лесах и в Пуще Сольской.

Важной стороной деятельности КРН была подготовка к установлению народной власти и проведению социально-экономических преобразований на освобожденной территории. Она сосредотачивалась в «колах» КРН, ставших зародышами будущих отделов Президиума КРН.

КРН установила связи с Союзом польских патриотов в СССР и Советским правительством. Ее политическая платформа и деятельность встретили поддержку со стороны польской эмиграции в СССР. Союз польских патриотов признал КРН в качестве единственного представителя нации. Это был акт, консолидирующий демократические силы в стране и в эмиграции.

Во время переговоров делегации КРН с Советским правительством

была достигнута договоренность о советско-польской границе, об условиях вступления Красной Армии на польскую территорию, о взаимоотношениях между советским командованием и польской администрацией, об оказании помощи АЛ в развертывании вооруженной борьбы с немецко-фашистскими оккупантами. Все это укрепило авторитет КРН как внутри страны, так и на международной арене, содействовало усилению ее политических позиций, способствовало переходу на сторону революционно-демократического лагеря новых слоев народа. КРН опиралась не только на растущую поддержку народа, но и на Армию Людову внутри страны и Польскую армию в СССР, способных сломить сопротивление реакции.

К середине 1944 г., в обстановке приближающегося освобождения Красной Армией Польши от гитлеровской оккупации и усиливавшегося движения Сопротивления в стране, сложилось единство действий партий рабочего класса — ППР и РППС, окреп боевой союз рабочего класса и крестьянства, упрочились позиции демократического фронта, были созданы условия для решения задач народно-демократической революции. Из всех политических партий, действовавших в стране в период немецко-фашистской оккупации, только Польская рабочая партия выдвинула программу, отвечающую коренным интересам народа и последовательно претворяла ее в жизнь. Национально-освободительная концепция ППР позволила рабочему классу стать гегемоном в борьбе за национальное и социальное освобождение народа. Война и оккупация показали, что польская буржуазия перестала быть ведущей силой нации, классовый эгоизм имущих классов обрек их на поражение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Pawłowicz J.* Strategia frontu narodowego PPR. Warszawa, 1965.
2. Rada Narodowa, 1944, 5 III.
3. Kształtowanie się podstaw programowych Polskiej Partii Robotniczej w latach 1942—1948. Warszawa, 1958.
4. Rzeczpospolita Polska (numer specjalny), 1944, III.
5. Rzeczpospolita Polska, 1944, 27 II.
6. *Gołębiowski J. W.* Walka PPR o nacjonalizację przemysłu. Warszawa, 1961, s. 31.
7. *Nazarewicz R.* Drogi do wyzwolenia. Koncepcje walki z okupantem w Polsce i ich treści polityczne 1939—1945. Warszawa, 1979.
8. *Pawłowicz J.* Z dziejów konspiracyjnej KRN 1943—1944. Warszawa, 1961.
9. *Kowalski J.* Z zagadnień kształtowania się współpracy PPR z ruchem ludowym w latach 1942—1944.— *Rocznik Dziejów Ruchu Ludowego*. Warszawa, 1962, № 4, s. 18.
10. *Korzycki A.* O powstaniu i działalności Stronnictwa Ludowego «Wola Ludu».— *Z pola walki*, 1961, № 4, s. 387.
11. *Garas J. B.* Oddziały Gwardii Ludowej i Armii Ludowej 1942—1945. Warszawa, 1971.
12. *Tuszyński W.* Podziemny Front w Polsce 1939—1945. Warszawa, 1980.
13. *Matusak P.* Walka BCH z transportem kolejowym okupanta w latach 1941—1945.— In: *Bataliony chłopskie w walce o narodowe i społeczne wyzwolenie*. Warszawa — Lublin, 1975, s. 205.
14. *Tuszyński W.* Bitwy partyzanskie Armii Ludowej na Lubelszczyźnie (maj — lipiec).— In: *Sesia naukowa poświęcona wojnie wyzwoleniczej narodu polskiego 1939—1945*. Warszawa, 1965, s. 317.

ПРОБЛЕМА ПОЛЬСКО-ГЕРМАНСКОЙ ГРАНИЦЫ И АМЕРИКАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В 1945—1950 ГОДАХ

Послевоенные границы Германии были первостепенной проблемой мирного урегулирования в Европе. Особо важное значение этот вопрос имел для польского народа, который на протяжении своей истории неоднократно был объектом германской экспансионистской политики «Дранг нах Остен». Поэтому решение правительств Советского Союза, США и Великобритании на Берлинской конференции о возвращении Польше ее исконных земель до линии Одер—Нейсе Лужицкая, а затем его признание Германской Демократической Республикой приветствовалось народным польским государством. Згожелецкий договор между ГДР и Польшей, подписанный в 1950 г., закрепил превращение польско-германской границы из источника разногласий и конфликтов в границу мира, дружбы и добрососедства. Советский Союз и народно-демократические страны высоко оценили значимость этого события и одобрили его. Западные державы, определяющую роль среди которых играли США, ссылаясь на якобы неправомочность правительства ГДР подписывать договор с народной Польшей о признании установленной и существующей германо-польской границы по Одеру и Нейсе Лужицкой, отвергли Згожелецкий договор.

К настоящему времени историки Советского Союза, ГДР и Польши достигли значительных результатов в исследовании предпосылок и сущности Згожелецкого договора, его значения для закрепления процесса мирного урегулирования в Европе [1—8]. Однако в советской историографии недостаточно полно освещена тактика американской дипломатии в вопросе польско-германской границы в первые послевоенные годы, ее реакция на становление добрососедских отношений народной Польши и ГДР. Это обстоятельство и определило тему настоящей статьи. Автор поставил перед собой задачу осветить тактику американской дипломатии по вопросу о польско-германской границе. Хронологические рамки статьи охватывают период от подписания Потсдамского соглашения, определившего эту границу, до заключения между ГДР и Польшей 6 июля 1950 г. в Згожельце договора о демаркации установленной и существующей польско-германской государственной границы.

Новейшие публикации американских дипломатических документов, а именно выход в свет очередных томов официального издания государственного департамента «Внешняя политика Соединенных Штатов. Дипломатические документы», где преобладают ранее не опубликованные архивные материалы, позволяют проанализировать этот аспект восточно-европейской политики США [9; 10; 11]. Это издание интересно для исследователя тем, что здесь представлены в основном не итоговые документы (заявления, декларации, коммюнике и т. д.), а различные подготовительные материалы, возникшие в ходе выработки позиции США по конкретным внешнеполитическим проблемам (обзоры общего междуна-

родного положения и ситуации в отдельных странах, телеграммы, ноты, памятные записки, донесения дипломатических представителей США за границей и инструкции госдепартамента, а также другие рабочие материалы). Однако значительная часть документов все же не включена в публикацию, что часто не позволяет восстановить полную объективную картину событий. Это свидетельствует о том, что многие стороны политики США относительно польско-германской границы, равно как и другие международные проблемы, сознательно замалчиваются. Тем не менее, и опубликованные документы позволяют увидеть, как Соединенные Штаты, используя вопрос о западных польских границах, нагнетали напряженность в Европе, планировали проведение враждебных акций в отношении народной Польши и ГДР.

Известно, что на Потсдамской конференции (17 июля — 2 августа 1945 г.) главы правительств Советского Союза, США и Великобритании, учитывая мнение Временного Правительства Национального Единства Польши, приняли решение вернуть Польше ее территории, расположенные к востоку от линии, проходящей от Балтийского моря чуть западнее Свиномюнде, вдоль реки Одер до слияния с рекой Западная Нейсе, вдоль реки Западная Нейсе до чехословацкой границы [12, с. 473]. Они также признали, что должно быть предпринято перемещение в Германию немецкого населения, проживавшего в районах, возвращаемых Польше. Это свидетельствовало об окончательном характере решений, принятых в Потсдаме по вопросу о польско-германской границе [13, с. 28—29; 14, с. 33].

Однако уже в Потсдаме у союзников по антигитлеровской коалиции обнаружили противоречия в подходе к решению германской проблемы, в том числе и к послевоенным границам Германии и Польши. Если Советский Союз отстаивал безоговорочно права Польши на ее исконные земли, то президент США Г. Трумэн настаивал на том, чтобы отложить урегулирование польско-германской границы до мирной конференции. Более того, по признанию государственного секретаря Дж. Бирнса, США явно уклонялись от обещаний поддержать во время мирной конференции какие-либо проекты о западных границах Польши [15, S. 32]. Это свидетельствовало о том, что уже в Потсдаме США сознательно заигрывали окончательное урегулирование польско-германской границы.

Попытки западных держав изменить состав народных правительств в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы, навязав им угодных Западу политических деятелей из буржуазной эмиграции, в конечном счете не увенчались успехом. Включение некоторых эмигрантских политиков в состав народных правительств не привело к изменению характера народно-демократической власти. В ходе острой классовой борьбы в этих странах, они лишились поддержки и сошли с политической арены. В этих условиях Соединенные Штаты, используя германский вопрос, предприняли шаги, направленные на то, чтобы помешать народам Центральной и Юго-Восточной Европы осуществить коренные социально-экономические и политические преобразования. Американские политики предлагали «новое» решение германской проблемы с тем, чтобы не допустить демократического развития Германии. Основные и ближайшие свои задачи они видели в отказе от выполнения Потсдамского соглашения, предусматривающего демилитаризацию, денацификацию и демократизацию Германии, в ликвидации четырехстороннего управления, в осуществлении раскола Германии и в создании сепаратного западно-германского государства. Это нашло отражение в выступлении государственного секретаря США Дж. Бирнса 6 сентября 1946 г. в Штутгарте перед представителями американской администрации и высшими немецкими чиновниками американской зоны оккупации [16, p. 522—527]. В этой же речи Бирнс подверг пересмотру решения Потсдамской конференции о западной границе Польши. Он заявил, в частности, что «размер территории, которая должна отойти к Польше, должен быть определен только при окончательном урегулировании» [16, p. 526]. Правящие круги Великобритании открыто поддержали США [17, 1946 23 X].

Выступление Бирнса создавало благоприятные условия для активизации реваншистских элементов в западных зонах оккупации Германии. До осени 1946 г. они не осмеливались открыто выступить против решений Потсдамской конференции, теперь же публично выдвинули требование возвращения «немецких восточных земель». Ревизионистская позиция США была поддержана правыми лидерами буржуазно-демократических партий в Восточной Германии. 20 сентября председатель Христианско-демократического союза (ХДС) в советской зоне Я. Кайзер в интервью газете «Die neue Zeitung» заявил, что «в Потсдаме не был окончательно урегулирован восточный вопрос. Поляки не нуждаются в этой территории и не в состоянии ее заселить» [18, S. 649]. Против политики западных держав и немецких реваншистов выступила Социалистическая единая партия Германии. 19 сентября Правление СЕПГ приняло постановление «СЕПГ и вопрос о границе», в котором подчеркивалось: «Социалистическая единая партия Германии обращает внимание прежде всего на то, что происки определенных реакционных кругов, использующих вопрос о восточной границе для разжигания националистической и шовинистической злостной пропаганды, могут нанести большой вред немецкому народу при оформлении мирного договора...» [19, S. 92].

Правительство народной Польши отреагировало на речь Бирнса очень оперативно. В тот же день, 6 сентября 1946 г., как только было получено сообщение о его выступлении в Штутгарте, в Министерство иностранных дел Польши был приглашен посол США в Варшаве А. Лэйн [20, p. 260]. Послу было изложено мнение правительства народной Польши по поводу выступления Бирнса, которое расценивалось как противоречащее решениям Потсдамской конференции [21, s. 68]. Лэйн пытался убедить польскую сторону в безобидности речи Бирнса. 19 сентября 1946 г. он посетил вновь Министерство иностранных дел Польши и жаловался на реакцию польской прессы в связи с выступлением Бирнса. Она, по мнению Лэйна, неверно информирует население Польши о политике США по вопросу о польско-германской границе. А ведь «Соединенные Штаты,— говорил посол,— являются одним из самых больших друзей, если не самым большим другом из всех, которых Польша имела». Как позднее писал Лэйн в своих мемуарах, ему ответили, что будущее покажет, так ли это на самом деле [20, p. 263]. На следующий день, 20 сентября, позиция западных держав была осуждена президентом Польши Б. Берутом на XI сессии Крайовой Рады Народовой [18, S. 457].

Позиция СССР по вопросу о западной границе Польши была неизменной. 16 сентября 1946 г. министр иностранных дел Советского Союза В. М. Молотов в своем ответе корреспонденту польского агентства печати подчеркнул, что «решение Берлинской конференции, подписанное Трумэном, Эттли и Сталиным, уже определило западные границы Польши» [22, с. 151].

Учитывая твердую позицию правительства Советского Союза и Польши в вопросе польско-германской границы и крайне отрицательное отношение польского населения к американским планам ревизии этой границы [21, s. 69—70], А. Лэйн признал нецелесообразным в дальнейшем настаивать на этом. В период подготовки к Московской сессии Совета министров иностранных дел (СМИД) он в донесении от 13 января 1947 г. рекомендовал госдепартаменту снять этот вопрос, мотивируя свою точку зрения тем, что выдвигание требования ревизии польско-германской границы приведет к ухудшению американско-польских отношений и к более тесному сплочению СССР и Польши. К тому же, по мнению посла, усилия США, направленные на ревизию западной границы Польши, не могут дать результатов, так как Советский Союз и Польша займут противоположную Соединенным Штатам позицию. «Мы же, конечно, не собираемся воевать за эти территории,— писал Лэйн,— а без использования силы не существует ничего, что могло бы вынудить советское и польское правительства уступить эти территории...» [23, p. 144]. Донесение Лэйна было тщательно изучено в госдепартаменте,

но его доводы против ревизии польско-германской границы не были приняты [23, p. 142].

9 апреля 1947 г. на Московской сессии СМВД государственный секретарь США Дж. Маршалл заявил, что необходимо рассмотреть проблему окончательного урегулирования польско-германской границы. Он мотивировал такую постановку вопроса «заботой» о том, чтобы Германия избежала экономических трудностей. Американской делегацией было предложено создать специальную комиссию на уровне заместителей министров иностранных дел из представителей СССР, США, Великобритании, Франции, Польши и некоторых других союзных государств по усмотрению СМВД, которая, по мнению Маршалла, должна была изучить вопрос о польско-германской границе и подготовить рекомендации относительно ее «исправления», «урегулирования» экономических проблем, связанных с этим «исправлением», «решения» проблем переселения польского и германского населения в данных районах [16, p. 546—548]. Предложение Маршалла шло дальше штутгартского выступления Бирнса. Выступление Маршалла поддержал министр иностранных дел Великобритании Э. Бевин. Министр иностранных дел Франции Ж. Бидо, руководствуясь тактическими соображениями, занял иную позицию. Он сообщил об одобрении французским правительством решения Потсдамской конференции по вопросу о восточной границе Германии [24, s. 75]. Советский Союз вновь подтвердил свою точку зрения о неизбежности западной польской границы [22, с. 179—182].

10 апреля было опубликовано заявление правительства народной Польши, в котором предложение Маршалла оценивалось как противоречащее решениям Большой Тройки в Ялте и Потсдаме. В заявлении также указывалось, что всякие попытки нарушения Потсдамского соглашения в вопросе польско-германской границы западными державами на руку только «тем элементам, которые не стремятся к стабилизации отношений в Европе и прежде всего тем кругам в Германии, которые уже сегодня помышляют о новой агрессии» [18, S. 469].

Западные державы всячески поощряли реваншистские силы в своих оккупационных зонах, которые вели активную антипольскую пропаганду. К этим силам относились: организации немецких переселенцев, западногерманские буржуазные и реформистская социал-демократическая партии, немецкие католическая и евангелистская церкви [25, s. 16].

Выступая за раскол Германии, поощряя реваншистов, не признавая западные польские границы, Соединенные Штаты преследовали одну цель — остановить развитие революционного процесса в Европе и, конкретно, в Польше. Это нашло отражение, в частности, в американской стратегии «сдерживания» коммунизма. Создание сепаратного западногерманского государства тесно увязывалось с экспансией германского империализма на Восток, что открыто признавали и лидеры западногерманских буржуазных партий. Так, в мае 1949 г. председатель ХДС К. Аденауэр заявил, что создание западногерманского государства делает возможным возвращение Германии территорий, расположенных восточнее границы Одер—Нейсе [26, s. 197].

Сепаратистская политика империалистических держав в германском вопросе в конечном итоге привела к образованию в сентябре 1949 г. Федеративной Республики Германии. Уже в первом правительственном заявлении на заседании бундестага 20 сентября 1949 г. канцлер К. Аденауэр подчеркнул: «Мы не можем... ни при каких обстоятельствах примириться с предпринятым Советским Союзом и Польшей отделением этих областей» [27, S. 151]. Таким образом, правительство ФРГ с первых дней своего существования не признавало факта возвращения территории до линии Одер—Нейсе Польше.

Из всех представленных в бундестаге партий только КПП выступила против правительственного заявления К. Аденауэра. Председатель Правления КПП и председатель фракции коммунистов в бундестаге М. Рейман указывал, что это заявление, как и сам факт создания ФРГ западными союзниками, полностью противоречит Потсдамскому согла-

шению. Он выразил протест против реваншистской пропаганды западногерманского правительства в отношении народной Польши. «Будь Польша сегодня,— говорил М. Рейман,— старой Польшей с правительством Пилсудского или Миколайчика, ни Трумэн, ни Черчилль даже и не подумали бы о пересмотре границы по Одеру—Нейсе, а западногерманским политикам запретили бы даже заикаться об этом» [28, с. 172]. Коммунисты Западной Германии последовательно отстаивали свою точку зрения и в последующие годы.

1 октября 1949 г. правительство СССР в нотам правительствам США, Великобритании и Франции заявляло, что «образование боннского сепаратного правительства несовместимо с решениями Потсдамской конференции и является грубым нарушением этих решений, в основе которых лежит необходимость сохранения единства Германии на демократических и миролобивых началах» [29, с. 167]. 5 октября Министерство иностранных дел Польши вручило послам США и Франции, а также поверенному в делах Великобритании ноты, в которых также говорилось, что ФРГ создана в результате нарушения Потсдамского соглашения. Польша, которая многократно была объектом германской экспансии, протестовала против акции западных держав, приведшей к образованию нового агрессивного сепаратного западногерманского государства [30, 1949 7 X].

По-иному складывались отношения между Польшей и Восточной Германией. Уже через несколько недель после капитуляции гитлеровской Германии, 12 июня 1945 г., Вальтер Ульбрихт на конференции антифашистских функционеров в Берлине, разъясняя основные принципы будущей политики КППГ, говорил также о германо-польских отношениях. Он указывал, что на протяжении многих веков господствующие классы Германии насаждали в сознание народа национализм и шовинизм, что долг антифашистов в современных условиях состоит в преодолении националистических предрассудков, в воспитании немцев в духе дружбы по отношению к другим народам, и в первую очередь, к демократической Польше [18, S. 551—553]. Таким образом, демократическими силами Германии уже в первые дни после окончания войны закладывались новые принципы внешней политики.

Борьба за выполнение решений Потсдамской конференции о границе по Одеру—Нейсе и развитие дружественных отношений между польским и немецким народами стала неотъемлемой частью политики КППГ, а затем СЕПГ. Под руководством партии рабочего класса немецкие демократические организации, поддерживаемые Советской военной администрацией в Германии (СВАГ), проводили разъяснительную и воспитательную работу среди населения. Большую помощь им оказывало «Общество им. Гельмута фон Герлаха за культурные, экономические и политические отношения с новой Польшей», созданное 19 августа 1948 г. в Берлине (с марта 1950 г.— «Германо-польское общество за мир и добрососедство»). Цель общества заключалась в содействии развитию дружественных отношений между Польшей и Германией, в преодолении «всеобщей неосведомленности населения о новой Польше», в ознакомлении немецкого народа с историей политического, экономического и культурного развития Польши, с выдающимися представителями польского народа [31, S. 409]. Общество организовывало лекции, доклады, концерты, театральные представления, кинофестивали, выставки, учебные поездки, комплектование библиотек и другие мероприятия [18, S. 557].

Между Польшей и Восточной Германией развивались также экономические отношения. Польша была первым государством, подписавшим с Управлением торговли СВАГ 2 февраля 1946 г. торговое соглашение. Это соглашение ежегодно возобновлялось и объем торговли увеличивался (см. [4, с. 539—574]). К 1949 г. восточная часть Германии стала одним из основных торговых партнеров Польши. Революционно-демократические преобразования в Польше, последовательное выполнение решений Потсдамской конференции Советским Союзом в своей зоне оккупации, антифашистские, демократические преобразования в Восточной Германии,

а также географические условия (большая протяженность общей границы, удобные пути сообщения) обуславливали дальнейшее взаимовыгодное развитие экономических отношений. На это обстоятельство обращал внимание госдепартамент посол США в Варшаве В. Голлман в своем донесении от 31 марта 1949 г., составленном в связи с очередным возобновлением торгового соглашения между Польшей и Восточной Германией. Он указывал, что среди партнеров Польши Восточную Германию превосходят только СССР, Великобритания и, возможно, Чехословакия [9, р. 513]. Одним из факторов, ускоряющих экономическое сотрудничество с Польшей Восточной Германии он считал блокаду ее западными державами [9, р. 508—509].

Складывание добрососедских отношений между Польшей и Восточной Германией и твердая позиция СССР, направленная на осуществление решений Потсдамской конференции в вопросе границы по Одеру — Нейсе, вызвали беспокойство США. Поверенный в Советском Союзе Ф. Колер рекомендовал 29 марта 1949 г. госдепартаменту подтвердить позицию США по этому вопросу, изложенную Дж. Маршаллом на Московской сессии СМВД в 1947 г., отмечая огромное значение польско-германской границы для будущего Германии [9, р. 512].

7 октября 1949 г. в ответ на создание сепаратного западногерманского государства демократические силы немецкого народа в Восточной Германии провозгласили образование Германской Демократической Республики. Признание Национальным фронтом демократической Германии решений Потсдамской конференции как основы восстановления страны и намерение выполнить международные обязательства перед соседними странами было подтверждено в выступлениях президента ГДР В. Пика 11 октября и премьер-министра О. Гротевольа 12 октября [32, с. 18, 30].

13 октября Советское правительство направило В. Пику и О. Гротеволью послание, в котором говорилось о признании Германской Демократической Республики; создание ГДР оценивалось как поворотный пункт в истории Европы [32, с. 38—39]. 15 октября председатель ПОРП Б. Берут писал в приветственной телеграмме В. Пику и О. Гротеволью: «Польская нация приветствует основание Германской Демократической Республики, которая раз и навсегда порвала с роковой и постыдной традицией „Дранг нах Остен“ и которая рассматривает Одер и Нейсе как границу мира. Добрососедские отношения между Польшей и Германией являются необходимым вкладом в дело мира во всем мире» [30, 1949 15 X]. Спустя два дня, 18 октября, руководитель польской военной миссии при Контрольном совете генерал Я. Правин посетил министра иностранных дел ГДР Г. Дертингера и вручил ему ноту Министерства иностранных дел Польши, в которой сообщалось о признании ГДР и предлагалось обменяться дипломатическими представительствами. Поблагодарив Правина, Г. Дертингер заявил, что это решение открывает новую эпоху в германо-польских отношениях, эпоху мира и дружбы [33, 1949 19 X].

«Польша больше, чем какая-либо другая страна в полной мере оценивает значение образования Германской Демократической Республики», — говорил на пленуме ЦК ПОРП 11 ноября 1949 г. Б. Берут. Он подчеркивал, что в результате последовательного выполнения Советским Союзом решений Потсдамской конференции впервые за многие века была устранена угроза безопасности Польши. Поэтому укрепление дружбы и взаимного сотрудничества с ГДР имеет для Польши большое значение. В докладе Б. Берута определялись задачи ПОРП в новых условиях: во-первых, разъяснить трудящимся большое значение образования ГДР в коренном изменении польско-германских отношений; во-вторых, особое внимание в пропагандистской работе обращать на значение демократических преобразований на немецкой земле для успешного строительства основ социализма в странах народной демократии и в Польше, для дальнейшего развития борьбы за укрепление мира во всем мире; в-третьих, укреплять отношения дружбы и взаимного сотрудничества с ГДР, активно поддерживать ее борьбу за объединение Германии и укрепление в ней народной власти [30, 1949, 15 XI].

Такое развитие событий отнюдь не отвечало политическим целям Запада и правящей коалиции ФРГ. Они усиленно искали повод для непризнания ГДР. Уже 10 октября верховные комиссары западных зон заявили, что «так называемое правительство Германской Демократической Республики является искусственным образованием..., которое лишено любой правовой основы» и «не имеет права представлять Восточную Германию», и что они будут и в дальнейшем поддерживать ФРГ как единственного представителя Германии [9, р. 532]. Через день, 12 октября, государственный секретарь США Д. Ачесон сделал подобное заявление о незаконности правительства ГДР и повторил, что американское правительство будет полностью поддерживать ФРГ [9, р. 532].

Опираясь на поддержку западных держав, и прежде всего США, 21 октября канцлер К. Аденауэр заявил, выступая в бундестаге, что только Федеративная Республика Германия правомочна говорить от имени немецкого народа и что заявления правительства ГДР, в особенности в отношении границы по Одере—Нейсе, необязательны для немецкой политики [27, S. 157].

Отрицательную реакцию на Западе вызвало установление дипломатических отношений ГДР с Советским Союзом и народно-демократическими странами. 24 октября британский Форин оффис информировал глав военных миссий, размещенных в британском секторе Берлина, что Великобритания не намерена устанавливать дипломатические отношения с ГДР и надеется, что их правительства займут такую же позицию. Форин оффис считает, что аналогичные заявления Вашингтона и Парижа были бы очень кстати [9, р. 537].

28 октября верховный комиссар США в Германии Дж. Макклой сообщил об этом в госдепартамент, подчеркнув, что «было бы очень хорошо, если бы госдепартамент проводил ту же линию, что и Форин оффис, советуя странам Бенилюкса, Дании, Швеции и Швейцарии не признавать так называемой Германской Демократической Республики» [9, р. 537—538]. Макклой с беспокойством обращал внимание госдепартамента на признание ГДР Советским Союзом, Польшей, Румынией, Венгрией, Чехословакией и предлагал план организации международной дипломатической изоляции ГДР. С этой целью он считал целесообразным оказать нажим на ряд народно-демократических государств, используя факт нахождения их представительств на территории западных секторов Берлина. Макклой опасался, что Польша и Чехословакия объединят военные миссии, аккредитованные при Контрольном совете, с дипломатическими миссиями в ГДР и этим еще раз подтвердят свое признание правительства ГДР как представителя немецкого народа. Макклой просил также госдепартамент немедленно сообщить ему, что следует предпринять по отношению к тем странам, которые признали правительство ГДР и отказались признать правительство Западной Германии. В качестве меры давления верховный комиссар США предлагал использовать угрозу ликвидации постоянных представительств народно-демократических стран (консульств и других агентств), находящихся на территории ФРГ. Тут же Макклой отмечал, что ответных акций со стороны Советского Союза и ГДР ожидать не следует, так как западные державы не имеют никаких агентств на территории ГДР.

Макклой считал, что западные страны должны использовать любую возможность, чтобы препятствовать признанию ГДР. Необходимые Западу торговые контакты с ГДР он рекомендовал устанавливать не через официальные государственные каналы, а через частные торговые компании и таким образом «избежать любого признака признания». Если же это будет невозможно и все-таки придется западным странам заключать соглашения с правительственными учреждениями ГДР, то, советовал Макклой, следует иметь дело лишь на техническом, а не на политическом уровне. При этом следует «дать ясно понять, что переговоры о признании ГДР не входят в их компетенцию» [9, р. 540].

Соединенные Штаты, по убеждению Макклоя, не должны допустить признания ГДР «нейтралами» (Швейцией и Швейцарией), что планирова-

лось достичь посредством втягивания этих стран в западноевропейские межгосударственные организации.

Последний пункт программы Макклоя предусматривал использование западного большинства в органах ООН и в других международных организациях для того, чтобы добиться для представителей ФРГ права наблюдателей в них и воспрепятствовать признанию этого права за представителями ГДР [9, р. 537—541].

Программа Макклоя была одобрена госдепартаментом, о чем свидетельствует инструкция исполняющего обязанности госсекретаря Дж. Вебба верховному комиссару США в Германии, где некоторые положения этой программы конкретизировались. Вебб советовал Макклою иметь дело только с советскими контрольными властями в вопросах, касающихся «советской оккупационной зоны». Тем самым США не признавали ни факта образования ГДР, ни факта передачи функций СВАГ 10 октября временному правительству ГДР. Должностным лицам и агентствам ФРГ рекомендовалось лишь в исключительных случаях вступать в контакты с соответствующими представителями ГДР и только на техническом уровне. В Берлине связь между секторами должна осуществляться опосредовано, через чиновников западноберлинского магистрата. Не следует терпеть в западных секторах Берлина дипломатические миссии, аккредитованные при временном правительстве ГДР. Любое объединение военных миссий, аккредитованных при Контрольном совете, с дипломатическими миссиями, аккредитованными в ГДР, следует рассматривать как основу для пересмотра права военных миссий оставаться в Западном Берлине. Необходимо также препятствовать участию ГДР в международных организациях [9, р. 542]. Несмотря на все попытки и усилия, США не удалось сорвать развитие отношений между ГДР и странами народной демократии. После образования ГДР, правительство которой с первых дней своего существования признало границу по Одеру и Нейсе Лужицкой в качестве западной польской границы, возникла возможность правового урегулирования этого вопроса, важного для укрепления безопасности Польши и мира в Европе. К июню 1950 г. была завершена предварительная подготовка к переговорам ГДР и народной Польши. Эти переговоры охватывали весь комплекс отношений между двумя странами и определяли их развитие на будущее. Во время встречи правительственной делегации ГДР с руководителями народной Польши в Варшаве 5 и 6 июня были обсуждены интересующие обе стороны вопросы более тесного экономического сотрудничества и проблемы, связанные с укреплением мира в Европе. В результате этих переговоров были заключены соглашения о научно-техническом, торговом, культурном сотрудничестве, а также принята совместная декларация, в которой обе стороны подтвердили польско-германскую границу по линии Одер—Нейсе Лужицкая [34, S. 330—336]. Месяц спустя, 6 июля, в приграничном польском городке Згожелец премьер-министр ГДР О. Гротеволь и премьер-министр народной Польши Ю. Циранкевич подписали договор о демаркации установленной и существующей польско-германской государственной границы. В статье 1-й этого договора подчеркивалось: «Высокие договаривающиеся стороны совместно заявляют, что установленная и существующая граница, проходящая от Балтийского моря чуть западнее Свиноустья и отсюда вдоль реки Одер до слияния с рекой Нейсе Лужицкая, вдоль реки Нейсе Лужицкая до чехословацкой границы, образует государственную границу между Польшей и Германией» [34, S. 342]. Для демаркации границы на местности создавалась смешанная польско-германская комиссия с местопребыванием в Варшаве. Эта комиссия завершила свою работу в начале 1951 г., и 27 января был подписан во Франкфурте-на-Одере акт о демаркации польско-германской государственной границы на местности [34, S. 355].

Польский историк Б. Вевюра, давая правовую оценку Згожелецкого договора, подчеркивал «его и с п о л н и т е л ь н ы й характер как по отношению к Потсдамскому соглашению, так и по отношению к Варшавской декларации (от 6 июня 1950 г.— *Н. С.*)» [2, с. 196].

Население ГДР приветствовало подписание Згожелецкого договора. 9 августа 1950 г. во Временной народной палате ГДР от имени всех фракций выступил депутат Хоманн (Национально-демократическая партия Германии) с заявлением, в котором подчеркивалось, что «благодаря окончательному установлению германо-польской государственной границы, произведенному на основе Потсдамского соглашения, нанесен сильный удар по империалистическим поджигателям войны и заложена основа прочной дружбы и добрососедского сотрудничества между немецким и польским народами» [35, S. 424]. Згожелецкий договор, подписанный в условиях усиления напряженности в Европе в результате реваншистской политики правительства К. Аденауэра, явился важным вкладом в укрепление мира в Европе.

Переговоры в Варшаве между правительственной делегацией ГДР и руководством народной Польши, а затем подписание Згожелецкого договора вызвали отрицательную реакцию американской дипломатии. Дж. Макклой подготовил и 7 июня отправил в госдепартамент проект заявления, где подчеркивалось, что американская позиция уже была изложена в выступлениях Бирнса в Штутгарте в 1946 г. и Маршалла в Москве в 1947 г. По мнению Макклоя, вопрос о польско-германской границе не может быть урегулирован ни односторонне, ни двусторонне, тем более, что одной из сторон выступает якобы незаконное правительство ГДР [11, p. 959]. Государственный департамент полностью одобрил проект этого заявления и 9 июня Макклой сделал его от имени правительства США [18, S. 485—486]. Подобные демарши последовали и со стороны Англии и Франции. В тот же день канцлер К. Аденауэр в правительственном заявлении указал, что ФРГ не признает границу по Одере и Нейсе, что правительство ГДР не имеет права говорить от имени немецкого народа, так как это право принадлежит якобы только Западной Германии, поэтому все договоренности «правительства советской зоны» недействительны [18, S. 658]. Заявления Макклоя и Аденауэра находились в полном противоречии с решениями Потсдамской конференции.

24 августа 1950 г. К. Аденауэр отправил верховному комиссару США декларацию. В ней кроме выше приведенных аргументов отстаивался тезис о том, что Германия якобы существует в границах 1937 г. Канцлер просил США и все союзные ФРГ державы принять к сведению эту декларацию. США представили ее на обсуждение политического комитета Союзнической верховной комиссии 15 сентября 1950 г. Однако требование Аденауэра признать существование Германии в границах 1937 г. настоярило Францию, поскольку означало нарастание угрозы ее безопасности. Поэтому французские представители заявили, что не готовы к обсуждению, а на последующих встречах 22 и 29 сентября выступили против декларации Аденауэра. Позиция Франции была поддержана Великобританией, для которой сильная Германия в границах 1937 г. неизбежно превратилась бы в конкурента на континенте. Представители Великобритании предложили передать письмо правительства ФРГ всем правительствам, имеющим миссии в Бонне, военным миссиям в Берлине и всем оккупирующим державам [11, p. 969—970]. О дальнейшем развитии событий, к сожалению, публикации документов госдепартамента США умалчивают. Но даже приведенные факты позволяют увидеть механизм координации восточной политики правительства ФРГ с представителями США в Германии, которые не только поощряли западногерманских реваншистов, но и активно поддерживали их требования на международной арене.

Несмотря на то, что реваншистские требования западногерманского правительства противоречили национальным интересам Франции и Великобритании, это не мешало им опираться в своей политике в германском вопросе на правительство Аденауэра и не признавать ГДР как суверенное государство. Так, 19 сентября 1950 г. на конференции министров иностранных дел США, Великобритании и Франции в Нью-Йорке было принято совместное решение о признании этими странами правительства Федеративной республики единственным германским правительством,

«образованным свободным и законным путем и поэтому имеющим право выступать на международной арене от имени Германии как представитель немецкого народа» [36, р. 1297].

После заключения Згожелецкого договора Соединенные Штаты ужесточили политику по отношению к народной Польше. Осенью 1950 г. Макклой приступил к реализации своей программы. 25 октября он направил ноту польской военной миссии в Берлине, в которой сообщал, что с 10 ноября все польские консульства в американской зоне станут недействительными и служащие консульства лишатся права иммунитета [18, S. 488—489]. В ответной ноте министерство иностранных дел Польши оценило этот акт как нарушение четырехсторонних соглашений по Германии, в частности, декларации от 5 июня 1945 г., которая гарантировала всем государствам, принимавшим участие в войне против нацистской Германии, право иметь представителей при оккупационных властях. «Устранение польских консульств, — подчеркивалось в ноте, — является частью американской политики, которая ставит под угрозу мир и прямо направлена против Польши» [18, S. 491]. Эта акция Макклоя свидетельствовала об изменении тактики американской дипломатии по отношению к народной Польше после подписания Згожелецкого договора. Соединенные Штаты перешли от угроз к делу.

Анализ тактики дипломатии США в вопросе польско-германской границы в первые послевоенные годы позволяет увидеть, что с самого начала она была направлена на срыв решений Потсдамской конференции по Германии, в целом, и по вопросу германо-польской границы, в частности, на использование германской проблемы для политики срыва народно-демократических преобразований в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Провозглашение немецкими демократическими силами образования ГДР, признавшей решения Потсдамской конференции как основу восстановления Германии, а затем подписание Згожелецкого договора нарушило эти планы США. В новых условиях Соединенные Штаты ужесточили свой внешнеполитический курс в отношении ГДР и народной Польши, что явилось выражением империалистической политики «холодной войны» и американской стратегии «сдерживания» коммунизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Носкова А. Ф., Григорьянц Т. Ю. Згожелецкий договор 1950 г. — Советское славяноведение, 1975, № 5, с. 3—12.
2. Веюра Б. Польско-германская граница и международное право. М., 1959.
3. Гогуль Р., Польш Г. Одер — Нейсе — граница мира. М., 1960.
4. Basiński E. Od Lublina do Zgorzelca. Współdziałanie Polski i ZSRR w rozwiązywaniu problemu niemieckiego, 1944—1950. Warszawa, 1980.
5. Czubiński A. Znaczenie Układu Zgorzeleckiego z 6 lipca 1950 r. dla kształtowania stosunków politycznych w Europie. — Przegląd Zachodni., 1980, № 2, s. 17—31.
6. Fischer J. W 30-rocznicę podpisania Układu Zgorzeleckiego. Geneza oraz znaczenie Układu Zgorzeleckiego dla stosunków PRL — NRD i utrwalenia pokojowego status quo Europy. — Przegląd Zachodni, 1980, № 2, s. 1—16.
7. Klafkowski A. Granica polsko-niemiecka po II wojnie światowej. Poznań, 1976.
8. Kalisch J. Zgorzelec 1950 — ein Meilenstein im Kampf um ein neues Verhältnis zwischen den Völkern Polens und der DDR. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. Gesellschaft- und Sprachwiss. Rostok, 1981, Jg. 30, H. 1, S. 55—60.
9. Foreign relations of the United States (Diplomatic papers). 1949. V. III. Council of foreign ministers; Germany and Austria. Washington, 1974.
10. Foreign relations of the United States (Diplomatic papers). 1949. V. V. Eastern Europe; the Soviet Union. Washington, 1976.
11. Foreign relations of the United States (Diplomatic papers). 1950. V. IV. Central and Eastern Europe; the Soviet Union. Washington, 1980.
12. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании, 17 июля — 2 августа 1945 г. Сборник документов. М., 1980.
13. Поклад Б. И. Внешняя политика Народной Польши. М., 1978.
14. Гайда Э. Внешняя политика ПНР (1944—1975). М., 1977.
15. Byrnes J. F. Offen gesagt. München, 1947.
16. A decade of American foreign policy. Basic documents, 1941—1949. New York, 1968.

17. Głos Ludu.
18. Polen, Deutschland und die Oder — Neisse — Grenze. Dokumentation zur Zeitgeschichte. Bd. 1. Hrgb. von Goguel R. Berlin, 1959.
19. Dokumente der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands. Beschlüsse und Erklärungen des Parteivorstandes des Zentralsekretariats und des Politischen Büros. Bd. I. Berlin, 1948.
20. Lane A. I saw Poland betrayed. New York, 1948.
21. Dobrzycki W. Granica zachodnia w polityce Polskiej 1944—1947. Warszawa, 1974.
22. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. IX. М., 1976.
23. Foreign relations of the United States (Diplomatic papers). 1947. V. II. Council of foreign ministers; Germany and Austria. Washington, 1972.
24. Krasuski J. Stosunek Francji do problemu jedności Niemiec po II wojnie światowej.— Przegląd Zachodni, 1979, № 1, s. 63—104.
25. Sułek J. Stanowisko rządu NRF wobec granicy na Odrze i Nysie Łużyckiej (1949—1966). Poznań, 1969.
26. Krasuski J. Polityka czterech mocarstw wobec Niemiec 1945—1949. Poznań, 1967.
27. Die auswärtige Politik der Bundesrepublik Deutschland. Herausgegeben vom Auswärtigen Amt unter Mitwirkung eines wissenschaftlichen Beirats. Köln, 1972.
28. Рейман М. Решения 1945—1956. М., 1975.
29. Внешняя политика Советского Союза. Документы и материалы. 1949 год. М., 1953.
30. Trybuna Ludu.
31. Hübner Ch. Zum Wirken der Deutsch-Polnischen Gesellschaft für Frieden und gute Nachbarschaft 1948—1952.— Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1979, Jg. 27, H. 5, S. 409—422.
32. Отношения СССР с ГДР. 1949—1955. Документы и материалы. М., 1974.
33. Tribüne.
34. Dokumente zur Aussenpolitik der Regierung der Deutschen Demokratischen Republik. Bd. 1. Von der Gründung der DDR am. 7. Oktober 1949 bis zur Souveränitätserklärung am 25. März 1954. Berlin, 1954.
35. Provisorische Volkskammer der Deutschen Demokratischen Republik. Sitzungsprotokolle. Berlin, 1949—1950.
36. Foreign relations of the United States. (Diplomatic papers). 1950. V.III. Western Europe. Washington, 1977.

СЕРАПИОНОВА Е.

ПРОВАЛ ПЛАНОВ СОЗДАНИЯ ПОЛЬСКО-ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ (1941—1943)¹

Нападение фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. радикально изменило военно-политическую обстановку в мире. Мировая война вышла за рамки капиталистической системы и превратилась в столкновение двух общественных систем — капитализма и социализма. Советский Союз стал главной опорой народов в борьбе с империалистической агрессией, главной силой, способной организовать отпор гитлеровской Германии и ее сообщникам, что способствовало сплочению вокруг СССР всех прогрессивных и демократических сил мира и явилось мощным стимулом к дальнейшему подъему антифашистского, национально-освободительного движения народов [1, с. 32—33].

Наиболее дальновидные политики Запада, оставаясь идеологическими противниками коммунизма, выступили за сотрудничество с Советским Союзом, учитывая роль СССР в войне. 22 июня 1941 г. премьер-министр Англии У. Черчилль, а 24 июня 1941 г. президент США Ф. Рузвельт заявили о намерении их стран оказывать помощь СССР в борьбе против Германии [1, с. 33—34; 2, с. 425]. 12 июля 1941 г. по инициативе правительства СССР в Москве было подписано советско-английское соглашение, которое обязывало оказывать друг другу помощь и поддержку в войне против гитлеровской Германии и в ходе ее не вести переговоров с Германией и не заключать перемирия или мирного договора без обоюдного согласия СССР и Англии [3, с. 131—132]. 2 августа 1941 г. между послом СССР в США К. А. Уманским и исполняющим обязанности госсекретаря США С. Уэллесом состоялся обмен нотами о продлении на год — до 6 августа 1942 г. — советско-американского торгового соглашения от 4 августа 1937 г. и об экономическом содействии США Советскому Союзу; тем самым было официально закреплено сотрудничество США и СССР [3, с. 139—144]. 14 августа 1941 г. правительство США и Англии выступили с декларацией о своих целях в войне, получившей название Атлантической хартии. Она провозглашала необходимость уничтожения нацизма и разоружения агрессоров, право всех народов самим выбирать формы правления, отказ от территориальных приобретений, создание равных возможностей для торговли и экономического сотрудничества между всеми странами. Хотя в хартии обходился молчанием вопрос об участии Советского Союза в системе коллективной безопасности после войны, в целом, однако, декларация носила демократический характер и играла положительную роль в международных отношениях. На межсоюзнической конференции в Лондоне 24 сентября 1941 г. Советское правительство выступило со специальной декларацией, в которой выразило свое согласие с основными

¹ О проектах создания послевоенной польско-чехословацкой конфедерации (1939—1941) см. «Советское славяноведение», 1983, № 3, с. 24—35.

принципами хартии, но внесло ряд существенных дополнений. Было подчеркнуто, что СССР «в своей внешней политике руководствовался и руководствуется принципом самоопределения наций. Исходя из этого принципа, Советский Союз отстаивает право каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны, право устанавливать такой общественной строй и избирать такую форму правления, какие он считает целесообразными и необходимыми в целях обеспечения экономического и культурного процветания всей страны» [3, с. 163—164]. Советское правительство признавало за всеми народами право на самоопределение вплоть до государственного отделения; выдвигало идею коллективной безопасности, которую СССР отстаивал в предвоенные годы, подчеркивало важность проблемы полного и всеобщего разоружения для послевоенных международных отношений [4, с. 169].

29 сентября — 1 октября 1941 г. состоялась Московская конференция представителей СССР, Англии и США, закончившаяся подписанием соглашения об англо-американских поставках Советскому Союзу [3, с. 175]. 7 ноября США распространили на СССР закон о ленд-лизе, а в декабре, после нападения Японии на американскую военно-стратегическую базу Пирл-Харбор, вступили в войну на стороне антигитлеровской коалиции.

Укреплению союза народов в борьбе с фашистскими агрессорами содействовала декларация Объединенных Наций, которая была подписана 1 января 1942 г. в Вашингтоне представителями 26 стран. В декларации содержалось обязательство использовать все имеющиеся в распоряжении союзников ресурсы для борьбы против фашистского блока и сотрудничать между собой по всем вопросам войны и послевоенного устройства мира [2, с. 426].

Укрепляя отношения с Великобританией и США, Советское правительство вместе с тем выразило готовность установить широкое сотрудничество и с другими странами, провозгласившими своей целью борьбу против гитлеровской Германии. Оно высказалось, в частности, за налаживание связей с находившимися в Лондоне эмигрантскими правительствами оккупированных европейских стран. Политика СССР в отношении малых и средних европейских государств, захваченных гитлеровской Германией, была сформулирована в телеграмме советскому послу в Лондоне И. М. Майскому от 3 июля 1941 г. В ней говорилось: «По вопросу о восстановлении национальных государств Польши, Чехословакии и Югославии Вам следует придерживаться следующей позиции: а) мы стоим за создание независимого Польского государства, в границах национальной Польши, включая некоторые города и области, недавно отошедшие к СССР, причем вопрос о характере государственного режима Польши Советское правительство считает внутренним делом самих поляков; б) мы стоим за восстановление Чехословацкого и Югославского государств с тем, что и в этих государствах вопрос о характере государственного режима является их внутренним делом» [4, с. 198].

Еще в начале июля 1941 г. по указанию Советского правительства И. М. Майский начал переговоры с президентом Чехословакии Э. Бенешем о восстановлении дипломатических отношений между СССР и чехословацким эмигрантским правительством и заключении соглашения о взаимной помощи и поддержке в войне против Германии [5, с. 117—118]. До сведения Э. Бенеша было доведено следующее: «а) политической программой Советского правительства является самостоятельная Чехословакия с чехословацким национальным правительством; б) само собой разумеется, что Советское правительство не хочет вмешиваться во внутренние дела Чехословакии и что вопрос о внутреннем режиме и структуре чехословацкий народ решит сам; в) если чехословацкое правительство желает направить в Москву своего посланника, Советское правительство с радостью его примет; г) Советское правительство готово оказать помощь в организации чехословацкой воинской части в России. В таком случае оно считает, что, по-видимому, можно было бы организовать специальный национальный чехословацкий комитет, который помогал бы

в организации армии. Единственным условием является то, что в оперативных и военно-технических вопросах эта часть находилась бы под русским верховным командованием. В остальном командование и офицеры были бы чехословацкими» [6, с. 11].

Совсем иную позицию в отношении Чехословакии и ее правительства занимали западные державы. Правительства Великобритании и Франции, вступив в 1939 г. в войну с Германией, не аннулировали мюнхенское соглашение и не заявили о своем отказе от него. Великобритания и Соединенные Штаты Америки признали чехословацкое эмигрантское правительство, и то лишь де-факто, только летом 1940 г.

Э. Бенеш, хотя и являлся идеологическим противником первого социалистического государства и стремился не допустить влияния Советского Союза на послевоенную Европу и развития революционного движения в своей стране, все же вынужден был начать сотрудничество с Советским Союзом в войне с гитлеровской Германией. Прежде всего это объясняется тем, что будучи дальновидным либерально-буржуазным политиком, Бенеш предполагал рост международного авторитета Советского Союза и усиление его позиций после войны. Из записки начальника канцелярии президента Чехословакии Я. Смутного известно, что Бенеш в этот момент полагал, что «все будущее зависит от того, какими будут победа или поражение России, в каком состоянии она выйдет из этой войны» [5, с. 119]. По его мнению, «Франция даже через 20 лет не будет в состоянии играть ведущую роль в европейской политике. Англия через 5 лет уйдет из Европы и пойдет с Америкой по иному пути. В Европе останутся лишь Россия и Германия» [5, с. 119]. Далее Бенеш рассуждал так: «Германия будет разрушена, а в Восточной Европе, думаю, что и в Центральной Европе, решающую роль будет играть Россия. Для нас такое положение чрезвычайно важно, поскольку от него будет зависеть все будущее, безопасность республики. Мы заинтересованы в том, чтобы русские хорошо делали эту политику...» [5, с. 119]. С другой стороны, обсуждая вопросы восстановления дипломатических отношений с СССР, который всегда выступал против мюнхенского соглашения и в своей ноте от 18 марта 1939 г. решительно осудил захват Чехословакии гитлеровцами [7, с. 427—428], Э. Бенеш стремился использовать эти переговоры и для воздействия на правительство Великобритании и США с тем, чтобы добиться от них признания чехословацкого правительства де-юре, а также отказа Великобритании и Франции от мюнхенских решений. Я. Смутны в своих записках отмечал: «Д-р Бенеш был достаточно зол на англичан за то, что они постоянно медлят с признанием республики. Они признали нас как временное правительство, а речь идет о превращении его в постоянное. Признание русскими, о чем известно англичанам, оказывает давление и на них, и правдоподобно, что о нем будет опубликовано раньше, нежели об английском» [5, с. 126].

18 июля 1941 г. было подписано советско-чехословацкое соглашение. Оно предусматривало взаимный обмен послами, предоставление помощи и поддержки друг другу в войне против Германии, согласие СССР на создание на его территории чехословацких воинских частей под командованием, назначаемым чехословацким правительством по согласованию с правительством СССР. В оперативном отношении чехословацкие воинские части на территории Советского Союза должны были подчиняться Советскому верховному командованию [5, с. 129]. Это соглашение явилось актом большого значения для развития взаимоотношений между Советским Союзом и Чехословакией и знаменовало собой начало их военного сотрудничества. Оно создало необходимые предпосылки для восстановления в будущем самостоятельной Чехословацкой республики в ее домюнхенских границах и имело большое значение для укрепления междунаrodnых позиций чехословацкого правительства. К. Готвальд, подчеркивая большое значение советско-чехословацкого соглашения, писал, что благодаря инициативе Советского Союза Чехословацкая республика «снова вышла на международную арену как законно признанное самостоятельное государство со всеми атрибутами государственной суверенности» [8, с. 31].

После подписания советско-чехословацкого соглашения 18 июля 1941 г. английское правительство было вынуждено признать чехословацкое правительство, оговорившись, однако, что не берет на себя обязательств поддерживать какие-либо определенные границы в Центральной Европе в будущем [5, с. 130; 9, с. 19]. Соединенные Штаты Америки заявили о своем признании чехословацкого правительства лишь 30 июля 1941 г. в письме Ф. Рузвельта Э. Бенешу и в ноте от 31 июля 1941 г. [10, с. 267].

Вступление Советского Союза в войну, заявления Англии и США о поддержке СССР заставили и польское эмигрантское правительство внести коррективы в свою политику по отношению к Советскому Союзу в соответствии с изменившейся международной обстановкой. Посредником в начавшихся советско-польских переговорах о сотрудничестве в войне против Германии стал британский министр иностранных дел А. Иден. Переговоры были трудными и затянулись почти на месяц. Польская сторона настаивала на восстановлении границ, установленных Рижским договором 1921 г., то есть претендовала на часть советской территории, используя трудное положение Советского Союза. Советское правительство не отказывалось обсудить конкретную линию советско-польской границы, но не могло согласиться с территориальным захватом буржуазно-помещичьей Польшей украинских и белорусских земель [4, с. 203]. Премьер-министр польского эмигрантского правительства В. Сикорский и поддерживавшие его представители правого руководства Стронництва людowego (СЛ) и Польской социалистической партии — «Вольность, Рувность, Неподлеглость» (ППС — ВРН) в правительстве стремились подписать соглашение с СССР, опасаясь, что отказ заключить его может неблагоприятно сказаться на международном положении польского правительства. Против соглашения выступали пилсудчики К. Соснковский и А. Залесский и представители Стронництва народowego М. Сейда, а также некоторые деятели Заграничного комитета ППС, санационные элементы в армии и в отдельных учреждениях, прежде всего в министерстве иностранных дел [4, с. 216]. Борьба в польских эмигрантских политических кругах закончилась победой В. Сикорского. 30 июля 1941 г. в присутствии У. Черчилля и А. Идена состоялось подписание советско-польского соглашения [4, с. 208; 3, с. 137], в соответствии с которым Советское правительство признало утратившими силу советско-германские договоры 1939 г. о территориальных переменах в Польше. В свою очередь польское правительство заявило, что не связано никаким соглашением с какой-либо третьей стороной, направленным против Советского Союза. Оба правительства обязывались оказывать друг другу помощь и поддержку в войне против гитлеровской Германии. Советское правительство дало согласие на создание польской армии на территории Советского Союза под командованием, назначаемым польским правительством по согласованию с правительством СССР. В оперативном отношении польские вооруженные силы должны были подчиняться верховному командованию СССР, в состав которого предполагалось ввести польского представителя.

Подписание соглашения с Советским Союзом означало определенную попытку переориентации в политике эмигрантского польского правительства [11, с. 41] и привело к кризису польской правительственной коалиции: из состава правительства вышли наиболее реакционные министры — А. Залесский, К. Соснковский и М. Сейда (последний, правда, через несколько дней вновь вошел в правительство² [12, 1941, 15, 19, 26 VIII]). Они были заменены сторонниками Сикорского.

Установление официальных дипломатических отношений между Советским, чехословацким и польским правительствами и подписание соглашений о совместных действиях в войне с гитлеровской Германией способ-

² Но и те, кто официально поддерживал советско-польское соглашение, на самом деле рассматривали его лишь как временное и конъюнктурное. Польский консул в США Стракач на узком совещании представителей славянских организаций заявил: «Если с другими государствами Польша состоит в союзе, то с СССР она имеет пакт только по необходимости, вытекающей из ситуации» [13, д. 7, л. 221].

ствовали укреплению сотрудничества народов и государств антигитлеровской коалиции.

Однако, несмотря на то, что Англия и США стали союзниками СССР, буржуазные правительства этих стран, преследуя свои классовые цели, отнюдь не отказались от планов воссоздания после войны пресловутого «санитарного кордона» против Советского Союза в виде центрально-европейской федерации государств. Чехословацкое и польское правительства, находясь в политической и экономической зависимости от западных союзников и преследуя свои цели в войне, продолжали вести переговоры о создании польско-чехословацкой конфедерации³.

Не прекращалась и работа совместных чехословацко-польских органов, созданных весной 1941 г. 10 июля 1941 г. были составлены и разосланы инструкции Координационного чехословацко-польского комитета членам смешанных комитетов. Инструкции обязывали: 1) воздерживаться от дискуссий в журналах и других печатных изданиях по вопросам, касающимся деталей будущего сотрудничества, однако, поощрять публикации, пропагандирующие саму идею послевоенной федерации государств Центральной и Юго-Восточной Европы; 2) хранить строжайшую тайну лицам, в силу своей деятельности осведомленным о ходе переговоров в отношении конфедерации; 3) не допускать, чтобы предметом дискуссий в открытой печати стали спорные вопросы, а обсуждать их лишь в смешанных чехословацко-польских комитетах, в том числе и в Координационном; 4) всем чехословацким и польским гражданам воздерживаться от недружественных по отношению друг к другу действий; 6) комитету по пропаганде своевременно доводить до сведения чехословацкой, польской и мировой общественности о тех вопросах, по которым будет достигнуто согласие между польским и чехословацким правительствами [14, с. 2109/41].

Само появление подобных инструкций свидетельствовало, что у чехословацкого и польского правительств по-прежнему оставалось много спорных проблем, которые широко обсуждались в печати⁴. Это в свою очередь, способствовало обострению отношений между сторонами, так как характер такого рода «обсуждений» был не вполне дружественным.

На межсоюзнической конференции в Лондоне 24 сентября 1941 г. Я. Масарик от имени польского и чехословацкого правительств зачитал совместную декларацию, в которой приветствовалась Атлантическая хартия [14, с. 1166/41]. На следующий день после конференции газета «Times» писала: «Первая совместная декларация, объявленная вчера польским и чехословацким правительствами, — это, безусловно, значительный шаг в нужном направлении, который мы приветствуем» [15, 1941, 25 IX]. Но, как известно из записи Й. Хейрета о подготовке совместной декларации, правящие круги Великобритании не только «приветствовали» совместную декларацию, но и были ее инициаторами: английское правительство дало понять исполняющему обязанности министра иностранных дел польского эмигрантского правительства Э. Рачиньскому, что были бы желательны одновременные чехословацкое и польское заявления, а тем более приветствовалась бы совместная декларация [14, с. 2915/41 дѳв.].

³ Посол Чехословакии при польском эмигрантском правительстве 2 июня 1941 г. сообщил в чехословацкое министерство иностранных дел о своем разговоре с генералом В. Сикорским, который отметил, что в последние дни чувствует «определенную сдержанность» с чехословацкой стороны, вызванную, по его мнению, «новым развитием событий». Посол Чехословакии, однако, заверил его, что позиция Чехословакии по отношению к Польше остается прежней и высказал надежду, что новая ситуация может оказаться благоприятной и для решения советско-польских проблем. Сикорский, в свою очередь, подчеркнул, что идея федерации всюду находит поддержку и понимание, заметив при этом, что особенно это чувствовалось во время его недавнего визита в США [14, с. 29/41].

⁴ В этой связи небезынтересно сообщение чехословацкого пресс-атташе Й. Хейрета в министерство иностранных дел Чехословакии от 15 сентября 1941 г. о публикации польского автора Т. Филиповича «В канун третьей Польши», где говорилось о сотрудничестве польского и чехословацкого правительств, отрицалась возможность существования после войны единой Чехословакии, пропагандировалась идея лидерства Польши в послевоенной конфедерации. По словам Хейрета, автор публикации «надеялся, что на территории от Рима до Урала Польша займет положение духовного руководителя народов, которых она спасет от гибели» [14, с. 8920/41].

Согласованность внешнеполитических действий чехословацкого и польского правительств, подписавших совместную декларацию, не означала, однако, отсутствия противоречий, по-прежнему существовавших между обоими правительствами, как можно судить из продолжавшейся переписки Бенеша и Сикорского. Э. Бенеш в письме В. Сикорскому от 6 октября 1941 г., хотя и подтвердил еще раз, что после вступления Советского Союза в войну политика чехословацкого правительства, направленная на сотрудничество с польским правительством, остается прежней, но высказал мнение, что принятие положения «о полной солидарности чехословацкого и польского правительств во внешней политике» (предложенного Сикорским в письме от 18 июня 1941 г.) до урегулирования вопроса о совместных границах означало бы вмешательство одной стороны во внутренние дела другой. Он предлагал формулировку о «лояльном» отношении друг к другу. В этом же письме Бенеш требовал возвращения Чехословакии части Тешинской Силезии, оккупированной Польшей в октябре 1938 г. [16, s. 269].

В ответе Бенешу В. Сикорский 21 октября 1941 г. признал формулировку о «лояльном» отношении недостаточной и принял ее лишь как «необходимый минимум» [16, s. 270]. Суть дела состояла в том, что Бенеш не хотел связывать себя обязательствами полной поддержки внешней политики польского эмигрантского правительства до окончательного решения вопроса о польско-советских границах, понимая, что это может привести к затруднениям в его отношениях с Советским Союзом.

В этом же письме В. Сикорский прямо упрекнул чехословацкую сторону в уклонении от переговоров о конфедерации, ибо польский проект «Конституционного акта» будущего объединения был готов еще 21 мая 1941 г., но все еще не обсуждался.

В начале ноября 1941 г. на заседании Координационного комитета чехословацкий министр Г. Рипка изложил согласованные уже принципы двустороннего сотрудничества, а также перечислил проблемы, нуждающиеся, по его мнению, в дальнейшей разработке и согласовании в смешанных комитетах. К первым он относил договоренности о координации внешней политики, в особенности в отношении Венгрии и Советского Союза, и о лояльности друг к другу по тем вопросам, по которым еще не выработано единой позиции; ко вторым — необходимость договора о чехословацко-польской границе, об основах организации будущего объединения и подготовку подробных проектов союза двух стран [14, č. 4191/dův./41].

Польской стороной, в свою очередь, был предложен для обсуждения проект будущей конфедерации, именовавшийся «Конституционные положения конфедеративного союза Польши и Чехословакии». Проект предусматривал: возможность присоединения к конфедерации других государств, ограничение суверенных прав Польши и Чехословакии, создание общего дипломатического представительства, проведение единой внешней, экономической и финансовой политики, организацию совместной обороны, создание единого высшего органа — Верховного союзного совета, общего союзного правительства [14, č. 4191/41]. Большое внимание в проекте уделялось экономическим проблемам организации будущей конфедерации, но упор по-прежнему делался на тесное политическое и военное объединение. Экономическое сотрудничество участников конфедерации ставилось в зависимость от политического. Сосредоточение всех главных политических и государственных функций в объединенных органах говорило о стремлении польского правительства видеть в будущем объединении подобие централизованной унии. Гегемонии Польши, как наиболее крупной страны в будущем объединении, предполагалось достичь на основе военно-политического единства членов конфедерации.

Изучив польский проект, чехословацкая сторона вскоре представила на рассмотрение в Координационный комитет свои «Основные принципы конфедеративного объединения Чехословакии и Польши» [14, č. 3953/dův./41]. Чехословацкий проект основывался на признании суверенитета государств и ограничении его лишь в некоторых сферах, а именно: внеш-

няя, социально-экономическая, финансовая политика, валютная система, торговля и транспорт. В отличие от польского проекта, предлагалось сохранить независимыми заграничные представительства и дипломатические службы (проводя внешнюю политику координированно, в соответствии с постоянным соглашением). В чехословацком проекте, также в отличие от польского, подчеркивалось, что армии должны быть независимыми, но их принципиальная структура и методы боевой подготовки идентичными. Единое верховное командование предполагалось назначать лишь в случае войны. Согласно проекту, члены конфедерации проводили бы общую валютную политику, сохранив при этом свои эмиссионные банки для контроля за обменным валютным курсом между собой. Большое значение придавалось единой экономической и торговой политике. «Совместно координированная торговая и вообще экономическая политика является такой же неременной основой конфедерации, как и общая внешняя и военная политика», — подчеркивалось в проекте [14, §. 3953/41]. В пункте, касавшемся транспорта, специально оговаривалось совместное использование портов странами — членами конфедерации, что представляло для Чехословакии, не имевшей выхода к морю, безусловную выгоду. В разделе о государственном управлении указывалось, что члены конфедерации по отношению к другим странам и друг к другу являются независимыми и суверенными, со своими главами государств, правительствами, парламентами и другими конституционными органами, со своей законодательной, исполнительной и судебной властью, со своими армиями. Их суверенитет ограничивался бы лишь координированием политики в различных областях в соответствии с заключенными договорами. В отношении будущих гражданских прав и свобод польский и чехословацкий проекты имели некоторые, не носившие принципиального характера, различия.

Вторая часть чехословацкого проекта предусматривала создание всевозможных координационных советов для подготовки проектов резолюций, которые требовали, в свою очередь, одобрения со стороны правительств стран — участников конфедерации; имелись в виду: конфедерационный (в составе глав правительств, министров иностранных дел, обороны и экономики), дипломатический, экономический, военный советы и общий генеральный штаб. Причем все эти органы предполагалось созывать лишь несколько раз в году, тогда как, согласно польскому проекту, совместные органы конфедерации должны были действовать постоянно. Таким образом, чехословацкое правительство стремилось к большей самостоятельности в будущей конфедерации и объединению преимущественно на экономической основе, стараясь закрепить тем самым свое экономическое лидерство и обеспечить себе дешевые сырьевые ресурсы и просторные рынки сбыта. Главные принципы подхода к будущей конфедерации обеих сторон продолжали существенно различаться.

Несмотря на эти различия, в годовщину принятия совместной чехословацко-польской декларации 11 ноября 1941 г. появилось общее коммюнике, в котором сообщалось, что на основе достигнутых за прошедший год результатов Координационный комитет начинает «детальную разработку принципов создания конфедерации» [17, s. 157].

В ноябре 1941 г. английская газета «Manchester Guardian» изложила взгляды Бенеша на организацию послевоенной Европы: «Чехословацко-польская конфедерация станет основой реорганизации Европы. К ней смогут присоединиться Австрия, Венгрия и, возможно, Румыния. Балканский блок будет образован федерацией Югославии, Греции и, возможно, Румынии. Турции придется решать, как поступать далее, Болгария будет вынуждена вступить в Балканскую федерацию. Советская Россия должна будет принять участие в этой европейской организации и в сотрудничестве с новыми европейскими блоками. Это должно найти выражение, прежде всего, в соглашении между русскими и чехословацко-польской конфедерацией» [18, 1941, 11, 19 XI]. В то же время реакционная польская газета, издававшаяся в Нью-Йорке, «Nowy Świat», комментируя доклад некоего профессора А. Герца на тему «Россия в Европе»,

писала: «Только блок малых стран, находящихся теперь под немецкой оккупацией, должен создать плотину и одновременно быть посредником в соглашении с Советами». При этом указывалось, что блок Польши и Чехословакии при поддержке Англии и США стал бы гарантией против возможной «социализации» Польши [13, д. 7, л. 223].

Правительственные круги Чехословакии и Польши выступали за региональные блоки в послевоенной Европе, которые призваны были предотвратить «влияние коммунизма» на Европу. В свою очередь, правительство Великобритании, стремясь после войны укрепить свои позиции в Центральной и Юго-Восточной Европе, восстановить там буржуазные режимы, а также изолировать Советский Союз от остальной Европы, продолжало нажим на эмигрантские правительства с целью ускорить заключение соглашения о конфедерации. О существовавших тогда взглядах польской эмиграции на цели будущей конфедерации и о поддержке, которую оказывала ей английская дипломатия, подробно говорится в одном из секретных донесений в чехословацкое министерство иностранных дел от 22 ноября 1941 г. В нем, в частности, сообщалось о тенденции польской стороны к укреплению позиций на Балтийском море с тем, чтобы «балтийское побережье будущей польско-чехословацкой конфедерации как бы охраняло морскую мощь Великобритании» [14, ф. 3800/dův./41]. Особо подчеркивалось что, по мнению многих поляков, хорошо осведомленных о настроениях в английских парламентских кругах, Англия весьма заинтересована в создании как можно более тесной польско-чехословацкой, либо более широкой, центральноевропейской унии, так как самостоятельная Чехословакия, согласно английской концепции, была недостаточно сильна, чтобы защитить государственную независимость и предотвратить захват своей развитой индустрии врагами Великобритании. С этой точки зрения, «для охраны чехословацкой тяжелой промышленности» должна была быть создана тесная польско-чехословацкая уния, военная и политическая. Только военное чехословацко-польское соглашение, согласно донесению, не даст желаемых результатов, учитывая неудачный опыт подобных соглашений накануне войны. Кроме того, в донесении сообщалось: «Не исключено, что в скором времени Великобритания начнет интересоваться тем, к каким конкретным результатам привели чехословацко-польские переговоры, а так как оба партнера еще весьма осторожничают и проявляют нежелание радикально решить эту жизненно важную проблему, то англичане не смогут остаться равнодушными» [14, ф. 3800/dův./41].

О продолжавших существовать серьезных разногласиях между польской и чехословацкой сторонами в подходе к будущей конфедерации, к оценке прошлого в чехословацко-польских переговорах свидетельствует посланный Бенешем Сикорскому 25 декабря 1941 г. меморандум, в котором содержался пространный обзор чехословацко-польских отношений межвоенного периода и выдвигалось категорическое требование признать домюнхенские границы Чехословакии [16, с. 270—271]. Бенеш отверг мнение польского правительства об обоюдных прошлых ошибках, возложив всю вину на Польшу, и напомнил Сикорскому политику Бека в отношении Чехословакии во время мюнхенского сговора. Переписка между Бенешем и Сикорским прервалась до июля следующего года.

11 января 1942 г. в газете «Sunday Times» было опубликовано интервью английского журналиста В. Хейвуда с министром иностранных дел и послом польского эмигрантского правительства в Лондоне Э. Рачиньским, который заявил, что Советский Союз, по его мнению, не сможет играть сколько-нибудь значительной роли в послевоенной Европе, так как «будет ослаблен в войне и значительно удален от центра Европы, а следовательно, больше втянут в сферу азиатских, а не европейских проблем». Рачиньский отстаивал идею центральноевропейской федерации. При этом он считал, что Польша занимает ключевую позицию в Европе, утверждая, что именно поражение Польши в 1939 г. повлекло за собой и поражение стран Скандинаво-Балтийского и Дунайского регионов. Рачиньский выразил надежду, что совместные польско-чехословацкие

комиссии в скором времени разработают окончательные принципы конфедерации, которая станет «важным фактором европейского равновесия сил и центром притяжения других наций — от Литвы до Венгрии и Балканской группы государств». Он заявил также о желании польского правительства включить в будущую конфедерацию Венгрию [19, 1942, 11 1]. Выступление Рачиньского еще раз продемонстрировало стремление польского правительства отстоять свою концепцию послевоенной организации Центральной и Юго-Восточной Европы, создать федерацию, в которой Польша заняла бы главенствующее положение.

Непосредственное влияние на ход подготовки чехословацко-польского договора о послевоенной конфедерации оказало греко-югославское соглашение о конфедерации, заключенное в середине января 1942 г. Эмигрантские правительства Польши и Чехословакии 19 января 1942 г. достигли соглашения по ряду принципиальных вопросов, связанных с проектируемой конфедерацией, и 23 января опубликовали договор, выражавший принципы организации будущей конфедерации, несмотря на то, что полной согласованности достигнуть им так и не удалось. Договор гласил, что после войны будет создана конфедерация Чехословакии, Польши и других государств этого региона, связанных с Польшей и Чехословакией жизненно важными интересами. Общими станут внешняя, экономическая и военная политика, а также почта и телеграф. В договоре указывалось, что все члены конфедерации войдут в таможенный союз, валюта их унифицируется, в случае войны будет назначаться верховное единое командование и единый генеральный штаб. Говорилось о координации финансовой политики, особенно налоговой системы, создании общего управления железными дорогами, авиацией, водными путями, почтой и всеми видами связи, совместном использовании портов. Было зафиксировано, что федеративный принцип должен учитываться и в области социальной политики, просвещения и культуры; вопросы гражданства останутся в компетенции отдельных государств; члены конфедерации будут осуществлять взаимную юридическую помощь. Согласно договору, должны были быть введены свобода печати и слова, равенство всех граждан перед законом, право на получение образования и занятие государственных должностей, контроль национальных собраний за деятельностью правительств [20, 1942, д. 24].

Чехословацко-польский договор от 19 января 1942 г. провозглашал принципы будущей конфедерации, не уточняя способов их реализации. Так, в договоре не говорилось, каким образом будет «координироваться» внешняя политика, когда будет установлен таможенный союз, каковы будут общие органы конфедерации. Кроме того, чехословацкая сторона подчеркивала, что договор не имеет полной силы, так как подписан в эмиграции [20, оп. 1942, д. 24]. Договор был компромиссом между чехословацкой и польской сторонами, по-разному представлявшими будущий чехословацко-польский блок и являлся кульминацией их переговоров о государственном объединении после войны [21, s. 47].

Одновременно с договором 19 января 1942 г. чехословацким и польским правительствами была одобрена резолюция, приветствующая греко-югославское соглашение от 15 января 1942 г., в которой указывалось, что правительства Чехословакии и Польши надеются, что стабильность и процветание Центральной и Юго-Восточной Европы после войны будут целиком зависеть от тесного сотрудничества двух конфедераций, основа первой из них заложена греко-югославским, а второй — польско-чехословацким соглашениями [22, p. 132].

В выступлении по радио 19 января 1942 г. чехословацкий министр Г. Рипка так оценил это событие: «Резолюция от 19 января правильно определяет перспективы нашего будущего сотрудничества и с достаточной точностью показывает формы, в которых оно будет осуществляться» [22, p. 46].

Выступая на пресс-конференции в Вашингтоне 29 января, посол польского эмигрантского правительства в США Я. Цехановский отмечал, что значение соглашения заключается в решении Чехословакии и Польши по-

кончить с разногласиями, во многом способствовавшими захвату этих государств гитлеровской Германией, а также в том, чтобы в ходе войны спланировать реорганизацию этой части Европы [23, 1942, 29 I].

Совершенно другую оценку давали этим планам и проектам представители чехословацкой и польской прогрессивной общественности. Чехословацкий коммунист Б. Лаптовичка, во время войны находившийся в Лондоне, с возмущением писал: «Имел ли вообще кто-либо за границей право вести переговоры о так далеко идущем отступлении от всего того, за что боролось не одно поколение, за что приносились великие жертвы? Идея самостоятельного, независимого национального государства привела в политическое движение массы нашего народа в 1917—1918 гг. За независимую, самостоятельную республику миллионы наших граждан были готовы пожертвовать жизнью в 1938 г., за нее десятки тысяч гибли на эшафотах во время оккупации. Сообщения с родины постоянно подтверждали, что восстановление государственного суверенитета является заветной мечтой каждого чеха и словака, не считая горстки предателей» [17, s. 162—163].

Польский коммунист А. Лямпе, оценивая польско-чехословацкие переговоры о конфедерации, приведшие к подписанию соглашения от 19 января 1942 г., отмечал: «... Лондонские переговоры о чехословацко-польской конфедерации оказались поверхностным и кратковременным флиртом, а не началом серьезной и долговременной политики взаимного сближения. Стоит проанализировать этот вопрос, чтобы выкрутасы наших лондонских реакционеров служили нам предостережением, чего не надо делать, если мы хотим добиться действительного сближения с Чехословакией» [24, s. 325].

Существование двух направлений в чехословацком и польском движении Сопротивления, представленных, с одной стороны, буржуазными правительствами и их сторонниками, а с другой — прогрессивными левыми силами во главе с коммунистами, как в странах, так и за границей, обусловило наличие и двух принципиально различных концепций послевоенной организации Европы. Если чехословацкое и польское эмигрантские правительства, ориентируясь на западные державы, вели переговоры и заключали соглашения о создании после войны блока государств с более или менее закамуфлированной, но антисоветской направленностью, то чехословацкие и польские коммунисты решительно выступали против реакционных проектов федераций в Центральной и Юго-Восточной Европе, за отношения дружбы и сотрудничества Польши и Чехословакии с Советским Союзом на принципах суверенитета и равноправия. Они неразрывно связывали вопросы новой внешней политики своих стран с необходимостью коренных внутренних преобразований в Польше и Чехословакии после освобождения.

В западной буржуазной прессе широко и в целом положительно комментировались греко-югославское и чехословацко-польское соглашения [15, 1942, 24, 29 I; 18, 1942, 24 I; 23, 1942, 29 I]. Однако наиболее реакционные политические круги, прежде всего Великобритании, были недовольны «недостаточным», по их мнению, ограничением суверенитета будущих участников конфедерации (Англия стремилась использовать федеративные объединения малых и средних государств Центральной и Юго-Восточной Европы в качестве орудия своего влияния в этой части Европы). Английский журнал «Economist», выражая их мнение, критиковал сохранение двух самостоятельных генеральных штабов — чехословацкого и польского, и национальных армий: «Так как Восточный блок должен действовать в качестве эффективной военной силы, то он должен обладать единой армией, а не только время от времени и частично координировать действия национальных армий» [25, 1942, 24 I]. Он выдвигал также требование полного объединения промышленных и сырьевых ресурсов на всей территории от Польши до Греции. Что касается внешнеполитической сферы, то, по его мнению, было недопустимо сохранение национальных министерств иностранных дел. «Эффективные конфедерации, — подчеркивал журнал, — должны иметь не только общую армию

и общее производство, но и вести общую внешнюю политику... Слабая конфедерация будет самообманом и безрассудством» [25, 1942, 24 I]. В феврале английский журнал «Observer» выступил с утверждением, что вообще «национальные государства перестали быть эффективным образованием». Оценивая же, в частности, чехословацко-польское и греко-югославское соглашения, он указывал, что федерации, ими предусмотренные, будут недостаточно сильными без новых союзников, призывал к «свободному» и «демократическому» общеевропейскому союзу: «Мы хотим объединить Европу не завоеванием, как Гитлер, а соглашением» [26, 1942, 8 II].

В марте 1942 г. состоялся второй визит В. Сикорского в Соединенные Штаты Америки с целью заручиться поддержкой в создании центрально-европейской конфедерации, в которой главную роль играла бы Польша. Конкретных обещаний поддержать польские федеративные проекты Сикорский не добился⁵, однако, по приезде в Лондон на заседании польского Национального совета он заявил, что «американский президент и общественность страны полностью понимают роль, которую Польша сможет играть после войны как кристаллизующий центр для федеративных группировок в Европе» [27, р. 260]. Правительственные круги США имели свои далеко идущие планы в отношении Центральной и Юго-Восточной Европы, рассчитывая после войны укрепить свои позиции в этом регионе, опираясь на свою экономическую мощь и возросшее политическое влияние. Газета «Washington Post» в марте 1942 г. писала: «Без сомнения, многие европейские страны попросят Соединенные Штаты о неотложной материальной помощи после войны так же, как сейчас они обращаются к Америке за помощью и поддержкой в установлении стабильного и справедливого нового порядка в Старом свете после заключения мира» [28, 1942, 15 III].

Между тем весной 1942 г. ухудшились отношения между Советским Союзом и польским эмигрантским правительством, что было вызвано усилением антисоветского курса польского правительства и, в частности, его отказом выполнять взятые на себя обязательства об участии польских воинских частей, созданных на территории СССР, в совместных действиях на советско-германском фронте. В марте 1942 г. польское эмигрантское правительство эвакуировало из СССР в Иран первый эшелон, около 32 тыс. солдат и офицеров. Учитывая нежелание польского правительства использовать польскую армию на советско-германском фронте согласно советско-польскому соглашению от 30 июля 1941 г. и совместной советско-польской декларации от 4 декабря 1941 г. правительство СССР признало нецелесообразным дальнейшее формирование на территории Советского Союза польских воинских частей [4, с. 300—301].

Одновременно с этим обострились отношения между чехословацким и польским эмигрантскими правительствами. Видя неуступчивость чехословацкого партнера, который все еще отказывался полностью поддержать польские внешнеполитические концепции, польская сторона, пытаясь добиться от Бенеша уступок, усилила нажим на него, используя так называемый «словацкий вопрос», т. е. фактически подвергая сомнению право на существование единого чехословацкого государства⁶. В это же время польский министр Э. Рачиньский записал в своем дневнике: «Я потерял надежду, что мы по этому пути продвинемся с Масариком дальше. Нам придется искать другие вспомогательные пути, например, разыграть словацкую карту» [29, р. 155].

⁵ Государственный департамент США, как утверждает в своей работе «Соединенные Штаты и Польша» П. С. Вандич, считал попытки В. Сикорского создать конфедерацию, «свободную, от влияния СССР», явно обреченными на провал [27, р. 260].

⁶ По сообщению чехословацкого посла Скалицкого о чехословацко-польской манифестации в Ливерпульском Университете 29 мая 1942 г., польский министр Страссбургер в своем выступлении назвал будущую конфедерацию унией чешского, словацкого и польского народов. Это вызвало опасения чехословацкой стороны, что некоторые польские политики продолжают высказываться за чешско-польско-словацкую конфедерацию, со Словакией в качестве независимого партнера [14, с. 401/42].

Это вызвало ответную реакцию чехословацкой стороны. В мае 1942 г. чехословацкий Государственный совет одобрил резолюцию, в которой, хотя и одобрялась идея сотрудничества с польской стороной, однако выдвигалось категорическое требование возврата Чехословакии Тешинского района, а также указывалось, что Советский Союз должен иметь стратегически защищенные границы, т. е. по сути дела поддерживалась позиция Советского Союза по вопросу о советско-польских границах [14, с. 10260/42]. Через несколько дней правительственная польская газета «Dziennik Polski», издававшаяся в Лондоне, сообщила о проведении в польском Национальном совете дискуссии и принятии ответной резолюции. В ней, в частности, говорилось: «...Стремление к конфедерации с Чехословакией и другими народами Центральной Европы ни в коем случае не касается главного требования — охраны целостности польского государства» [14, с. 9387/42]. Заинтересованность чехословацкого и польского правительств в Тешине объяснялась главным образом экономическими соображениями. Тешинский район (Заользье) был невелик по площади и населению, но стратегически и экономически важен, так как там добывался каменный уголь и проходила железнодорожная линия.

Во время визита В. М. Молотова в Лондон для подписания англо-советского договора в мае 1942 г. состоялся ряд его встреч с Э. Бенешем, во время которых были затронуты и вопросы чехословацко-польских переговоров о конфедерации. Хотя Э. Бенеш заверил, что условием создания чехословацко-польской конфедерации являются дружественные отношения между СССР и Польшей, В. М. Молотов от имени Советского правительства выразил сомнение в отношении реальности подобного рода конфедерации [30, с. 273].

Чтобы ослабить (хотя бы внешне) несколько натянутые чехословацко-польские отношения, на заседании Координационного комитета 3 июня 1942 г. была одобрена компромиссная декларация, подчеркивавшая значение будущей конфедерации [14, с. 9387/42], а 12 июня появилось и совместное чехословацко-польское коммюнике, ставшее последним опубликованным документом переговоров (хотя они продолжались еще около года). В коммюнике говорилось, что основной целью внешней политики чехословацкого и польского правительств продолжает оставаться создание после войны конфедерации, и для ускорения подготовительной работы Координационному чехословацко-польскому комитету предписывалось создать 4 дополнительные комиссии по изучению и выработке принципов организации конфедерации: экономическую, военную, культурную и социальную [22, р. 137].

Между тем советско-польские отношения продолжали ухудшаться⁷. В августе 1942 г. в разгар тяжелых боев Красной Армии с немецко-фашистскими войсками на Сталинградском направлении начался второй этап эвакуации польской армии, созданной в СССР, на Ближний Восток. Польское правительство эвакуировало из Советского Союза 44 тыс. польских военнослужащих [4, с. 334—335].

Визит чехословацкого министра обороны С. Ингра в Москву летом 1942 г. наглядно продемонстрировал нежелание чехословацкого правительства углублять военное сотрудничество с СССР, и в частности, ускорить формирование чехословацких воинских частей в СССР для их активного участия в боевых действиях на советско-германском фронте [5, с. 233].

Однако, выражая настроение большинства бойцов чехословацкой части, командир 1-го батальона подполковник Л. Свобода 28 августа направил Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами

⁷ В канун годовщины подписания советско-польского соглашения газета «Правда», анализируя развитие отношений между Советским и польским правительствами за год, резко критиковала реакционных польских политиков: «...Некоторые польские горе-политики и горе-журналисты пытаются сеять раздор между дружественными народами, затевать дискуссии по вопросам, не имеющим ничего общего с задачей борьбы против гитлеризма, подменять эту борьбу всяким пустозвонным прожектерством» [31, 1942, 30 VII].

СССР И. В. Сталину письмо с просьбой об отправке батальона на фронт [5, с. 234—235]. Это вызвало недовольство Чехословацкой военной миссии в СССР и министерства национальной обороны, потребовавшего от Л. Свободы объяснений и объявившего ему выговор за нарушение субординации [5, с. 236, 242], что, в свою очередь, свидетельствовало о далеко не такой «просоветской» позиции чехословацкого правительства, как утверждали польские партнеры Бенеша [29, р. 124; 32, d. 451, s. 27]. Различия между политикой Бенеша и Сикорского были лишь тактическими, так как оба они не хотели допустить Советский Союз в Европу, опасаясь развития революционного движения в своих странах. Учитывая рост международного авторитета, усиление позиций СССР в антигитлеровской коалиции, а также укрепление его престижа в Чехословакии, Бенеш и поддерживавшие его силы стремились ограничить влияние Советского Союза на послевоенную Европу не путем открытой конфронтации, как это делало польское правительство; а, наоборот, заключив соглашение между чехословацко-польским блоком и СССР [5, с. 280].

Позиции Советского Союза и западных держав в отношении Чехословакии продолжали существенно различаться. Советский посол при эмигрантских правительствах в Лондоне А. Е. Богомолов 4 июня 1942 г. еще раз изложил позицию Советского Союза, заявив, что СССР выступает за восстановление независимой Чехословацкой республики в границах, существовавших до Мюнхена [5, с. 229]. 5 августа чехословацкий министр иностранных дел Я. Масарик и английский министр иностранных дел А. Иден обменялись нотами о будущих границах ЧСР. Правительство Великобритании заявило, что в своем отношении к границам Чехословакии оно не будет руководствоваться мюнхенским соглашением [33, s. 174; 6, с. 55]. Позднее, 29 сентября 1942 г., национальный комитет «Свободная Франция» сделал подобное же заявление [33, s. 185]. Но никаких гарантий восстановления довоенных границ Чехословакии западными союзниками не было дано.

Как свидетельствует запись в дневнике Э. Рачиньского от 27 сентября 1942 г., в связи с этими событиями польскому правительству, хотя и с трудом, но удалось добиться того, что отказ западных союзников от границ, установленных мюнхенским соглашением, не коснулся польской аннексии Тешинского района, последовавшей вслед за Мюнхеном [29, р. 119—124].

Из этой же записи Э. Рачиньского известно, что польское правительство, желая как можно скорее завершить переговоры, 24 сентября в ноте Я. Масарику предложило опубликовать официальный договор о чехословацко-польской конфедерации [29, р. 119]. Однако чехословацкое правительство, после того как международные позиции его несколько укрепились, учитывая все имеющиеся разногласия с эмигрантским правительством Польши, стремление последнего к гегемонии в планируемом союзе двух стран, а также изменение военно-политической обстановки в связи с переходом Советской Армии в наступление под Сталинградом, приходит к мысли об отказе от конфедерации. На переговорах, состоявшихся 19 ноября 1942 г. между Бенешем, Масариком и Рипкой, с одной стороны, Сикорским и Рачиньским — с другой, обе стороны подтвердили, что не отказываются от идеи сотрудничества, но конкретно ни о какой конфедерации уже не упоминалось. Причем чехословацкие представители подчеркивали, что умышленно избегают слов «федерация», «конфедерация», «союз», так как эти термины «можно понимать по-разному», и вопрос о названии якобы вообще «не является принципиальным» [14, č. 221/42 dŭv.]

На следующий день, 20 ноября 1942 г. Я. Масарик направил письмо Э. Рачиньскому с предложением заключить польско-чехословацкий союзный договор сроком на 20 лет [16, s. 302—303]. Предложение чехословацкой стороны, принятое через три дня польским эмигрантским правительством, не было поддержано самим чехословацким правительством, и вследствие этого не могло быть реализовано [16, с. 303].

Вместе с тем Э. Бенеш, учитывая изменение международной обстановки, вызванное решающей победой Советских Вооруженных Сил под Сталин-

градом, знаменовавшей начало коренного поворота в Великой Отечественной войне и во второй мировой войне в целом, а также давление чехословацкой демократической общественности, пришел к мысли о необходимости заключения союзного договора с Советским Союзом. В начале марта 1943 г. он сообщил Советскому правительству о своем желании подписать с СССР договор о дружбе и сотрудничестве [5, с. 275—276]. Однако вскоре выяснилось, что Бенеш имел в виду не заключение двустороннего советско-чехословацкого договора, а трипартийный договор о взаимопомощи между Чехословакией, Польшей и СССР [5, с. 280]. Предложение о трехстороннем договоре, как позже признавал и сам Бенеш, было инспирировано английскими и американскими правительственными кругами [34, с. 25].

Советское правительство в принципе считало такой пакт приемлемым, но ввиду весьма натянутых отношений с польским правительством расценивало обсуждение вопроса о трипартийном пакте как несвоевременное [5, с. 295].

В результате разрыва дипломатических отношений между Советским Союзом и польским эмигрантским правительством, занявшим открыто враждебные позиции и начавшим антисоветскую кампанию в связи с катынской провокацией гитлеровцев в апреле 1943 г., предложение Бенеша о трипартийном соглашении стало еще менее актуальным.

Откровенно реакционный курс польского эмигрантского правительства получил резкое осуждение польской прогрессивной общественности [35, 1943, 28 IV; 31, 1943, 30 IV]. Польский экономист и общественный деятель, в эмиграции профессор Чикагского университета, член ППС О. Ланге направил письмо в газету «New York Herald Tribune», перепечатанное «Правдой», в котором, разбирая причины разрыва советско-польских отношений, отмечал, что сразу же после подписания советско-польского соглашения от 30 июля 1941 г. в среде польской буржуазной эмиграции возникла «неофициальная» оппозиция политике В. Сикорского, представленная наиболее реакционными политиками типа Матушевского. Многие члены польского правительства разделяли взгляды этой оппозиции. По словам О. Ланге, Сикорский «пытался исправить положение, делая одну уступку за другой пока его политика по существу ничем не стала отличаться от политики Матушевского» [31, 1943, 3 V]. В письме также указывалось, что ухудшение польско-советских отношений сопровождалось и ухудшением отношений между чехословацким и польским правительствами. Польское правительство возобновило античешскую кампанию и свою поддержку словацкого сепаратистского движения. По сообщению Ланге, бывший чехословацкий премьер-министр, аграрий М. Годжа «поддерживал связь со словацкими сепаратистами в США через польские правительственные каналы» [31, 1943, 3 V]. О связях представителя польского эмигрантского правительства С. Кота с политическими противниками Э. Бенеша — М. Годжей и другими сообщается и в уже упоминавшемся выше дневнике Э. Рачиньского [29, р. 106—107].

В этой ситуации Я. Масарик сообщил Э. Рачиньскому 14 мая 1943 г. о решении чехословацкого правительства приостановить чехословацко-польские переговоры о конфедерации [16, с. 307—309]. По сообщению агентства «Reuter» чехословацкое правительство указало на три причины прекращения переговоров: враждебное отношение к Советскому Союзу польского правительства, его позиция по проблеме Тешина, провенгерская польская политика ⁸ [14, č. 3339/dův./43].

20 мая 1943 г. Пленум чехословацкого Государственного совета единогласно одобрил резолюцию, в которой Государственный совет категорично осуждал антисоветскую пропаганду в связи с катынской фальшивкой гитлеровцев, а также выражал свое недовольство политикой польского правительства в отношении Чехословакии, а именно тем, что оно продолжало настаивать на законности захвата чехословацких территорий осенью 1938 г., придерживалось реакционных ревизионистских провенгерских

⁸ Польша не состояла в войне с Венгрией, сторонницей гитлеровской Германии.

тенденций, враждебных Чехословакии. В резолюции также указывалось, что польские политические деятели и польская печать поддерживают некоторых чехословацких «политических авантюристов», не имеющих ничего общего с чехословацким Сопротивлением и его политическим представительством за границей. «Сотрудничество с этими людьми не может способствовать взаимному доверию между нами и поляками», — говорилось в резолюции [36, 1943, № 11, 5 VI, s. 2—3].

5 июня 1943 г. в журнале «Nowe Widnokręgi», издававшемся прогрессивной польской общественностью в СССР, появилась статья по поводу резолюции чехословацкого Государственного совета от 20 мая 1943 г., в которой резко критиковалась позиция польского эмигрантского правительства по отношению к Чехословакии. В ней в частности говорилось: «Пусть братья чехи не отождествляют отношения с правительством ген. Сикорского и отношения с польским народом. В любом из спорных вопросов правительство ген. Сикорского не представляет мнения польского государства» [36, 1943, № 11, 5 VI, s. 2]. В статье подчеркивалось, что польские демократические силы занимают совершенно противоположную позицию относительно соседнего чехословацкого государства: «...Мы хотим и будем служить делу как можно более тесного польско-чехословацкого сближения, мы приложим все силы, чтобы между Польшей и Чехословакией существовали действительно искренняя и постоянная дружба, искреннее и постоянное сотрудничество» [36, 1943, № 11, 5 VI, s. 2].

В мае 1943 г. Э. Бенеш был приглашен в США для переговоров с Ф. Д. Рузвельтом и находившимся там У. Черчиллем. Во время англо-американских переговоров с целью выработки совместной позиции перед конференцией Большой Тройки в Тегеране было решено отложить открытие второго фронта в Европе еще на год. Об этом стало известно и в кругах чехословацкой эмиграции. Бенеш полагал, что британская «балканская стратегия» вскоре будет реализована, и англо-американские войска через Италию и Балканский полуостров войдут в Чехословакию и освободят ее быстрее, чем Красная Армия, которая вынуждена будет вести бои с основными силами фашистской Германии [37, s. 205; 29, s. 29]. По этой причине он отложил свой визит в СССР, тем более, что США и Англия настаивали на заключении трехстороннего соглашения (Чехословакия — СССР — Польша), а СССР в данных условиях не считал его реальным.

Несмотря на разрыв дипломатических отношений между Советским Союзом и польским эмигрантским правительством, Бенеш, находясь в США, вновь высказывается за трипартийный договор Чехословакии, Польши и СССР [31, 1943, 22 V]. Переговоры о таком договоре Бенеш рассматривал и как возможность для посредничества в польско-советском конфликте. Это, по его мнению, могло позволить ему добиться уступок польского партнера в вопросе признания домюнхенских границ Чехословакии [14, č. 11256/43 dñv.; 29, p. 146].

Э. Рачиньский стремился отговорить Бенеша от подписания советско-чехословацкого договора, а его правительство решительно отвергало и трипартийное соглашение [29, p. 183]. 1 июня 1943 г. В. Сикорский в послании Делегатуре⁹ указывал, что чехословацкое правительство отказалось от переговоров о конфедерации, а польское правительство, «по совету Черчилля», продолжает «поддерживать идею федерации» [32, d. 451, s. 27].

Стремясь, несмотря ни на что, реализовать федеративную концепцию послевоенной организации Европы, В. Сикорский в июне 1943 г. при посредстве польского посла при Ватикане завязал контакты со словацким сепаратистом К. Сидором по вопросу польско-венгеро-словацко-хорватской федерации [21, s. 50]¹⁰.

⁹ Делегатура — подпольное представительство эмигрантского правительства в Польше.

¹⁰ Идеино-политической основой деятельности словацких сепаратистов был тезис К. Сидора, что для словацкого народа объединение с чешским народом якобы не является «прогрессивным», а потому необходимо сохранить независимость Словакии в рамках новой организации Центральной Европы при помощи и поддержке Польши и Венгрии [16, s. 50].

4 июля 1943 г. в авиационной катастрофе погиб В. Сикорский. Новым польским премьером стал представитель крестьянской партии С. Миколайчик, главнокомандующим польскими войсками — К. Соснковский, в прошлом сторонник Пилсудского. Вскоре был сформирован и новый правительственный кабинет [15, 1943, 15 VII]. В первом же интервью С. Миколайчик заявил, что польское правительство продолжает полностью поддерживать идею федерации в Центральной и Юго-Восточной Европе [15, 1943, 17 VII; 38, 1943, 17 VII]. Польское правительство попыталось возобновить переговоры о конфедерации с чехословацким правительством. 21 августа 1943 г. Бенеш имел беседу с представителем польских католических кругов, министром народного образования в новом правительстве З. Качиньским, в ходе которой опять выявились разногласия между чехословацкой и польской сторонами по вопросу отношения к Советскому Союзу и проблеме общих границ [30, с. 360—361].

Это обстоятельство, а главным образом, решающая победа Красной Армии на Курской дуге, в результате которой стратегическая инициатива окончательно перешла в руки Советских Вооруженных Сил, начавших стремительное наступление, заставили Э. Бенеша признать необходимость скорейшего заключения советско-чехословацкого договора о дружбе и сотрудничестве. Однако поездка Бенеша в Москву по прежнему тормозилась отрицательным отношением правительственных кругов Великобритании и США, опасавшихся ослабления своего влияния на чехословацкое правительство, к планируемому двустороннему договору [39, с. 68].

Лишь во время конференции министров иностранных дел США, Великобритании и СССР, проходившей в октябре 1943 г. в Москве, в ответ на слова В. М. Молотова, что поездка Бенеша не состоялась из-за возражений со стороны британского правительства, А. Иден был вынужден заявить, что английское правительство не против заключения договора [5, с. 374].

На этой же конференции А. Иден, руководствуясь инструкцией У. Черчилля, поставил вопрос о федерациях в послевоенной Европе [37, с. 204]. В ответ на это В. М. Молотов подробно изложил позицию Советского правительства, которое считало, что «преждевременное и возможно искусственное прикрепление малых стран к теоретически запланированным группировкам было бы чревато опасностями как для самих этих стран, так и для будущего общего мирного развития Европы». По мнению правительства СССР, образование федераций решениями эмигрантских правительств (которые в силу своего положения не могли быть прочно связаны со своими народами) могло быть воспринято «как навязывание народам решений, не соответствующих их желаниям». Советское правительство считало, что было бы несправедливо уже во время войны включать в федерации страны, являющиеся сателлитами гитлеровской Германии, таким образом освобождая их от ответственности за участие в войне. «Кроме того, — отмечалось в советском заявлении, — некоторые проекты федераций напоминают советскому народу политику санитарного кордона, направленную, как известно, против Советского Союза и воспринимаемую поэтому советским народом отрицательно» [40, с. 193—194, 355—356].

12 декабря 1943 г. в Москве был подписан советско-чехословацкий договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, отвечавший интересам обеих стран, способствовавший укреплению антигитлеровской коалиции и являвшийся важным фактором в борьбе за послевоенное урегулирование в Европе на принципах равноправия, уважения суверенитета и независимости государств [5, с. 396]. Советско-чехословацкий договор укрепил международные позиции чехословацкого правительства и стал гарантией независимости и самостоятельности Чехословакии.

Приложенный к договору Протокол предусматривал в дальнейшем возможность присоединения к советско-чехословацкому договору третьей страны, граничащей с Советским Союзом и Чехословацкой Республикой и представлявшей в войне объект германской агрессии [5, с. 396]. Советское правительство, таким образом, еще раз продемонстрировало свою

Готовность урегулировать отношения с Польшей. Оно считало, что реализация этой возможности для Польши зависит от ее внешней политики.

Польские прогрессивные общественные деятели, высоко оценивая советско-чехословацкий договор, заявляли: «Советско-чехословацкий договор снова подтверждает намерение уважать независимость Польши и содержит открытое приглашение по ее адресу» [31, 1943, 22 XII]. Польский журнал «*Nowe Widnokręgi*» в декабре 1943 г. писал: «...Мы хотим не только заключить союз с Англией и Соединенными Штатами, но и впервые в истории установить отношения дружбы и мирного сотрудничества с украинцами, белоруссами, русскими и чехами» [36, 1943, № 24, 20 XII, s. 2].

Чехословацко-советский договор положил конец проектам создания чехословацко-польской конфедерации под эгидой Великобритании, носившим явно антисоветскую окраску. Их окончательный провал был обусловлен не только наличием существенных разногласий между эмигрантскими правительствами Польши и Чехословакии. Он был предопределен победами Советских Вооруженных Сил на фронтах, возросшим международным авторитетом Советского Союза, позицией демократических сил Польши и Чехословакии, боровшихся за дружбу с СССР как основу внешней политики их освобожденных стран и будущего мирного урегулирования в Европе.

ЛИТЕРАТУРА

1. История второй мировой войны 1939—1945. Т. 4. М., 1975.
2. История внешней политики СССР 1917—1945. М., 1980.
3. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. I. М., 1946.
4. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. М., 1973.
5. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. IV. Кн. I. М., 1981.
6. Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. М., 1960.
7. Документы по истории мюнхенского соглашения 1937—1939. М., 1979.
8. *Gottwald K.* Deset let. Praha, 1949.
9. *Firlinger Z.* Ve službach CSR, díl. 2. Praha, 1947.
10. *Beneš E.* Paměti: Od Mnichova k Nové Válce a novému vítězství. Praha, 1947—1948.
11. *Параданова В. С.* Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1982.
12. *Nowy świat.*
13. Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) Всеславянский комитет. Фонд 6646, оп. 1.
14. *Statní ústřední archiv (SUA. Prezidium Ministerské Rady — Londýn. Československo-polské spolupráce 1939—1944.*
15. *Times.*
16. *Korespondencja w sprawie polsko-czechosłowackiej konfederacji 1940—1943.* — In: *Studia z najnowszych dziejów powszechnych, 1963, № 4.*
17. *Laštovička B.* V Londýne za války. Praha, 1978.
18. *Manchester Guardian.*
19. *Sunday Times.*
20. Архив Института истории АН СССР. Фонд 22 — Досье иностранной прессы 1941—1943.
21. *Borođovčák V.* Polský národ a národy Československa na dejinnej křižovatké (1939—1948). Bratislava, 1982.
22. *Wandycz P. S.* Czechoslovak-Polish Confederation and the Great Powers (1940—1943). Bloomington, 1956.
23. *New York Herald Tribune.*
24. *Lampe A.* O nową Polskę. Warszawa, 1954.
25. *Economist.*
26. *The Observer.*
27. *Wandycz P. S.* The United States and Poland. London, 1980.
28. *Washington Post.*

29. *Raczynsky E.* In Allied London. London, 1962.
30. Dokumenty z historie československe politiky 1939—1943, sv. 1, Praha, 1966.
31. Правда.
32. Armia Krajowa w dokumentach 1939—1945. T. 3. London, 1976.
33. Historické udalosti — druhá svetová válka. Malé encyklopedie, sv. 7. Praha, 1979.
34. *Прасолов С. И.* Советско-чехословацкий договор 1943 г.— Советское славяноведение, 1965, № 1.
35. Известия.
36. Nowe Widnokreǳi.
37. *Rozen-Zawadzki K.* Próby sfederowania środkowo-wschodniej Europy (1939—1943). In: Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej. T. 1. Warszawa, 1965.
38. New York Times.
39. *Зебер Е.* Внешнеполитическая концепция СССР о демократическом мирном урегулировании в Европе в 1943—1945 гг. Первые двусторонние соглашения СССР с Чехословакией и Польшей.— На путях нерушимой дружбы. М., 1977.
40. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.— Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19—30 октября 1943). М., 1978.

ЦВИЛЮК С. А.

ИЗДАНИЯ БОЛГАРСКИХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1918—1920)

Деятельность болгарских интернационалистов на территории Советской республики в период Октябрьской революции и гражданской войны в целом освещена широко. Данной теме посвящены обобщающие коллективные труды Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Института истории Болгарской коммунистической партии при ЦК БКП «Октябрь и болгарские интернационалисты» и сборник документов и материалов «Под знаменем Октября» [1; 2], ряд исследований советских и болгарских ученых [3—5].

Одним из важных аспектов этой проблемы, не нашедших еще достаточного отражения в исторической литературе, является издательская деятельность болгарских коммунистов в Советской стране¹. Печать сыграла большую роль в становлении и деятельности интернационалистских организаций; с ее помощью осуществлялось революционное просвещение болгарских трудящихся, усвоение ими коммунистического учения, которое В. И. Ленин призывал перевести «на язык каждого народа» [8, с. 330].

Первые печатные издания болгарских интернационалистов — листовки, плакаты, брошюры — относятся к незабываемым дням Октябрьской революции. Содержание их прежде всего составляли декреты и распоряжения Советской власти, манифесты, политические лозунги дня и т. п. Разъясняя своим соотечественникам суть происходящих событий в России, эта литература утверждала мысль о том, что Советская власть на деле дает всем народам свободу и равенство, воспитывала политически непросвещенные еще массы в революционном духе. Участник Октябрьских событий И. Мануилов впоследствии вспоминал, как болгарские интернационалисты с помощью большевиков в конце 1917 г. отпечатали несколько листовок на болгарском языке о сущности социалистической революции. «Мы потом сами удивлялись, — писал он, — тому воздействию, которое оказывали незамысловатые листовки на болгарскую бедноту. После прочтения листовок многие объявляли себя революционерами» [9, 7 XI].

Петроградская группа тесняков в мае 1917 г. издала на болгарском языке брошюру «Ленин и Плеханов», авторы которой — болгары М. Антонов и С. Чукалов — раскрывали сущность ленинского учения о социалистической революции, о непримиримости идейной борьбы большевиков с меньшевиками, показывали величие вождя российского и международного пролетариата В. И. Ленина [10].

Болгарские интернационалисты входили в Югославянскую группу РКП(б), участвовали в ее издательской деятельности, в частности, в выпуске ее центрального органа — газеты «Svjetska revolucija», выходившей в Москве с июня 1918 г. [11, ф. 549, оп. 6, ед. хр. 1, л. 21].

¹ Данная тема частично раскрыта в исследованиях [4; 6; 7].

«Svjetska revolucija» освещала жизнь и деятельность представителей всех четырех наций, входивших в Югославянскую группу РКП(б), — болгар, сербов, хорватов и словенцев, информировала о революционном движении в странах Балканского полуострова, в том числе в Болгарии [12, 11, 15, 25 IX, 19, 26 X]. В газете был специальный болгарский отдел, где помещались различные материалы на болгарском языке. Редактором отдела являлся Ф. Кишев [1, с. 167]. Газета призывала трудящихся Болгарии к пролетарской солидарности с рабочим классом России, к единению сил в борьбе с контрреволюцией. «Мы должны из Москвы поднять наше боевое знамя и на логику тирании ответить логикой революции», — подчеркивалось в обращении «К болгарам в России» [12, 17 VIII].

В центре внимания болгарского отдела газеты находились вопросы политического просвещения болгарских трудящихся, пропаганды среди них идей революции и социализма. Много места отводилось для освещения положения дел в Советской России, первых успехов социалистического строительства; давалась информация об участии болгарских интернационалистов в первых революционных преобразованиях молодого социалистического государства, в борьбе против его врагов [13]. В статьях и заметках Ф. Кишева, И. Някшева, Г. Шейтанова и других болгарских коммунистов проводилась важная мысль о том, что русская революция открывает широкую дорогу борьбе за социальное и национальное освобождение трудящихся всех стран, в том числе и болгарских рабочих и крестьян. Со страниц газеты систематически звучали призывы к болгарам, сербам, представителям других южнославянских народов последовать примеру русского пролетариата и единым фронтом выступить на борьбу за революционное обновление мира [12, 25 IX; 9, 19 X].

«Svjetska revolucija» распространялась и за пределами Москвы — в Петрограде, Саратове, Рязани, Липецке, Царицыне, Самаре, Орле и других городах Советской России [1, с. 144], где находились болгары, помогала налаживать с ними прочные связи, вовлекать их в активную борьбу. С ее страниц неоднократно звучали призывы к активному сотрудничеству болгар в газете [12, 3, 17 VIII].

Важным событием в деятельности болгарских интернационалистов стало создание в октябре 1918 г. самостоятельных болгарских коммунистических групп в Москве и Петрограде [14, с. 210, 229]. Московская группа как центральная вошла в Федерацию иностранных групп РКП(б) [1, с. 144]. В январе 1919 г. была проведена конференция болгарских коммунистов, сыгравшая большую роль в налаживании координации деятельности коммунистических групп в центре и на периферии. С этой целью была выработана и утверждена общая для всех групп программная платформа [15, 2 III]. Центральное бюро болгарских коммунистических групп (ЦБ БКГ) при ЦК РКП(б), избранное конференцией, возглавило деятельность всех болгарских коммунистических групп. В состав бюро вошли С. Джоров (председатель), Х. Боев (секретарь), И. Стойков и другие интернационалисты [16, с. 87].

Создание единого партийного центра, к которому перешла «вся ответственная организационно-политическая и агитационно-печатная работа» [15, 2 III], активизировало издательскую деятельность болгарских интернационалистов. Отсутствие собственного печатного органа в Москве и в Петрограде² они компенсировали изданием на родном языке значительного количества политической литературы и листовок. Выпуск их осуществляло издательство «Комуна», созданное в конце октября — начале ноября 1918 г. при Болгарской группе РКП(б) в Москве [11, ф. 17, оп. 65, ед. хр. 95, л. 89; 14, с. 235, 238]. Так, силами московской и петроградской групп в 1918—1919 гг. были переведены на болгарский язык и изданы работы В. И. Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Уроки революции», «Очередные задачи Советской власти»,

² Болгарские коммунисты планировали наладить издание собственного печатного органа. В частности, в Уставе петроградской группы было записано: «Группа... переводит на болгарский язык революционную литературу и издает газету...» [14, с. 212]. Однако сведений об издании газеты на болгарском языке в Петрограде не имеется.

а также текст Конституции РСФСР — первой Советской Конституции, принятой V Всероссийским съездом Советов в июле 1918 г. В популярных брошюрах раскрывалось международное значение Великой Октябрьской социалистической революции, сущность Советской власти, пропагандировались идеи научного коммунизма, разоблачались антинародные планы международного империализма. Темы этих работ, как правило, четко и понятно выражались в их названиях: «Что такое Советская власть и как она строится?», «Что дала революция народу?», «Долой международных разбойников!», «Всеобщая дележка или коммунистическое производство» [11, ф. 549, оп. 1, ед. хр. 14, л. 11; ед. хр. 19, л. 62; оп. 6, ед. хр. 3, л. 2, 8; ед. хр. 5, л. 123; ед. хр. 16, л. 23; ф. 17, оп. 65, ед. хр. 95, л. 75, 85, 92; 15, 2 III].

В листовках кратко, в доступной форме разъяснялись основные идеи социалистической революции, давалась правдивая и оперативная информация о событиях в Советской республике и за ее пределами, приводились на болгарском языке основные положения из опубликованных в партийно-советской печати статей и речей В. И. Ленина. Например, в выпущенной в конце 1918 г. листовке была опубликована выдержка из работы В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти»³. Поскольку эта ленинская работа впервые была переведена на болгарский язык в октябре 1918 г. московской группой [11, ф. 549, оп. 1, ед. хр. 19, л. 62], можно полагать, что и листовка издана ею же в Москве.

Для болгарских листовок характерна строго классовая направленность: они, как правило, адресованы определенным социально-политическим группам населения, о чем свидетельствуют их названия-обращения: «Рабочий!», «Крестьянин!», «Красноармеец!». Типичной в этом отношении является листовка-воззвание «Крестьянин!», изданная в январе 1919 г. в Москве. От имени рабочего класса она призывала крестьян к совместной борьбе против эксплуататоров, к защите революционных завоеваний своих братьев по классу — русских рабочих и крестьян. «Ты видишь, кто встал на защиту трудящихся? — говорилось в ней. — Кто под красным знаменем выступил против нашего общего врага? Это товарищи наши — русские рабочие и крестьяне. Поэтому я, рабочий, зову к оружию и тебя, болгарский крестьянин... Пусть крепнет наш рабоче-крестьянский союз!» [14, с. 252—253].

Большой силы агитационно-пропагандистский заряд содержался в листовке «Манифест к болгарскому трудовому народу», выпущенной болгарскими коммунистами Петрограда. Манифест разоблачал цели империалистов Антанты в отношении Советской республики и призывал болгарских трудящихся решительно выступить на ее защиту [15, 2 III].

После освобождения южных районов страны от интервентов Антанты стало возможным перенести центр деятельности болгарских интернационалистов на Украину, ближе к Болгарии. Тем самым создавались более благоприятные условия для поддержания связей с Болгарской коммунистической партией, а также для активизации работы среди болгарского населения юга Украины, Бессарабии и Крыма.

В конце марта 1919 г., получив одобрение ЦК РКП(б), Центральное бюро болгарских коммунистических групп выехало в Киев. К этому времени на Украине развертывалась значительная организаторская и агитационно-пропагандистская работа болгарских коммунистов. В феврале 1919 г. было создано Болгарское бюро при ЦК КП(б)У и болгарский отдел при Отделе международной пропаганды Народного комиссариата иностранных дел Украины. Весной и летом 1919 г. болгарские коммунистические группы были созданы в Одессе, Харькове, Екатеринославе, Луганске, Славянске [1, с. 181; 17, с. 42]. Основная их деятельность была сосредоточена в Одессе, в окрестностях которой проживало около 40 тыс. болгар [3, с. 105]. Сюда из Киева уже 20 апреля 1919 г. прибыли члены ЦБ БКГ. Работу Центрального бюро, а также болгарской коммунисти-

³ Листовка хранится в Историческом музее болгарского города Видин.

ческой группы, созданной при Одесском обкоме КП(б) Украины, направляли ЦК РКП(б), ЦК КП(б) Украины и Южнорусское бюро Коминтерна.

Пребывание ЦБ БКГ в апреле—августе 1919 г. в Одессе ознаменовалось его активной издательской деятельностью. Здесь болгарские коммунисты организовали выпуск на родном языке своего печатного органа — 1 мая 1919 г. вышел первый номер газеты «Комуна», ставшей единственным регулярным революционным периодическим изданием на болгарском языке в Советской стране в период Октябрьской революции и гражданской войны. Газета издавалась при содействии Одесского обкома КП(б) Украины, предоставившего редакции необходимые средства, полиграфическую базу и помещение в доме № 20 по улице Петра Великого (в этом же здании находились все организации, действовавшие под руководством болгарских коммунистов в Одессе). Редактором «Комуны» стал коммунист Ст. Сапунов [18, 10 V]. В газете плодотворно сотрудничали И. Генов, С. Джоров, К. Касапов, К. Телалов, М. Огнянов и другие интернационалисты. «Комуна» выходила примерно один раз в неделю, всего выпущено 9 номеров.

Направленность газеты, ее задачи были сформулированы в редакционной статье первого номера, которая подчеркивала: «Комуна» должна стать факелом наших боевых колонн, светочем, рассеивающим над Болгарией мрак, центром нашего идейного, организационного и боевого объединения под красным знаменем Третьего Коммунистического Интернационала». «К организации, к оружию, товарищи! — призывала газета. — С нами весь мир, мы победим» [18, 1 V].

«Комуна» стала настоящим организатором трудящихся болгар, проживавших на Украине, на борьбу за власть Советов. В воззваниях, выпускавшихся от имени коммунистической группы и Совета болгарских рабочих и солдатских депутатов⁴, шла речь о непоколебимой решимости болгар оказать действительную помощь своим братьям — русским и украинцам, об уверенности в том, что победа Советской России и Советской Украины над своими врагами станет толчком к революции в Болгарии. «Час уже близок, — говорилось в воззвании Совета. — И скоро с помощью русских революционеров мы поднимем красное знамя революции в Софии на царском дворце и кровью болгарской буржуазии смоём все ее преступления, на могиле ее провозгласим Болгарскую Трудовую комууну» [18, 24 V].

Начиная с первого номера, газета в разделе «Партийная жизнь» освещала деятельность ЦБ БКГ, направленную на объединение всех коммунистических организаций болгар на территории Советской России и Советской Венгрии, на усиление агитационно-пропагандистской и культурно-просветительной работы среди своих соотечественников. Газета содействовала установлению связей Центрального бюро со всеми болгарскими коммунистическими группами, работавшими в разных местах, общала о проводившихся митингах, публичных собраниях, лекциях по самым злободневным темам [18, 1, 10, 31 V и др.]. Так через свой печатный орган ЦБ БКГ осуществляло руководство болгарскими коммунистическими группами, помогало им овладевать ленинскими принципами партийной работы, информировало о мероприятиях коммунистической группы в Одессе и т. п.

Проявляя заботу об идейно-политическом воспитании коммунистов и всех трудящихся болгар, газета пропагандировала ленинские идеи социалистической революции, Советской власти и ее политики, союза рабочих и крестьян. В номере за 31 мая был опубликован текст первомайского выступления В. И. Ленина перед московскими рабочими. В обширной статье «Чему нас учит русская революция» разъяснялась сущность социалистической революции в России и ее особенности, подчеркивалась мысль о том, что эта революция открывает путь к миру и социальному

⁴ Совет был создан в Одессе 6 мая 1919 г. на общегородском собрании болгарских рабочих и солдат, созванном по инициативе болгарских коммунистических организаций. В Совет избрали 9 депутатов, председателем стал К. Касапов, секретарем — Х. Боев [18, 10 V].

освобождению трудящихся всех стран. Раскрывая необходимость решительной борьбы с международной буржуазией, автор статьи делал вывод: «Враг у нас общий, он везде. Он и здесь, и в Румынии, и в Болгарии, и во Франции, он везде, где есть бедные и богатые» [18, 1 V].

В статье «Что такое Советская республика?» в популярной форме раскрывалось существо Советской власти и диктатуры пролетариата. Этим же вопросам были посвящены теоретические материалы — «Советская власть или буржуазная республика?», «К коммунизму через диктатуру пролетариата». Публиковались материалы, разъясняющие ленинскую аграрную политику: изложение доклада В. И. Ленина на VIII съезде РКП(б) от 23 марта 1919 г. о работе в деревне, в котором обосновывалась политика партии в отношении середняка. Основные положения политики Советской власти в крестьянском вопросе популярно излагались в статье «О земледельческой коммуне» [18, 10, 31 V].

На страницах газеты уделялось внимание положению в мировом коммунистическом и революционном движении, борьбе против оппортунистической политики лидеров II Интернационала. Здесь были представлены материалы, освещавшие организацию и деятельность III Коммунистического Интернационала, роль В. И. Ленина в его создании, публиковались документы I конгресса Коминтерна: написанная В. И. Лениным «Платформа Коммунистического Интернационала», тезисы Конгресса «Международное положение и политика Антанты», воззвания Исполкома Коминтерна [18, 14, 21 VI]. Пропаганде идей и лозунгов Коминтерна были посвящены выступления в газете одного из руководителей болгарских коммунистов С. Джорова⁵, отличавшиеся острой непримиримостью к врагам революции, твердой верой в торжество социализма. В своих статьях «Представители болгарских коммунистов в III Интернационале» и «III Коммунистический Интернационал» он с ленинских позиций раскрыл всемирно-историческое значение вновь созданной международной организации коммунистов, разоблачил попытки раскольников международного рабочего движения придать ему черты национальной ограниченности, затормозить поступательное движение исторического процесса [18, 10 V].

В «Комуне» печатались материалы о политических событиях на Балканах, прежде всего в Болгарии, о деятельности Болгарской коммунистической партии. 5 июля была опубликована подробная информация о работе XXII съезда БРСДП (тесных социалистов), состоявшегося в конце мая 1919 г. в Софии. Этот съезд, превратившийся в I съезд Болгарской коммунистической партии, ознаменовал собой переход партии «тесняков» на позиции ленинизма. Представителем болгарских коммунистов-интернационалистов на съезде был Х. Боев, секретарь ЦБ БКГ⁶. Он встретился с Д. Благоевым и другими руководителями партии, сообщил им о положении в Советской республике, о деятельности интернационалистов и болгарских коммунистических групп. Х. Боев привез в Болгарию советскую литературу и издания ЦБ БКГ на болгарском языке [5, с. 116—117].

Материалы I съезда БКП были доставлены в Одессу. Об их получении правительство Украины 4 июля 1919 г. сообщало В. И. Ленину: «Возвратившаяся из Болгарии экспедиция сообщает, что 22-й съезд социалистической партии тесняков объявил себя первым съездом Коммунистиче-

⁵ С. Джоров был горячим сторонником создания нового, революционного Интернационала, принимал участие в работе I конгресса Коминтерна в качестве представителя болгарских коммунистических групп в Советской России.

⁶ В 1919 г. болгарские и украинские революционеры-подпольщики неоднократно совершали смелые рейсы на лодках из Одессы в Варну, прорываясь сквозь блокаду вражеского флота Антанты. Они переправляли революционеров-интернационалистов, пропагандистскую литературу, доставляли необходимые сведения о революционном движении в Болгарии. Морским маршрутом воспользовался и Х. Боев, которому удалось успешно добраться до Варны, а оттуда в Софию на съезд, в работе которого он, в конспиративных целях, участвовал как «делегат» парторганизации небольшого городка Провадия, что около Варны.

ской партии. Все материалы по этому вопросу придут на днях из Одессы» [19, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 307; 14, с. 323].

Необходимо отметить, что газета «Комуна» допустила ошибки в оценке решений I съезда БКП и революционной ситуации в Болгарии, а также недостаточную идейную зрелость некоторых материалов. Например, автор статьи «Коммунизм в Болгарии» выступал против участия коммунистов в буржуазном парламенте, переоценивал революционную ситуацию в Болгарии, сравнивая ее с предоктябрьскими днями в России [18, 7 VI]. Однако вскоре эти недостатки были изжиты и по данным вопросам газета встала на ленинские позиции.

Идеей горячей пролетарской солидарности проникнуты материалы газеты, посвященные участию болгарских трудящихся в борьбе против белогвардейцев и интервентов. Справедливо усматривая в этом высшее проявление интернационального единства всех пролетариев, редакция «Комуны» повседневно проводила большую работу среди болгарского населения, направленную на вовлечение его в эту священную борьбу: почти в каждом номере она призывала болгар, находившихся в Советской стране, вступать в ряды интернациональных частей Красной Армии для вооруженной защиты завоеваний революции. Характерным в этом отношении был провозглашенный газетой лозунг: «Болгарин, который помогает Красной Армии здесь, помогает своим братьям в Болгарии» [18, 24 V].

С призывом к болгарам вступать в ряды Красной Армии дважды обращался через газету К. Касапов, комиссар 1-го Интернационального полка особого назначения, сформированного в Одессе из представителей балканских стран [18, 1, 31 V]. Организуя эту интернациональную воинскую часть, болгарские коммунисты руководствовались решениями VIII съезда РКП(б) о строительстве Советских Вооруженных Сил. Разоблачению сторонников «военной оппозиции», отрицавших необходимость централизации и введения железной дисциплины в армии, отстаивавших «партизанщину» как систему организации вооруженных сил и ведения войны, служила статья К. Касапова в третьем номере газеты. «Наш враг, — писал он, — буржуазия всего мира, организованная в стройные полки. Чтобы их победить, мы должны выставить такие же организованные пролетарские полки, плюс наш революционный энтузиазм. Чтобы наши полки были подготовлены в военном деле..., мы должны овладеть техникой, военной техникой, правилами военного искусства. Эти правила именуются военной дисциплиной, существовавшей и в старой армии. Но мы — революционеры, коммунисты-большевики. И в этом наша сила. С этим плюсом, который имеет Красная Армия, — сознанием долга перед революцией и коммунизмом, — мы одержим победу над нашим врагом» [18, 24 V].

Газета полностью поддерживала требования большевистской партии о жизненной необходимости искоренения остатков «партизанщины», создания регулярной, массовой, боеспособной рабоче-крестьянской Красной Армии с железной дисциплиной, обоснованные В. И. Лениным на закрытом заседании VIII съезда РКП(б) 21 марта 1919 г. [20, с. 135—140] и в резолюции съезда «По военному вопросу» [21, т. 2, с. 60—70]. Газета настоятельно требовала от болгар—бойцов Красной Армии организованности, пролетарской выдержки, самопожертвования во имя победы над капиталом.

Действенным ответом на решения VIII съезда РКП(б), а также на Постановление ЦК РКП(б) об укреплении Южного фронта [21, т. 2, с. 33—34] явилось решение ЦБ БКГ о мобилизации всех болгарских коммунистов и сочувствующих в интернациональные части Красной Армии. Учитывая нарастающую угрозу со стороны белогвардейских армий Деникина, в решении ЦБ БКГ, опубликованном в газете «Комуна», говорилось, что все сознательные болгарские подданные, способные носить оружие, объявляются мобилизованными. Революционным пафосом были проникнуты заключительные строки решения: «Товарищи болгары, коммунисты, крестьяне и рабочие! Наступил момент, когда каждый из вас

на деле должен доказать, что он является коммунистом и революционером!» [18, 24 V]. Газета неустанно разъясняла читателям жизненную необходимость создания вооруженных сил для защиты революции. «Без отчаянного сопротивления, без борьбы до последней капли крови, — писала она, — буржуазия не сдаст своих позиций. Вот почему одной из главнейших задач победившего пролетариата в каждой стране является создание могучей Красной Армии, вооружение всех революционных рабочих и крестьян. Без этого основного условия нельзя думать о закреплении своей победы, сохранении своих революционных завоеваний» [18, 14 VI].

Организаторская и разъяснительная военно-мобилизационная работа коммунистов и их печатного органа дали положительные результаты. Так, в 1-й Интернациональный полк (впоследствии переименованный в 9-й стрелковый интернациональный полк) в мае влилось 257 человек, а к началу июля 1919 г. он уже насчитывал 1500 бойцов, преимущественно болгарских интернационалистов [5, с. 112—113].

В своей работе по вовлечению болгар в интернациональные части Красной Армии «Комуна» не ограничивалась Одесской губернией и Украиной. Обращаясь к болгарам в России, Крыму, Бессарабии, например, она напечатала Манифест Временного рабоче-крестьянского правительства Бессарабской ССР⁷, который призывал болгар, молдаван, трудящихся других национальностей сбросить предательских марionеток из Сфатул-Церий — верных холопов королевской Румынии и, не теряя ни одного дня, записываться в Красную Армию для освобождения Бессарабии от румынского ига и провозглашения в крае Советской власти [18, 31 V]. В другом номере газета поместила воззвание заместителя начальника штаба Болгарской бригады 1-й Интернациональной дивизии Лазара Белоречки, призывавшего болгар, бессарабцев и добруджанцев записываться в 1-ю Интернациональную дивизию, на победоносном знамени которой написано: «Смерть капиталистам, свобода и мир рабочим и трудящимся крестьянам!» [18, 14 VI].

Газета выступала организатором сбора средств в так называемый революционный фонд. Среди тех, кто внес деньги на защиту русской революции, были С. Джоров, К. Касапов, К. Телалов и другие коммунисты, а также многие представители болгарского населения Одессы и ее окрестностей. За короткий срок в фонд поступило около 12 тыс. рублей [18, 31 V, 2 VIII].

ЦБ ВКГ, Совет рабочих и солдатских депутатов, политическая секция 1-й Интернациональной дивизии издавали большое количество листовок на болгарском языке. Сохранился ряд воззваний и обращений за подписью руководителей этих организаций С. Джорова, К. Касапова, Л. Белоречки и др. Большинство листовок, изданных в Одессе, посвящено мобилизации болгар в интернациональные части Красной Армии. Причем характерно, что наряду с болгарами в ее ряды призывались и представители других национальностей. Так, во время формирования 1-й Интернациональной дивизии ее политическая секция обращалась не только к болгарам, но и к румынам, сербам и другим народам, призывала всех их, независимо от национальной принадлежности, становиться под знамена Красной Армии. Речь идет, подчеркивалось в воззвании, не только о защите завоеваний Октябрьской революции, но и об освобождении Бессарабии, Румынии, Добруджи и Болгарии от власти помещиков и капиталистов, о том, чтобы как можно скорее прийти на помощь братскому венгерскому народу, поднявшему в своей стране Красное знамя Советов [22, ф. листовок, № 21].

Болгарские коммунисты принимали участие в издании совместно с интернационалистами других стран воззваний, предназначавшихся для французских, греческих, итальянских солдат, подразделения которых находились в составе антантовских войск в Болгарии. Например,

⁷ Временное рабоче-крестьянское правительство Бессарабской Советской социалистической республики во главе с И. Н. Кривоуковым было образовано в начале мая 1919 г. в Тирасполе и просуществовало до августа 1919 г.

текст листовки под названием «Товарищи! Итальянские солдаты!» начинается рассказом от имени болгар, вернувшихся домой с империалистической войны, о разрушениях и бедствиях, в которые повергла болгарский народ «семилетняя кровавая бойня»⁸. В листовке ощущается влияние идей и стиля известного обращения, подписанного В. И. Лениным и Г. В. Чичериним, — «Зачем вы пришли на Украину?» [23]. «Товарищи итальянцы! — говорится в листовке. — Зачем вас принудили сюда приехать? Может быть, чтобы защищаться? Тогда будем защищаться вместе от нашего общего врага... от буржуазии. Но вы посланы сюда не затем, чтобы помогать себе, а чтобы поддерживать кровавое дело нашей буржуазии». Листовка призывала итальянских солдат возвращаться домой, брать в руки оружие, как это сделали рабочие России, и под руководством коммунистической партии Италии выступить на борьбу против своих угнетателей [22, отдел редких изданий и рукописей, инв. № Л—101].

Доставленные нелегально в Болгарию и распространенные среди итальянских солдат, листовки делали свое дело. С. Джоров, выступая в октябре 1919 г. на заседании Федерации иностранных групп РКП(б) с докладом о работе ЦБ БКГ в Одессе, в частности, отметил: «Нам удалось внести разложение в ряды итальянских войск...» [11, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 31, л. 55].

При помощи Одесского губкома КП(б) Украины Болгарская коммунистическая группа в Одессе выпустила ряд брошюр общим тиражом 64 тыс. экземпляров [24, № 1, с. 2], в которых пропагандировались идеи Октябрьской революции и ее международное значение, раскрывалась политика молодого Советского государства.

Издания болгарских коммунистов широко распространялись на территории Советской страны и за рубежом. Газету «Комуна», листовки, брошюры читали в болгарских селах юга Украины и в Крыму. Нелегальным путем они попадали в оккупированную Бессарабию, а также в Румынию. По каналу нелегальной связи, действовавшему между Одессой и Варной, ЦБ БКГ переправляло литературу в Болгарию для распространения как среди болгарского населения, так и среди солдат оккупационной армии Антанты. Активное участие в этом принимали болгарские коммунисты Х. Боев, К. Телалов, С. Сапунов и др. Несколько смелых рейсов из Одессы в Варну с коммунистической литературой и другими нелегальными материалами совершил П. Грудков [5, с. 118].

В июле—августе 1919 г. обстановка на юге Украины осложнилась. В окрестностях Одессы вспыхнул кулацкий мятеж немецких колонистов. К городу приближались деникинские войска. Болгары вместе с другими интернационалистами приняли активное участие в подавлении контрреволюционного мятежа. Газета «Комуна» в это сложное время неустанно, до последнего номера, вышедшего 2 августа 1919 г., призывала болгар к борьбе против контрреволюции. После прекращения выпуска газеты ее сотрудники влились в ряды 1-й Интернациональной дивизии. Сменив перо на винтовку, они мужественно сражались под Одессой против войск Деникина, свято выполняли свой пролетарский долг.

В дальнейшем издательская деятельность болгарских интернационалистов ограничилась выпуском в Москве и Петрограде лишь ряда воззваний к своим соотечественникам с призывом к братской солидарности с трудящимися республики Советов. Но этих изданий было очень мало. Ощущался острый недостаток в революционной литературе на болгарском языке, что крайне затрудняло проведение среди болгарского населения политико-воспитательной работы. Об этом, в частности, говорилось в докладе представителей болгарских трудящихся Крыма и Таврии председателю Совнаркома Украины [25, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 422, л. 21].

Летом и осенью 1920 г. издательскую работу наладило на юге Украины общество «Просвета и социална култура» — революционно-просвети-

⁸ Имеются в виду три следовавшие одна за другой войны — I Балкашская, Межсоюзническая и мировая, которые велись с небольшими перерывами в течение семи лет и привели Болгарию к национальной катастрофе.

тельская организация, созданная в Бердянске местным болгарским учительством. Общество выпускало листовки, воззвания, сыгравшие важную роль в мобилизации болгар на борьбу против Врангеля.

В августе 1920 г. общество «Просвета и социална култура» начало издавать газету «Червен препорец» («Красное знамя») ⁹. В подзаголовке газеты печатался лозунг «Да здравствует партия тесняков — борец за Советскую власть!». В передовой статье, озаглавленной «Довольно рабства и тирании, все к оружию!», газета призывала рабочих и крестьян решительно, с оружием в руках встать на защиту Советской власти; выражалась твердая уверенность в торжестве пролетарской солидарности в борьбе против империализма. «...И в Англии, и во Франции, и в Польше, и везде, — подчеркивала газета, — есть много рабочих и крестьян, которым также дорога Советская власть и которые различным путем поддерживают рабочих и крестьян Советской России в их борьбе» [26, 31 VIII].

Таким образом, печать болгарских интернационалистов сыграла важную организующую и идейно-воспитательную роль в становлении и деятельности интернационалистского движения болгарских трудящихся в Советской стране, в мобилизации их на защиту завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Октябрь и болгарские интернационалисты. Москва — София, 1973.
2. Под знаменем Октября. Сборник документов и материалов. Т. 1. Участие болгарских интернационалистов в Великой Октябрьской социалистической революции и защите ее завоеваний. Москва — София, 1981.
3. *Бирман М. А.* К вопросу об участии болгар в Великой Октябрьской социалистической революции — Новая и новейшая история, 1957, № 5.
4. *Бачинский А., Дыган М., Раковский М.* Деятельность болгар-интернационалистов на юге Украины (1919). — В кн.: Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М., 1967.
5. *Панайотов П.* Болгары в борьбе за Советскую власть. 1917—1920. София, 1967.
6. *Цейлюк С.* Більшовицька преса півдня України в період іноземної інтервенції та громадянської війни (1918—1920). Одесса, 1968.
7. *Ценкова Е.* Печать на болгарском языке в СССР — выражение интернационального характера партийно-советской прессы (1917—1939): — Дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. МГУ, 1971.
8. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39.
9. Съветско село, 1927.
10. Литературен фронт, 1957, 24 XI.
11. Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.
12. *Svjetska revolucija*, 1918.
13. Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов. М., 1967.
14. Под знаменем Октября. Т. 1.
15. Жизнь национальностей, 1919.
16. Болгарский народ в защиту Октябрьской революции. София, 1967.
17. Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов на юге и востоке республики. М., 1971.
18. Комуна, 1919.
19. ЦГАОР УССР.
20. Ленинский сборник XXXVII. М., 1970.
21. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 2. М., 1970.
22. Одесская государственная научная библиотека им. А. М. Горького.
23. Исторический архив, 1958, № 1, с. 29—31.
24. Бюллетень Одесского губернского отделения Всеукраинского издательства ЦИК Советов Украины, 1919.
25. Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Украины.
26. Червен препорец, 1920.

⁹ К настоящему времени обнаружен лишь номер газеты за 31 августа 1920 г., хранящийся в фондах Партийного архива Института истории партии при ЦК КП Украины.

УДАЛЬЦОВ И. И.

ПРОБЛЕМЫ ЧЕШСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В РАБОТАХ ЙОЗЕФА КОЧИ (Историографические заметки)

К числу чехословацких историков, особенно активно и результативно изучавших в послевоенные десятилетия с марксистских позиций проблематику эпохи чешского национального возрождения, принадлежит, несомненно, Йозеф Кочи — автор наиболее полного обобщающего труда об этой эпохе, опубликованного в 1978 г. [1] и уже получившего общую, весьма положительную, оценку в советской научной печати [2]. Монография Й. Кочи «Чешское национальное возрождение» представляет собой итог многолетних исследований автора по широкому кругу тем, изложенных им ранее в книге «Наше национальное возрождение» [3] и в ряде других книг, статей, глав и разделов в коллективных трудах, посвященных различным периодам и аспектам социального развития и классовой борьбы трудящихся масс [4—11], теоретическим проблемам возрождения и национального движения [12—16], деятельности выдающихся представителей той эпохи [17—19], в особенности — Карла Гавличека Боровского, которому Й. Кочи в своих исследованиях уделяет особое внимание [20—25]. Книга Й. Кочи «Чешское национальное возрождение» — результат глубокого самостоятельного изучения эпохи, ставящего ее в ряд лучших, наиболее квалифицированных исторических обобщений рассмотренных проблем.

Аналитическая работа во всех этих направлениях, глубокое знание документов эпохи дали автору возможность подойти к рассматриваемым процессам и явлениям комплексно, показать их во взаимосвязях и взаимодействии между собой и с общеевропейскими событиями того времени. Исходя из позитивных результатов исследований чехословацких и зарубежных (в том числе — советских) ученых-марксистов, Й. Кочи построил свою монографию как обобщение тех процессов, которые в своей совокупности определяли содержание и главные особенности перехода от феодализма к капитализму в чешских землях. Именно такой подход позволил автору показать в книге развернутую картину и социально-экономических, и культурных, и национально-политических процессов того периода. Выделение в специальные разделы проблематики разложения феодализма, промышленной революции, классовой борьбы пролетариата и крестьянства отразило то первостепенное значение, которое Кочи придает этим аспектам исторического развития в рассматриваемую им эпоху. По сути дела, книга Кочи дает наиболее полное представление о состоянии разработки в СССР концепции истории чешского национального возрождения к концу 70-х годов.

В своем исследовании Кочи характеризует развитие трактовки и концепции чешского национального возрождения в работах буржуазных историков и политиков (Я. Влчек, Я. Голл, Й. Пекарж, Т. Г. Масарик),

в связи с чем особо подчеркивает спекулятивный характер взглядов Масарика, включившего в свою «априорно сконструированную схему» чешской истории препарированные им образы выдающихся деятелей возрождения — Йозефа Добровского, Яна Коллара, Франтишка Палацкого, Карла Гавличека, «деформировав изображение их деятельности и творчества» [1, s. 156].

По справедливому мнению Й. Кочи, работы Масарика о возрождении не имеют большой ценности, «они скорее представляют собой характерное свидетельство того, как Масарик злоупотреблял прогрессивными историческими традициями чешского народа для подкрепления своей контрреволюционной политической идеологии, направленной на защиту классовых интересов буржуазии» [1, s. 156]. И далее Кочи формулирует свой взгляд на само понятие «чешское национальное возрождение», которое, как он подчеркивает, вовсе не было каким-то чудом, чем-то выходящим за пределы логики исторического процесса. Напротив, — пишет Кочи, — «это был процесс необходимый и закономерный, вызванный революционными изменениями в период перехода от феодального строя к капитализму» [1, s. 450]. Новые общественные условия, которые создавал прогрессивный тогда капиталистический строй, неизбежно вели к образованию современных (буржуазных) наций.

Несмотря на все специфические черты, свойственные чешскому национальному возрождению, — пишет Кочи в той же работе, — процесс возрождения протекал здесь в своей основе в соответствии с общими закономерностями общественного развития периода перехода от феодализма к капитализму и представлял собой не что иное, как «процесс формирования современной чешской нации (буржуазной нации), происходивший не по желанию и воле „будительских личностей“ или каких-либо других субъективных факторов, а в результате существования объективных законов социально-экономического развития. Так же, как и чехи, „возрождались“, например, и словаки, и поляки, и немцы, и итальянцы, короче — все европейские нации. Чешское возрождение является, таким образом, частью общего процесса формирования европейских наций, развернувшегося сначала в Западной Европе и позднее проходившего в Европе Центральной и Восточной» [1, s. 158].

Поясняя свое отношение к термину «возрождение», Кочи подчеркивает, что такой «процесс возрождения» народов в мировом масштабе еще не завершен и до сих пор, что процессы интеграции наций протекают и сейчас, в особенности в так называемых развивающихся странах, освободившихся от колониального гнета и начавших свою национальную жизнь. В этих процессах продолжают действовать и многие закономерности, проявившиеся еще 150—200 лет назад в чешском национальном возрождении.

Й. Кочи делает оговорку, что, по его мнению, термин «возрождение» не очень подходит для марксистского изложения процесса формирования наций. «Мы знаем, — пишет он, что этот термин возник в исследованиях, исходящих из позиций, противоположных марксизму-ленинизму. Но в результате долголетнего употребления и распространения этот термин в конце концов утвердился. Чешская марксистская историография восприняла этот традиционно используемый термин для обозначения периода формирования чешской нации с конца XVIII столетия до 1848 г. Она придала ему тем самым иной смысл и значение, чем он имел в предшествовавший период» [1, s. 158].

Характеризуя далее особенности процесса формирования чешской нации, Кочи отмечает подчиненное, угнетенное положение чешского народа в рамках многонациональной Габсбургской империи, пишет о возникновении национального движения и национальной борьбы, но при этом особо подчеркивает, что национальная борьба шла в основном не между отдельными народами как целым, а между эксплуататорскими классами господствовавших и угнетенных народов. Во главе чешского национального движения, — продолжает он, — «стояли прежде всего мелкая буржуазия и интеллигенция, руководившие борьбой против немецкой средней и крупной буржуазии». По мнению Кочи, материальной основой чешского на-

ционального движения в специфических условиях развития чешской экономики в первой половине XIX в. стало противоречие между мелким ремесленным производством и возникающей фабричной крупной промышленностью. С учетом специфики социальной структуры формирующейся чешской нации, не имевшей, вследствие отставания в развитии, собственной национальной крупной буржуазии, это главное противоречие совпало и с противоречиями национальными [1, s. 159].

Изменения социальной структуры чешских земель после поражения, нанесенного Габсбургами чешским повстанцам у Белой Горы в 1620 г., Кочи оценивает в целом как неблагоприятные и для экономического, и для культурного развития, приведшие к длительному застою и упадку, преодоление которого, став главным содержанием начального этапа национального возрождения, означало его постепенное перерастание в борьбу чешского народа как против феодализма, так и против национального угнетения. Кочи подчеркивает важную роль национальных «будителей» из рядов чешской интеллигенции, терпеливо и настойчиво вносивших национальное самосознание в широкие слои чешской нации [1, s. 451—454].

Кочи отмечает далее подлинно народный, демократический характер процесса чешского национального возрождения. Он указывает на большое значение для успеха этого процесса длившейся десятилетиями работы по «защите» и развитию чешского языка и литературы, национальной культуры вообще, как важных факторов национальной интеграции, наряду с экономическими факторами.

Верно отмечает Кочи, что языковые, филологические усилия в этом направлении носили, несомненно, и политический характер, имели большое общественное значение; что эпоха чешского национального возрождения, для формирования идеологии которой на первом этапе важнейшим компонентом стала идеология Просвещения, содействовала развитию идеи славянской взаимности и прогрессивного русофильства, на смену которому позднее пришли, однако, «более реалистичные» взгляды по этому вопросу¹.

В эпоху национального возрождения углубились и укрепились отношения между чехами и словаками; пропагандировались идеи и принципы национального равноправия, отвергалась идеология ненависти к другим народам. И тем не менее «национальный вопрос в его буржуазном толковании разрушал необходимое революционное единство демократических слоев народов австрийской монархии в Центральной Европе. Именно поэтому могло случиться, что стремление осуществить во что бы то ни стало свои национальные требования привело чешских национальных либералов на баррикаду контрреволюции... Противоречия между стратегией и тактикой чешской либеральной партии и прогрессивными потребностями чешских народных масс не могли привести ни к чему иному как к поражению обоих» [1, s. 454].

Кочи характеризует чешское возрождение как процесс выхода на историческую арену «новых общественных классов, смело и с отвагой смотревших в будущее» [1, s. 455]. Он особо выделяет 40-е годы XIX в. как наиболее важный этап возрождения, как этап заключительный, когда уже «не было сомнений в том, что чешская нация стала реальностью». Это еще не значило, — пишет Кочи, — что процесс формирования чешской нации закончился. «Однако решающим стало то, что основы этого процесса были заложены столь прочно, что дальнейшее необходимое развитие национального организма, ускоренное революцией 1848 г. и развитием капитализма в пятидесятых — шестидесятых годах, должно уже было, несмотря на все трудности, протекать успешно» [1, s. 390].

Такова в основных чертах общая концепция чешского национального возрождения, сформулированная Йозефом Кочи в цитированном труде по этому вопросу. Разносторонняя и глубокая разработка этой концеп-

¹ Кочи говорит в этой связи о «более реалистичном» австрославизме, беря слова *более реалистичный* в кавычки и подчеркивая, что и австрославизм не отрицал принципов общеславянского сотрудничества [1, s. 453].

ции — серьезный вклад исследователя в изучение проблемы марксистской историографией.

Следует вместе с тем подчеркнуть, что наряду с разработкой этой общей концепции Й. Кочи большое внимание уделено и рассмотрению ряда наиболее важных конкретно-исторических (социально-экономических, и идеологических, политических, национальных) проблем и процессов, относящихся к эпохе чешского национального возрождения. Остановимся коротко на некоторых из них.

В последние десятилетия чехословацкими историками оживленно обсуждался широкий круг вопросов, связанных с важной для анализа генезиса капитализма проблемой «второго издания крепостничества» применительно к Австрийской империи и, прежде всего, к чешским землям. Активное участие в этом обсуждении принял и Й. Кочи. В обобщенном виде выводы из исследований и дискуссий по этой проблеме были кратко сформулированы им во второй главе его книги о чешском национальном возрождении [1, с. 24—49]. Рассматривая вторичное закрепощение крестьянства как специфический этап развития феодализма в странах к востоку от Эльбы, он относит начало этого этапа для чешских земель ко второй половине XVII в., указывая на 30-летнюю войну как на катализатор (а не причину) процесса.

В этой связи он затрагивает и вопрос о правильном толковании терминов и понятий «*poddanství*» и «*nevolnictví*», переводимых обычно на русский язык одинаково: как «крепостничество», «крепостная зависимость», «крепостное право». В результате долголетней дискуссии в современной чехословацкой историографии утвердилась практика применения термина «*poddanství*» для характеристики положения крестьянства до середины XVI в., при этом имеются в виду относительно умеренные (в сравнении с последующим периодом) формы феодальной его эксплуатации. Термином же «*nevolnictví*», по сути дела, стал обозначаться период «второго издания крепостничества», т. е. система феодальных отношений второй половины XVI—XVIII вв. Именно в этом плане Й. Петрань подчеркивал еще в 1972 г., что под термином «*nevolnictví*» подразумевается определенная форма личной зависимости крепостных, характеризующаяся высокой степенью личной кабалы, установленная в эпоху позднего феодализма с целью увеличения помещичьих доходов путем прямого грабежа с применением внеэкономического принуждения [26, с. 35]. Аналогичная точка зрения была в 1974 г. высказана и Й. Кочи [11, с. 14—15]. В книге «Чешское национальное возрождение» Кочи трактует термин «*poddanství*» как понятие, относящееся к основной форме феодальной зависимости населения деревни и определенной категории поселков городского типа. Констатируя, что термин «*nevolnictví*» характеризует наиболее тяжелую форму феодальной зависимости в период со второй половины XVII в., он подчеркивает, что и здесь речь идет лишь о специфическом виде феодальной зависимости. «Иначе говоря, — пишет Кочи, — категории „*poddanství*“ и „*nevolnictví*“ не являются качественно разными категориями, они различны лишь как категории количественные» [1, с. 29], поскольку выражают различия в степени интенсивности феодальной зависимости непосредственных производителей.

Кочи рисует здесь обобщенную картину развития феодального поместья, показывает разнообразие видов и результативность его производственной деятельности, говорит о реальном положении отдельных категорий крестьян и их взаимоотношениях с помещиками. Он подчеркивает, что ни вмешательство императорского двора, ни патенты о барщине, направленные якобы на защиту крестьянства от «чрезмерной» эксплуатации, а по существу носившие лишь демонстративный характер, практически до второй половины XVIII в. никакого облегчения крепостным не принесли.

Более того, первый патент о барщине, обнародованный после мощного крестьянского восстания в 1680 г., по существу был, по мнению Кочи, «государственной санкцией» для феодалов-землевладельцев, стремившихся к максимально возможному закабалению крестьян и увеличению их

барщинных повинностей, поскольку он узаконивал введенную помещиками путем открытого насилия трехдневную барщину в неделю, а в периоды сева и уборки допускал неограниченное число барщинных дней, т. е. фактически всю неделю. Патенты о барщине от 1717 и 1738 гг. лишь повторяли патент 1680 г., ничего не меняя в положении крестьянства.

В развернутом в 50—60-х годах по инициативе Вацлава Гусы и под его руководством исследованиях по проблематике истории крестьянских движений в эпоху позднего феодализма принимал активное участие, наряду с рядом других историков, и Йозеф Кочи, работы которого в этой области охватывают широкий и разнообразный круг вопросов.

В 1953 г. Й. Кочи опубликовал книгу о крестьянских восстаниях в Чехии в XVI—XVIII вв. [4], начав ее, однако, с обзора антифеодальных выступлений крестьян в период между концом гуситского движения и началом тридцатилетней войны (1434—1620), а закончив крестьянским восстанием 1775 г. и аграрной реформой Иосифа II в 1781 г. В последующие годы он продолжает разрабатывать эту тематику в статьях о движениях крепостных крестьян в некоторых северочешских поместьях летом 1775 г. [9], о роли и месте сельских волнений в процессе чешского национального возрождения [7], о подготовке и реализации указа Иосифа II от 1781 г. об отмене личной зависимости крепостных крестьян [8], о проблеме «второго издания крепостничества» в Чешских землях в период позднего феодализма [27], о социально-экономических последствиях классовой борьбы в Чешских землях на закате феодализма [11], о принципиальных вопросах истории крестьянского восстания в чешских землях в 1775 г., его периодизации, особенностях и значении для аграрных преобразований конца XVIII в. [10] и др.

Во всех этих работах, особенно в первой из них [4], а также в книгах Кочи о чешском национальном возрождении [1; 3], содержится значительный фактический и документальный материал, характеризующий состояние сельского хозяйства, положение крестьянства и его антифеодальную борьбу на протяжении нескольких столетий, вплоть до начала XIX в. На основе анализа этих материалов Кочи дает реальную картину развития крепостничества, показывает многообразие форм эксплуатации и угнетения трудового крестьянства феодалами-землевладельцами, государством и церковью, с одной стороны, и форм сопротивления крестьянства феодальному гнету, с другой. Особое внимание он уделяет при этом массовым крестьянским восстаниям этой эпохи, их причинам, характеру и исторической роли.

Хотя эти восстания,— подчеркивает Кочи,— и не могли освободить трудящиеся массы от эксплуатации, их значение велико, так как они ускорили и облегчили разложение феодального строя, способствовали его ликвидации [4, с. 180].

Большое значение Кочи придает тому факту, что в ходе антифеодальной борьбы XVII—XVIII вв. отсутствовал национальный антагонизм между чехами и немцами и что в крупных классовых выступлениях крепостных того времени «проявились их братская солидарность и сотрудничество» [7, с. 341].

Й. Кочи рассматривает антифеодальные выступления крестьянства как важную и позитивную составную часть социальных процессов периода чешского национального возрождения: разрушая феодальную структуру, они помогали созданию благоприятных условий для развития капиталистических отношений, а тем самым — и для процесса чешского национального возрождения, вполне обоснованно делает вывод Кочи [7, с. 342].

Большое внимание в своих работах он уделяет вопросу о барщине, ее формах и размерах, ибо «мера эксплуатации трудящихся в период господства барщинно-крепостнической системы в чешских землях в XVII—XVIII вв. бесспорно определялась объемом и напряженностью барщинных повинностей» [11, с. 11]. Поскольку барщина представляла собой главную тяжесть для крепостных, постольку борьба против нее занимала центральное место в антифеодальных выступлениях эпохи позднего феодализма, носивших в большинстве случаев характер «антибарщинного

движения», что относится и к крупнейшим крестьянским восстаниям 1680, 1738, 1771 и 1775 гг. Кочи показывает, что именно восстания и другие формы активной антифеодальной борьбы крестьянства, а не благие устремления «просвещенного абсолютизма» и его представителей были важнейшей причиной появления законов, патентов и указов, регулировавших и упорядочивавших несение барщины, а затем и отменявших личную зависимость крестьян, расчищая тем самым путь развитию капитализма в чешских землях.

В работах, посвященных восстанию 1775 г., Кочи анализирует причины, характер и значение этого крупнейшего антифеодального выступления крестьянства чешских земель эпохи кризиса феодализма, указывает на присущие ему особенности, в частности — на относительно более высокую степень организованности по сравнению с предшествующими классовыми выступлениями крепостных [10, с. 302]. В то же время он отмечает, что это восстание — сложный процесс со специфическими фазами, территориально децентрализованный, характеризовавшийся применением весьма разнообразных форм антифеодальной борьбы. Без восстания 1775 г., — пишет Кочи, — трудно представить себе отмену крепостничества в 1781 г., как и ряд других мероприятий Марии-Терезии в последний период ее правления и Иосифа II, укреплявших капиталистические элементы в развитии общества [10, с. 306]. Это восстание, подчеркивает он, заставило господ (vrchnost) самих добиваться скорейшего издания указа о барщине, вынудило их несколько смягчить крепостнический режим [9, с. 661].

Представляет интерес мнение Й. Кочи о характере и историческом значении патента Иосифа II от 1 ноября 1781 г. об отмене крепостничества или, точнее говоря, личной зависимости крепостных (zrušení nevolnictví). Заметим в этой связи, что в подходе отдельных чехословацких авторов к общей оценке этого патента существуют известные отличия. Так, в опубликованной в 1972 г. статье о характере производственных отношений в Моравии в 1781—1847 гг. [28] Б. Шинделарж предостерег от излишней переоценки исторического значения этого документа, особенно в его наиболее существенном пункте — об отмене прикрепления крепостных крестьян к земле и разрешении им свободно передвигаться, выбирая место жительства и работы. По мнению Б. Шинделаржа, характерная для буржуазной историографии тенденция преувеличивать влияние этого патента на «мнимое», по его выражению, усиление развития капиталистических отношений оказала определенное воздействие и на некоторых историков-марксистов. Между тем, пишет он, следует помнить, что и после 1781 г. класс феодалов продолжал оставаться господствующим классом, что феодалы «не позволили, чтобы провозглашенная свобода передвижения была слишком большой и угрожала классовым и экономическим интересам дворянства» [28, с. 61]. Шинделарж полагает, что историки мало внимания обращали на содержащуюся в патенте оговорку о необходимости письменного согласия помещика на перемещение крепостного, а это в значительной мере обесценивало патент, в большинстве случаев не исполнявшийся в отношении как крепостных крестьян, так и работников мануфактур, особенно специалистов текстильного и других видов производства. Последних помещик-предприниматель не выпускал из своей юрисдикции, ссылаясь по большей части на неполное выполнение ими своих обязанностей по отношению к помещику. Не отрицая, что патент об отмене крепостничества «действительно в известной мере содействовал усилению капиталистических производственных отношений», Шинделарж подчеркивает в то же время, что «ослабление крепостнических отношений было далеко не столь сильным, сколь некоторые утверждают...», что препятствия, создававшиеся свободному перемещению рабочей силы «были значительно сильнее, чем это считалось до сих пор», что обстоятельства, тормозившие развитие капитализма, о которых он пишет, «вовсе не были специфической чертой Моравии, напротив, они в этот период были более или менее характерны для всей Австрийской монархии», т. е. и для Чехии, Силезии, Словакии и т. д. [28, с. 70].

Мнение о существующем в специальной литературе (например, в работах А. Климы) преувеличении значения патента Иосифа II для развития мануфактурного производства высказывает и А. Шпис [29, с. 28—31].

По-иному расставляет акценты в характеристике этого патента большинство других авторов. Не обходя, разумеется, его слабых мест, исторической ограниченности и непоследовательности, они на первый план выдвигают его позитивные черты, сыгравшие прогрессивную историческую роль. Такая точка зрения, относящаяся уже к рубежу 70—80-х годов нашего столетия, сформулирована, в частности, и в последних работах Й. Кочи [1, с. 121—122; 30], подчеркивающего, что историческая необходимость отмены крепостничества («nevolnictví») все более определенно пробивала себе дорогу как следствие глубокого кризиса крепостнической системы, роста капиталистических производительных сил и производственных отношений, не ослабевавшей классовой борьбы крепостных, достигшей именно в 1775—1781 гг. особого размаха, силы и революционности.

С достаточным основанием Й. Кочи отмечает благоприятное воздействие патента и его, пусть непоследовательной и неполной, реализации на подъем сельскохозяйственного и промышленного производства, на развитие капитализма в чешских землях: массы пролетаризированных крепостных крестьян стали превращаться в «свободную рабочую силу», которую так ждали мануфактуры, а позднее — фабрики; именно в этот период начал формироваться и развиваться новый общественный класс — пролетариат; приток чешских крестьян с середины 80-х годов XVIII в. в значительно онемечившиеся к тому времени города изменил их национальный характер и социальную структуру в направлении, содействовавшем развитию чешского национального возрождения; все это создавало благоприятные условия для развертывания процесса формирования чешской нации. Такая оценка объективных последствий издания патента Иосифа II об отмене крепостничества представляется исторически вполне обоснованной.

В работах Й. Кочи анализируются различные социально-экономические процессы, которые развивались в предреволюционный период — в течение первой половины XIX в. — и лежали в основе формирования непосредственных предпосылок революции.

Следует назвать, прежде всего, опубликованную в 1957 г. обстоятельную статью Й. Кочи о крестьянском вопросе в Чехии в 1848 г. [6]. Первая часть этого исследования [6, № 1] охватывает период с 1781 г. до непосредственного кануна революции и представляет собой критический анализ и обобщение наиболее важной литературы вопроса, существовавшей к середине 50-х годов нашего столетия. Следует оговориться, что в этой работе Кочи рассматривает лишь вопросы, касающиеся населения чешских деревень собственно Чехии, не затрагивая проблематики расположенных на территории феодальных землевладений городов и местечек. Автор поясняет такой подход тем, что хотя эти города и местечки по своему аграрному характеру и зависимости от феодала в экономическом и социальном отношении приближались к положению деревни, все же их зафиксированное документально правовое положение было иным, ввиду чего, по мнению автора, их изучение должно вестись самостоятельно.

Кочи дает в этой статье обзор развития крестьянского вопроса со времени отмены Иосифом II личной зависимости крепостных, подчеркивая при этом, что патентом от 1 ноября 1781 г., ликвидировавшим наиболее тяжелые ограничения личных прав крестьян, не уничтожалась обременительная крепостная зависимость и, прежде всего, право феодалов эксплуатировать крестьян с помощью мер внеэкономического принуждения. Останавливаясь на характере барщины как наиболее тяжелой форме феодальной эксплуатации, на попытках «раабизации», т. е. замены натуральной барщины денежным оброком, на других безвозмездных повинностях крепостного крестьянства (строительство и ремонт дорог, костелов, школ и др.), автор указывает на возрастающую нерентабельность, неф-

фективность крепостного труда как на главную причину стремления некоторой части помещиков заменить барщину денежными выплатами. В то же время он отмечает, что большинство феодалов стремилось все же сохранить барщину, добиваясь ее интенсификации, прибегая для этого ко всем возможным формам принуждения — от штрафов до телесных наказаний. В статье показаны и многообразные формы эксплуатации крестьянства со стороны государства и церкви, углубляющаяся социальная дифференциация деревни. Особое внимание уделено крайне тяжелому положению сельской бедноты, подвергавшейся угнетению и эксплуатации со стороны не только помещиков, но и зажиточных слоев крестьянства, а также усиливавшего свои позиции торгового и промышленного капитала.

«Сложное переплетение феодальных и капиталистических форм эксплуатации углубляло противоречия между отдельными слоями населения чешской деревни перед революцией 1848 г., — пишет Кочи. — Однако поскольку сохранялся феодальный строй с феодальными производственными отношениями, постольку сельское население продолжало представлять собой один общественный класс, объединяющий все социальные слои деревни общими путями феодальной зависимости. По мере того, как эта феодальная взаимосвязь разлагалась под влиянием развития новых, капиталистических отношений, феодальный класс крестьянства преобразовывался в классы сельской буржуазии и сельского пролетариата» [6, с. 71].

Анализируя далее состояние сельскохозяйственного производства в Чехии в первой половине XIX в., Кочи характеризует его в целом как находившееся тогда еще на низком уровне. Отмечая, что его развитие тормозила прежде всего барщина, Кочи указывает на феодальное землевладение, крепостную зависимость, тяжелые налоги и другие сборы в пользу государства и церкви, на недостаток земли и финансовых средств, долги, примитивный уровень орудий труда, на экономический кризис 20-х годов как на причины того, что состояние сельскохозяйственного производства в крепостных хозяйствах фактически не улучшалось вплоть до революции 1848 г.

Иным показывает Кочи положение в крупных феодальных поместьях, где внедрялись уже более прогрессивные методы ведения хозяйства, поскольку в руках владельцев таких поместий было достаточно земли, капитала, рабочей силы, подготовленных специалистов сельскохозяйственного производства. Ставя перед собой в качестве главной цели максимальное увеличение своих прибылей, феодалы-землевладельцы стремились добиваться этого любыми средствами, в том числе всемерным расширением сельскохозяйственных площадей путем запашки крестьянских, общинных пастбищ, засыпки прудов и т. п., переходом с трехпольной системы земледелия на плодосменную, увеличением производства зерна и, разумеется, предельным ужесточением барщины во всех ее формах. Тем не менее, общая продуктивность сельскохозяйственного производства в сопоставлении с западноевропейским уровнем оставалась низкой.

Завершается первая часть этой статьи общей характеристикой революционной ситуации в Австрийской империи к концу 40-х годов XIX в.

Касается И. Кочи в своих работах и начального периода чешского рабочего движения, отмечая, как и другие авторы, большое значение для судеб формировавшегося тогда рабочего класса опыта его первых столкновений с капиталистическими предпринимателями и государственным аппаратом феодальной империи Габсбургов. И. Кочи показывает, что этот опыт содействовал росту пролетарского самосознания, пониманию рабочими значения в их борьбе о р г а н и з а ц и и, в том числе таких ее первоначальных форм как союзы (общества) взаимопомощи (*svéromospénebo podřípné spolku*), руководившие забастовками, обеспечивавшие помощь семьям арестованных и лишившихся работы, формулировавшие требования бастующих и выступавшие от их имени на переговорах с предпринимателями и властями. Важное значение, подчеркивает Кочи, имел факт возникновения и укрепления солидарности чешского и немецкого пролетариата чешских земель в общей борьбе за экономические и социальные требования [1, с. 354]. Как и другие чехословацкие авторы, он особо

выделяет классовые выступления пролетариата чешских земель в 1844 г., совпавшие по времени с восстанием силезских ткачей (но имевшие свои внутренние причины и особенности), достигшие большой социальной остроты и получившие значительный отзвук в других землях Австрийской империи и за рубежом, прежде всего, в различных частях Германии.

Одним из главных итогов работы чехословацких авторов, в том числе Й. Кочи, по этой проблематике стал обоснованный конкретным материалом вывод, что, несмотря на раздробленность, стихийность, слабую организованность рабочего движения в первой половине XIX в., оно все же стало в предреволюционные годы важным фактором общественной жизни, оказывавшим уже определенное, и немалое притом, влияние на внутривосточное развитие, на расстановку и позиции классовых группировок, в том числе на политические позиции как господствовавших в империи сил, так и вышедшей на арену общественной борьбы чешской национальной буржуазии. «С середины сороковых годов, — вполне обоснованно писал Й. Кочи, — пролетариат вырос у нас в силу, начавшую опасно потрясать весь общественный строй монархии» [1, с. 355].

Значителен вклад Й. Кочи в разработку национальной проблематики эпохи чешского возрождения, различных аспектов которой он касается в той или иной мере в большинстве своих работ, посвященных этой эпохе. В настоящем обзоре нам представляется целесообразным привлечь внимание читателя к небольшой, но содержащей ряд важных принципиальных положений статье Й. Кочи «К некоторым аспектам чешского национального движения в XIX в.» [15]. Автор правильно подчеркивает здесь актуальность этой проблематики и в наше время, указывая на то, что обращение широкого круга стоящих на буржуазных позициях историков из лагеря правых, антисоциалистических сил в период внутривосточного кризиса 60-х годов XX в. в ЧССР к трактовке на свой лад «чешского вопроса» середины прошлого столетия имело целью «оживить или усилить буржуазно-националистические пережитки в широких слоях населения и реабилитировать политическую мудрость чешской буржуазии в руководстве национально-освободительным движением с тем, чтобы возможно более определенно осудить национально-политическую концепцию компартии Чехословакии» [15, с. 449]. Тот факт, что в эти кризисные годы вновь появились работы, в которых ставится под сомнение историческая необходимость распада Австро-Венгрии, идеализируется даже меттерниховский режим и отрицается существование какого-либо серьезного национального гнета в габсбургской монархии, Й. Кочи обоснованно связывает со стремлением судетонемецких реваншистов доказывать благотворность и выгоды, которые принесло якобы чешскому народу многовековое сожительство с немцами.

Обращаясь к научному, марксистско-ленинскому определению нации, автор выступает против встречающейся еще в историографии недооценки необходимости такого определения для анализа процессов возрождения, подчеркивает примат социальных аспектов чешского возрождения перед национальным. Он характеризует как бесплодные многочисленные дискуссии о том, существовала ли вообще перед 1848 г. какая-либо чешская буржуазия, которая могла быть гегемоном национального движения, и отмечает необоснованность позиций как тех, кто вовсе отрицал ее существование, так и тех, кто, напротив, говорил о наличии чешской буржуазии на всем протяжении эпохи возрождения. Кочи решительно возражает против вытекающей из первой позиции переоценки роли интеллигенции, которая, в условиях якобы отсутствия национальной буржуазии, одна стала выполнять функции чешских будителей, «говорить от имени всего народа, и спасла его, создав национальную культуру» [15, с. 451]. Такой подход, абсолютизирующий культурно-языковой аспект формирования нации и национального движения, неизбежно ведет к отрицанию (или принижению) значения материальной основы развития общества и факторов политических. Кочи подчеркивает, что формирование классового и национального сознания чешской буржуазии проходило под влиянием не только внутринациональных (внутриэтнических) факторов, но и таких

процессов, как развитие капитализма «общеавстрийского» и в соседних странах.

Характерной чертой развития в XIX в. национальных и политических движений Кочи считает их теснейшую взаимосвязь, поскольку «каждое национальное движение было одновременно движением политическим, а в каждом политическом движении проявлялись аспекты национальные» [15, с. 45]. Следовательно, и «языковые» формы национального возрождения с самого начала имели свой политический аспект. В этой связи он отвергает «старую конструкцию, трактующую об отдельных восходящих фазах чешского возрождения: языковой, культурной, политической и добавленной еще к ним в начале XX в. фазе экономической, которая и должна была по этой ставящей вещи с ног на голову схеме завершить национальное возрождение» [15, с. 452]. Языковой характер был лишь с п е ц и ф и ч е с к о й ф о р м о й национального движения, лишь прикрывавшей его политическую сторону, представлявшей собой своеобразную антифеодальную позицию, носившую определенные черты демократизма. Особо указывает Кочи на необходимость видеть взаимосвязь национального движения с борьбой трудящихся масс, поскольку в ней отражались антифеодальные черты, понимать процесс чешского национального возрождения не как дело случая или следствие деятельности какой-то узкой группы чудаков-интеллигентов, а как результат действия могучих исторических сил, приведенных в движение процессом разложения феодализма, т. е. социально-экономическим развитием.

Приведенные выше положения этой статьи Й. Кочи, развитые затем автором в его обобщающем труде о чешском национальном возрождении [1], отразили его принципиальный подход к национальным аспектам этой исторической эпохи.

В заключение хотелось бы указать на точку зрения Й. Кочи относительно такого принципиально важного вопроса, как оценка исторической роли и характера австрославизма. В работе Й. Кочи «Чешское национальное возрождение» подчеркивается, что австрославистская теория была отражением и выражением основных экономических интересов чешской буржуазии и буржуазии других славянских народов империи, носила политический характер и была тесно связана с идеей «чехословакизма», т. е. отрицала самобытность словацкой нации. Кочи высказывает мнение, что преследования некоторых австрославистов со стороны полиции, на которые нередко ссылаются в доказательство «прогрессивности» австрославизма, в действительности помогали властям в известной мере дезориентировать народные массы, переоценивавшие в результате такой их тактики эту «прогрессивность» [1, с. 427—429].

Мы коснулись в этих историографических заметках лишь части проблем, рассматриваемых Йозефом Кочи в его работах, относящихся к эпохе чешского национального возрождения. Тем не менее и из такого неполного обзора видны широта и научная значимость изучаемой им проблематики истории чешских земель периода перехода от феодализма к капитализму, плодотворность его исследований, стоящих в одном ряду с трудами В. Гусы, О. Ржиги, Я. Пурша и других чехословацких авторов, внесших наиболее крупный вклад в разработку принципиальных аспектов этой проблематики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kočí J. České národní obrození. Praha, 1978.*
2. Новая и новейшая история, 1981, № 1, с. 187—189.
3. *Kočí J. Naše národní obrození. Praha, 1960.*
4. *Kočí J. Boje venkovského lidu v období temna. Praha, 1953.*
5. *Kočí J. Povstání venkovského lidu v době feudalismu. Praha, 1953.*
6. *Kočí J. Příspěvek k rolnické otázce v Čechách r. 1848.— Československý časopis historický (ČSCH), 1957, № 1, 2.*
7. *Kočí J. Selské bouře a české národní obrození. Praha, 1963.*
8. *Kočí J. Patent o zrušení nevolnictví v českých zemích.— ČSCH, 1969, № 1.*
9. *Kočí J. Hnutí nevolného lidu na některých severočeských panstvích v létě 1775.— ČSCH, 1960, № 5.*

10. *Kočí J.* Nevolnické povstání v českých zemích v roce 1775.— Slovanský přehled, 1975, № 4.
11. *Kočí J.* Sociální ekonomické důsledky třídních bojů v českých zemích na sklonku feudalismu.— Acta Universitatis Carolinae. Philosophica et Historica, I, 1974.
12. *Kočí J.* Národní obrození — nový nástup lidových sil. Praha, 1952.
13. *Kočí J.* Tradice našeho národního obrození.— Dějiny a současnost, 1960, № 4.
14. *Kočí J.* Praha v národním obrození.— In: Dějiny Prahy. Praha, 1964.
15. *Kočí J.* K některým aspektům českého národního hnutí v 19. století.— Slovanský přehled, 1974, № 6.
16. *Kočí J.* Česká politika a Bakuninův «Hlas k slovanům».— Slovanské historické studie, X. Praha, 1974.
17. *Kočí J.* Josef Dobrovský — veliký vědec a buditel českého národa. Praha, 1954.
18. *Kočí J.* Emanuel Arnold. Praha, 1964.
19. *Kočí J.* Josef Jungmann a české národní obrození.— Slovanský přehled, 1973, № 2.
20. *Kočí J.* Havlíček a austroslavismus.— Dějiny a současnost, 1966, № 3.
21. *Kočí J.* Havlíček a radikální demokraté.— Dějiny a současnost, 1966, № 4.
22. *Kočí J.* Karel Havlíček Borovský a počátky austroslavismu.— Slovanský přehled, 1971, № 3.
23. *Kočí J.* Karel Havlíček a česká liberální strana po rozehnutí Kroměřížského sněmu.— Slovanský přehled, 1972, № 3.
24. *Kočí J.* Pronásledování Havlíčkových brožur v roce 1851.— Slovanský přehled, 1974, № 1.
25. *Kočí J.* K «slovenské otázce» u Karla Havlíčka Borovského.— Slovanský přehled, 1975, № 1.
26. *Petráň J.* Nevolnické povstání 1775. Praha, 1972.
27. *Kočí J.* Problém druhého nevolnictví v českých zemích v období pozdního feudalismu. — Historické studie, XVII. Bratislava, 1972.
28. *Sindelář B.* K charakteru výrobních poměrů na Moravě v letech 1781—1847 (Hlavně se zřetelem k otázce svobody pohybu pracovních sil).— Časopis Matice moravské, 1972, № 1—2.
29. *Spiesz A.* K teoretickým problémom manufakturného obdobia v dnešnom Československu.— Hospodářské dějiny, 3. Praha, 1979.
30. Rudé právo, 1981, 2 XI.

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ, КРЫМ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ (1558—1572)

Взятие Казани и Астрахани Иваном IV в 1552—1554 гг. знаменовало собой наступление нового этапа в развитии международных отношений в Восточной Европе. После этих событий соотношение сил в системе восточноевропейских государств изменилось в пользу Московской Руси, что было очевидно для многих политических наблюдателей того времени¹. Успехи, достигнутые Московским государством на Востоке, вызвали немедленную реакцию на Западе.

Активизировались антимосковские настроения не только в Турции и Крымском ханстве, но и в Польше и Литве, Ливонии и Швеции. Дальнейшее усиление Москвы обеспокоило также Рим и Вену, хотя до недавнего времени они, по существу, сотрудничали с Иваном IV.

Естественно, что прежде всего реакция последовала со стороны Порты и Крыма [3, с. 113; 4, с. 243; 5, с. 192, 207], увидевших в ослаблении османского влияния на территории Поволжья серьезную угрозу своим наступательным планам во всем восточноевропейском регионе. Правда, занятый проблемами Ближнего Востока, а также борьбой с Габсбургами [3, с. 114—118; 5, с. 183, 210], Сулейман старался избегать прямого вмешательства в восточноевропейские дела.

Крымский хан Девлет Гирей осуществлял политику создания выгодной для него и Порты расстановки сил в Восточной Европе. Этот политический курс предполагал как прямые атаки крымцев против Москвы (например, в 1555, 1558, 1560 г. [5, с. 207—213; 4, с. 261; 6, с. 201—205; 7, с. 16—17; 8, с. 82; 9, р. 163]), так и провоцирование выступлений против России ее западных соседей. Поощрялись гегемонистские устремления двух ведущих восточноевропейских государств, разжигались литовско-московские противоречия в Поднепровье и Прибалтике с целью вызвать вооруженный конфликт между Москвой и Польско-Литовским государством. Так, если в начале 50-х годов — в период максимальных успехов Ивана IV в Поволжье — Девлет Гирей поддерживал союзные отношения с польским королем (в 1552 г. Крым заключил с Сигизмундом антимосковский союз, в 1553 г. сама Порта подтвердила мирный договор с Польшей [10, с. 683, 688; 11, № 148, 150, 151; 12, с. 441—478]), то в 1557 г., видимо, в связи с наметившейся экспансией Сигизмунда Августа в Прибалтику, крымский хан не только предложил Ивану IV в декабре 1557 г. политическое сближение против Польши [13, с. 288; 14, с. 91], но и предпринял в конце 1557 — начале 1558 г. вооруженное выступле-

¹ Четко эту мысль сформулировал ливонский хронист Б. Рюссов. «Когда великий князь Московский, — писал он, — покорил все княжества в России и оба упомянутые татарские царства (Казань и Астрахань. — *И. Г.*), то с ним не мог уже справиться не только ливонский магистр, но и король» [1, с. 282; 2, с. 25].

ние против Польско-Литовского государства [15, № 91, с. 141; 16, с. 125]. Тем самым Крым и Порта старались активизировать западную политику Ивана IV, пытались внушить ему мысль о том, что сложилась выгодная международная обстановка для активного участия России в борьбе за Ливонию.

Однако этот зигзаг крымской политики был весьма кратковременным. Уже в конце 1558 г. у границ Московского государства появилась стотысячная татарская орда во главе с царевичем Мухаммедом Гиреем, угрожая Рязани, Туле и Кашире. А весной 1560 г. не только Крым, но и сама Османская империя демонстративно готовилась к большой военной кампании против Русского государства [9, р. 163—164]. В эти годы было восстановлено сотрудничество Крыма и Польско-Литовского государства, направленное против Москвы. Так, в 1559 г. Сигизмунд предложил тогдашним союзникам Крыма — Малым ногаям (казыевцам) переселиться на левый берег Днепра, в район, максимально приближенный к московским рубежам [7, с. 17]. Весьма показательным был и тот факт, что крымский хан выдал в 1560 г. Сигизмунду, как главе литовско-русского княжества, традиционный ярлык на русские земли, а польско-литовский посол в Крыму Тышкевич тогда же перезаключил с Девлет Гиреем договор о союзе против Москвы [17, с. 290; 18, с. 288; 10, с. 688, 696; 14, с. 188].

Вполне закономерным при таких обстоятельствах было стремление Кракова и Стамбула найти новые рычаги политического воздействия на ход международной жизни в Восточной Европе, в частности, такие рычаги, которые способствовали бы развитию в нужном для них направлении отношений между Польско-Литовским и Московским государствами и, вместе с тем, сдерживали бы происходившее тогда стихийное формирование казачества в Поднепровье — процесса, тревожившего как Крымское ханство, так и феодальную Польшу [8, с. 71—80].

Одним из таких средств в руках султана и короля могло быть использование в указанных целях отдельных магнатов литовско-русского происхождения, которым предоставлялась некоторая политическая самостоятельность. Поэтому уже вскоре после падения Казани Порты и Краков приступили к поискам политических деятелей, готовых выполнять эту задачу. И Сулейман, и Сигизмунд, разумеется, помнили о попытках использования крымско-турецкой дипломатией кн. Михаила Глинского в начале XVI в., помнили и об особых услугах, оказанных им двадцать лет назад князем «Гедиминова рода» Семеном Бельским, который, будучи московским эмигрантом, вел энергичную борьбу против Русского государства [19, с. 290—291], пытаясь, если не захватить вместе с крымцами и литовцами Москву, то значительно ее ослабить путем «выведения» Рязанского княжества из состава Русского государства².

В середине 50-х годов Сулейман и Сигизмунд нуждались в таких помощниках, которые могли бы своими отвлекающими акциями в Поднепровье оказывать содействие реализации их широких замыслов на международной арене — прежде всего в Венгрии и Ливонии. Не случайно они остановили свой выбор на влиятельном литовско-русском князе Д. Вишневецком, с 1551 г. каневском старосте. Уже пребывание этого князя в Стамбуле в 1553 г., видимо, было связано с намерениями Порты и короля определить характер его дальнейшей деятельности в Поднепровье, возможно, с планами Стамбула создать на территории Киевщины васальное княжество, которое мог бы возглавить князь Вишневецкий. Мы

² Не исключено, что открытое выступление князя Семена Бельского против Москвы, предпринятое в середине 30-х — начале 40-х годов XVI в., подготавливалось в предшествующие годы, во всяком случае следы этой подготовки, как показал Б. А. Рыбаков, зафиксировал еще в 1526 г. имперский посол в Москве С. Герберштейн, который, видимо, получил от сторонников С. Ф. Бельского, И. М. Воротынского, И. В. Лятского и самого князя И. И. Рязанского (бежавшего в Литву еще в 1524 г.) «чертеж» Северо-Восточной Руси, воскрешавший период обособленного от Москвы существования Рязанского, Воротынского и иных княжеств и представлявший, возможно, уже тогда программу расчленения Русского государства. Обстоятельства передачи этого «чертежа» Герберштейну, как и политический его смысл, раскрыты в работе Б. А. Рыбакова [20, с. 85—111].

точно знаем, что требование о Киевщине предъявлялось султаном королю позднее, в частности, в 1570 г. (об этом доносил из Крыма в Москву Аф. Нагой [61, т. IX, прим. 349]). Однако, если такой план и выдвигался в 50-е годы, реализован он не был: польский король, хотя и санкционировал переговоры Вишневецкого в Стамбуле (об этом свидетельствовало подчеркнуто хорошее отношение к князю со стороны Кракова после его возвращения [8, с. 74; 15, № 88; 9, р. 155—158]), тем не менее не хотел терять Киевщину, не хотел и допускать полного подчинения Порте «своего» князя. Более того, уже в 1556—1557 гг. Вишневецкий оказался на «антикрымских» позициях, когда он в интересах Кракова стал осуществлять тактику столкновения Крыма с Москвой, для чего объявил Ивану IV о своей готовности организовывать походы в сторону Крымского ханства от имени московского правительства [13, с. 275, 277, 286; 61, т. VIII, с. 154—156], а потом и организовал несколько таких походов, якобы «служба царю и великому князю», но отнюдь не польскому королю [13, с. 277; 8, с. 79; 61, т. VIII, с. 155—156, прим. 470, 554].

Надеясь таким путем поссорить Крым с Москвой и стараясь в то же время сохранить союзные отношения со Стамбулом и Бахчисараем, учитывая, кроме того, факт начавшейся в 1554 г. московско-шведской войны, Сигизмунд, видимо, считал создавшуюся тогда международную обстановку настолько благоприятной для себя, что стал осуществлять более активную политику как в Прибалтике, так и в Венгрии.

Свои позиции в Ливонии Ягеллоны утверждали сначала в весьма своеобразных формах. В 1554 г. коадьютором рижского архиепископа католика Вильгельма (брата прусского герцога Альбрехта) был назначен родственник польского короля герцог Христоферс Мекленбург³, а когда магистр Ливонского ордена Генрих фон Гален, города и дворянство Ливонии ответили на эту акцию активным противодействием, дело дошло даже до открытой вооруженной борьбы (в 1556 г.) [22, с. 390—391; 10, с. 683; 14, с. 46—52].

Но если политическая поддержка Порты не давала пока заметных результатов польскому королю в Ливонии, то совсем иными оказались итоги польско-турецкого сотрудничества в Венгрии. В 1556 г. Изабелла Ягеллон и ее сын Янош Сигизмунд Запольяи при прямой поддержке султана Сулеймана оказались реальными правителями значительной части венгерских территорий [23, с. 128—135, 152, 161; 11, № 142—144, 146, 149, 152].

В условиях усилившейся активности Османской империи и Польши все более осложнялось положение Русского государства. Для правительства Ивана IV, стоявшего перед фактом создания антимосковской коалиции, особенно острым стал вопрос об определении дальнейшего курса. Не имея возможности вести энергичную борьбу в нескольких направлениях, Грозный, учитывая устремления короля Сигизмунда в Ливонию, оказался перед необходимостью форсировать свою западную политику, ослабив при этом на некоторое время военно-политическую активность на востоке и юге.

Однако даже при таком изменении своей политики Грозный отнюдь не сразу достиг сколько-нибудь заметных результатов в попытках разорвать замыкавшееся вокруг Руси кольцо враждебных сил. Прямые переговоры с Крымом в 1553 г. не оправдали надежд Ивана IV, хотя его связи с ордой Больших! ногаев и с Кабардой расширились [10, с. 683; 11, № 148, 150; 13, с. 231—232; 4, с. 248; 5, с. 195, 207, 214]. Не увенчались большими успехами и переговоры с Сигизмундом Августом, который согласился в 1554 г. продлить перемирие лишь на два года [24, с. 421—441; 10, с. 685].

Более результативными для московского правительства оказались контакты с Ливонским орденом, с его магистром Галеном, который в 1554 г. подписал с Москвой договор о 15-летнем перемирии. В этом договоре был

³ Главных создателей этого плана современный датский историк видит в Сигизмунде Августе, отчасти в прусском герцоге Альбрехте; именно польский король, по его мнению, стал инициатором польско-литовской интервенции в Ливонию [14, с. 28—33, 45—52, 91—103; 21, с. 158—159; 22, с. 377, 387].

пункт, исключавший возможность союза Ордена с Польско-Литовским государством [25, s. 315; 10, s. 602, 686].

Таким образом, несмотря на усилия Грозного, на договор с Ливонией, Московское государство в середине 50-х годов XVI в. продолжало оставаться в опасной изоляции, в окружении явных и скрытых противников.

Но дипломатический опыт Ивана IV подсказал ему все же правильное решение. Выход из создавшегося положения оказался связанным с умелым использованием острой политической борьбы, происходившей тогда в Западной Европе. Середина 50-х годов в жизни Западной Европы характеризовалась чрезвычайно важными событиями. Это было время крайнего обострения противоречий между католичеством и протестантством, поражения католических сил, зафиксированного Аугсбургским религиозным соглашением 1555 г. Именно тогда ряд протестантских государств, противопоставивших себя Риму и Вене, добились признания [26, s. 587—600; 27, s. 135—138]. В те же годы происходили столкновения интересов Габсбургов и Османской империи в Средиземноморье, на Балканах, в Венгрии, где, как мы знаем, в 1556 г. при поддержке Турции и Польши стал королем Янош Запольяи Младший [28, s. 835—840; 23, s. 147—152, 162]. Все эти события, явно ослаблявшие позиции Габсбургов и Рима в Западной Европе, вновь заставляли их искать союзников на Востоке.

В такой обстановке Русское государство опять вошло в орбиту интересов габсбургско-римской дипломатии, рассчитывавшей с его помощью ослабить военный потенциал Крыма и Порты, затруднив тем самым активную политику Стамбула на Балканах, в Венгрии, Средиземноморье. Ради этой цели Рим и Габсбурги готовы были даже пойти навстречу внешнеполитическим интересам Грозного.

Другим обстоятельством, пробудившим большой интерес Рима и Вены к Москве, оказалось неожиданно обнаружившаяся «нетерпимость» Грозного к Лютеру и его последователям в Северной Европе. Иван IV хорошо понимал, что религиозные противоречия уже стали политическими противоречиями между отдельными государствами, а политическое соперничество между ними довольно часто приобретает религиозный характер [13, с. 359—360; 44, с. 490—491].

Это стало особенно очевидным при попытке Сигизмунда Августа навязать летом 1557 г. протестантской Ливонии протекторат католической Польши. Реальное политическое значение этой акции состояло в том, что в результате вторжения большой армии Сигизмунда в Прибалтику только что ставший магистром Ордена Фюрстенберг (фон Гален умер в мае 1557 г.) вынужден был капитулировать и заключить с Польско-Литовским государством 5 сентября 1557 г. договор в Позволе. Одним из пунктов этого соглашения предусматривалось превращение Ливонии в союзника Польши против Москвы, что находилось в прямом противоречии с ливонско-московским договором 1554 г. и шестилетним перемирием России и Польши, заключенным в 1556 г. [10, s. 686; 29, s. 243; 14, s. 83—89].

Имея в виду первостепенные задачи России на международной арене (предотвращение создания антимосковской коалиции, обеспечение выхода к Балтийскому морю, противодействие крымско-польскому сотрудничеству, направленному против Москвы), а также реально оценивая возможности протестантских и католических сил с точки зрения их полезности для внешнеполитических целей Москвы, Иван IV вполне сознательно пошел на сближение с Габсбургами и Римом, рассчитывая таким путем ослабить их вмешательство в ливонские дела, а вместе с тем надеясь на более действенное их участие в борьбе против Османской империи.

Но, осуществляя подготовку к Ливонской войне, заботясь о нейтрализации Рима и Вены в Прибалтике, Грозный предпринял одновременно попытки установить взаимопонимание с самим Константинополем по интересовавшим его актуальным проблемам международной жизни восточноевропейского региона.

В 1557 г. он попытался добиться в Константинополе признания его

царского титула, а также выяснить отношение константинопольских властей к перспективе развертывания борьбы за Ливонию. Обращаясь с такого рода запросами к Порте, Грозный имел основание рассчитывать на положительное к ним отношение с ее стороны. Во-первых, он знал, что Османская империя была заинтересована в нагнетании политической напряженности в Восточной Европе, в дальнейшем ухудшении московско-литовских отношений (пусть даже на почве борьбы за Ливонию), во-вторых, Грозный исходил из того, что Порта накануне назревшего уже польско-московского конфликта в Прибалтике исключала возможность масштабной войны с Москвой (как мы знаем, она даже предлагала тогда Москве политическое сближение, направленное против Польши). Эти два соображения позволяли Ивану IV рассчитывать на удовлетворение Портой его просьб, разумеется, при прочих благоприятных обстоятельствах. Как известно, Константинополь признал в конце 50-х — начале 60-х годов и царский титул Грозного и его наступательные акции в Прибалтике (в форме санкционирования его «антипротестантской» политики в Ливонии и Литве) [13, с. 335; 19, с. 323].

Но, начиная борьбу за Ливонию под флагом осуждения «лютеровой ереси», Грозный, разумеется, имел в виду не поддержание планов католической Польши в протестантской Прибалтике, а выдвижение таких идейно-политических «аргументов», которые были бы способны нейтрализовать Габсбургов в наиболее напряженные моменты Ливонской войны.

И надо признать, что эти «идейные находки» Грозного оправдывали себя как в самом начале Ливонской войны, так и на последующих ее этапах. Если общие причины Ливонской войны, ее социально-экономические и политические предпосылки представляются в достаточной мере ясными [30, с. 165], то обстоятельства ее возникновения долгое время вызвали споры в историографии.

Как на важное внутриполитическое условие, позволившее России начать Ливонскую войну, историки обычно указывали на факт разрыва Грозного с так называемой «Избранной радой», якобы сторонницей активизации политики России только на востоке и юге [31, с. 51; 32, с. 351—352; 33, с. 44—46] и выступавшей будто бы против энергичной политики царя Ивана на Западе. Представляется, однако, что эти утверждения не совсем правильны. Скорее, не торжество Грозного над «Избранной радой» сделало возможным войну, а сам новый этап внешнеполитической деятельности Ивана IV, оказавшийся связанным с началом Ливонской войны, в конце концов потребовал устранения тех соратников и советников Ивана IV, которые становились помехой для его новых акций на международной арене. Тех самых акций, которые были связаны с попытками форсировать политику в Прибалтике (поскольку Позвольский договор 1557 г. сделал Ливонию вассалом Сигизмунда Августа) и вместе с тем свести к минимуму наступательные операции на востоке и юге, добиться какого-то взаимопонимания с Крымом и Портой.

Таким образом, отличительной чертой всей внешней политики России эпохи Грозного была ее тесная, органическая связь с постоянно меняющейся международной конъюнктурой, способность намечать новые направления своей активности в зависимости от складывавшейся расстановки сил в данной части европейского континента. Период подготовки Ливонской войны, а также начальные ее годы не были в этом отношении исключением. Следя за всем ходом тогдашней международной жизни в Европе и, в частности, за попытками Сигизмунда Августа использовать союзные отношения с Портой и Крымом для утверждения позиций Ягеллонов не только в Венгрии, но и в Прибалтике, Грозный вел весьма осторожную и гибкую политику в отношении своих соседей, имея в виду создание выгодного для себя общего соотношения сил в регионе.

Не удивительно, что в столь сложной и запутанной международной обстановке вспыхнувшая в январе 1558 г. Ливонская война с самого начала приобрела довольно необычные формы. Вступившие в начале 1558 г. в Ливонию русские войска под командованием Шагалей, в сущности, ограничились глубокой разведкой и демонстрацией своей мощи, после чего

покинули территорию Ордена. Весной того же года новая русская армия вторглась в Прибалтику и в течение мая — июля овладела Нарвой, Дерптом и рядом других укрепленных пунктов. В январе 1559 г. было предпринято еще одно разведывательное наступление в сторону Риги, которое, однако, не дало результатов. «Странная война» в Прибалтике неожиданно закончилась в марте 1559 г. заключением перемирия между русским командованием и Орденом [21, с. 158; 25, с. 318—319; 2, с. 44—46; 14, с. 146].

Этот шаг русского правительства в историографии оценивается по-разному. Одни считают его проявлением чуть ли не глупости царя, другие склонны видеть в этом вынужденную уступку Ивана IV «Избранной раде», осуществлявшей будто бы боярскую программу национального предательства, третьи склонны думать, что свертывание борьбы в Ливонии было обусловлено стремлением царя Ивана заключить с Сигизмундом Августом союз против Крыма и начать в соответствии с программой «Избранной рады» совместную борьбу против якобы главного тогда противника — Турции и Крымского ханства. Представляется, однако, что временный отказ Грозного от активных действий в Прибалтике, санкционированные им переговоры об антикрымском союзе с Сигизмундом (февраль 1558 г., март 1559 г. и т. д.), а также одобренные им походы Адашева и Вишневецкого против Крыма (лето 1559 г.) были вызваны совершенно иными обстоятельствами и иными соображениями⁴.

Дело в том, что уже зимой 1558—1559 гг. сравнительно скромные успехи Грозного в Ливонии заставили Швецию, Данию и, что особенно важно, Габсбургов ставить вопрос о «посредничестве» в мирном урегулировании ливонско-русских отношений, об оказании Ягеллонам косвенной поддержки [2, с. 46—48; 14, с. 103, 110—121]. Именно эта позиция, означавшая, что Габсбурги грозили прекратить скрытое сотрудничество с Москвой, и вынудила Грозного снова продемонстрировать ограниченность своих претензий к Ливонии, одновременно доказав «на деле» и свою мнимую готовность быть активным участником антитуренкой, антикрымской коалиции.

В те годы Иван IV считал необходимым противодействовать попыткам Сигизмунда II закрепиться в Прибалтике, изолировать Ливонию на международной арене, а потом постараться ослабить ее политический потенциал как дипломатическими, так и военными средствами, в отношении же Крымского ханства и Порты у Грозного были тогда несколько иные планы. Здесь он стремился отнюдь не к масштабной войне с Крымом, а, по сути дела, к примирению с ханом Девлет Гиреем, хотя при этом старался прикрыть эти стремления перед западными соседями демонстрацией своей мнимой готовности вести такую борьбу.

Вместе с тем важная цель южной политики Грозного состояла еще и в том, чтобы любыми средствами ослабить сотрудничество Крыма с Польско-Литовским государством, а при благоприятных обстоятельствах и внести элемент раздора между ними. Реализация такой задачи оттягивала бы силы Литвы и Польши на юг, значительно затрудняя бы их продвижение в сторону Ливонии. В сущности, санкционированные Москвой «антикрымские» акции Дм. Вишневецкого, Ржевского и других 1556—1558-го годов [8, с. 74—80], так же как и более поздние переговоры московского правительства с Сигизмундом, формально посвященные заключению антикрымского союза [24, с. 541—543, 572], в действительности имели в виду указанные цели.

Весьма характерно, что и польско-литовское правительство, хотя и санкционировало военно-политическое сотрудничество Дм. Вишневецкого с Иваном IV, хотя и вело в 1558—1559 гг. с московскими дипломатами переговоры якобы по поводу союза против Крыма, на самом деле вынашивало применительно к отношениям Крыма с Русским государством аналогичные планы — планы столкновения их друг с другом ради отвлечения Грозного от Ливонии. Содействуя переселению казыевцев — тогдашних

⁴ Различные точки зрения по этим вопросам получили отражение в исторической литературе [32, с. 352; 33, с. 45—46; 34, с. 149—181; 35, с. 476; 36, с. 128—130; 37, с. 65—69; 38, с. 84, 76, 82; 2, с. 46, 50—51].

противников Ивана IV — в район московско-литовского пограничья, с благодарностью принимая ярлыки Девлет Гирея на русские земли, а потом и заключая прямой союз с Крымом против Москвы [7, с. 17; 17, s. 290], Сигизмунд Август тем самым доказывал, что на самом деле он думал не о сотрудничестве с Грозным против Крымского ханства, а об ослаблении Московского государства в Восточной Европе, об оттягивании военных сил России из Прибалтики в Причерноморские степи.

Таким образом, следует иметь в виду, что формальные и реальные цели двух правительств в указанных военно-политических акциях не совпадали. Если формально упомянутые мероприятия должны были обеспечить совместное выступление Ивана IV и Сигизмунда против Крымского ханства, то, по существу, каждая из сторон стремилась втянуть другую в конфликт с Крымом и делала это, главным образом, для того, чтобы снизить уровень военного присутствия соперника в Ливонии.

Отражением этой сложной игры различных политических сил региона явилось загадочное, на первый взгляд, поведение литовско-русского князя Дм. Вишневецкого в середине 50-х годов, частые смены его внешнеполитических ориентаций в тот период. Так, если во время своего пребывания в Стамбуле в 1553 г. Дм. Вишневецкий рассматривался султанским правительством как еще один рычаг крымско-турецкой политики в Восточной Европе, в частности, как рычаг сталкивания Польско-Литовского государства с Москвой, то в дальнейшем его роль оказалась более сложной: во второй половине 50-х годов он превратился в политическое орудие двух ведущих правителей восточноевропейского региона — Сигизмунда и Грозного, каждый из которых пытался при его содействии поссорить соперника с Крымом и Портой. Так, польский король, санкционируя и, по существу, поощряя сотрудничество Вишневецкого с Москвой в 1557—1559 г. якобы ради совместного противодействия натиску Крыма и Порты, на самом деле пытался таким путем втянуть Русское государство в новый конфликт с грозными южными соседями, стараясь при этом Польшу оставить вне этого конфликта. О том, что Вишневецкий (Дмитраш — по крымско-турецким источникам), находясь формально на службе Ивана IV, в действительности выполнял «особые» поручения Сигизмунда, свидетельствует тот факт, что после разрыва с Москвой летом 1560 г. этот князь был с почестями принят польским королем, «вознагражден» восстановлением его прав, привилегий, возвращением ему всех его должностей и земельных владений [9, р. 162, 165]. А сам Грозный, принимая Вишневецкого к себе на службу, даже выделяя ему в управление Белёвский «удел» [24, с. 543; 13, с. 286], старался в то же время поставить его в такую политическую ситуацию, при которой этот князь представлял бы перед Портой и Крымом интересы не столько московской, сколько польско-литовской стороны.

В сущности, не только все поведение Дм. Вишневецкого, но и организация серии походов московских и днепровских «казаков» в направлении Крыма подчинялись этим политическим замыслам Грозного. Не случайно, видимо, Иван IV организовал «совместные» походы против Крыма таким образом, что ответственность за них чаще всего должна была ложиться на польско-литовские власти: в одних случаях потому, что отряды «казаков» (как московских, донских, так и днепровских) ходили на Крым с польско-литовских территорий (походы московских военачальников Ржевского в 1556 г. и в 1560 г., Ржевского совместно с Д. Вишневецким в январе 1558 г. [13, с. 288, 296], Адашева в 1559 г.) [8, с. 74, 82; 9, р. 158, 161; 5, с. 212—213], в других случаях потому, что походы осуществлялись, хотя и от московских границ, через Дон к Азову, Керчи и даже в Кабарду, тем не менее под руководством таких «очевидных» представителей «литовско-русской» знати, как «Дмитраш» Вишневецкий (так было в 1558, 1559 и 1560 гг.) [8, с. 80—83; 9, р. 158—165; 5, с. 217]. Показательным было также предписание Грозного именно Дм. Вишневецкому организовать преследование крымцев, совершивших зимой 1557—1558 гг. набег на польско-литовские территории (Волянь, Брацлавщину), а также обеспечить изъятие у них «польского» полона [24, с. 541]. Судя по крымско-турецким документам тех лет, и в Крыму и в Стамбуле его считали не военачаль-

чиком московского войска или «князем царя Ивана», а «самостоятельным» политическим деятелем, предводителем сложного по структуре военно-политического объединения, в состав которого входили «черкасы», «русские казаки» вообще (московские, донские и днепровские), и политическая линия которого отнюдь не во всем совпадала с тогдашней программой Грозного [9, р. 162; 5, с. 217—218].

Не менее показательным было и использование правительством Ивана IV в 1559 г. одного из активных «сторонников» казанской войны Д. Адашева в качестве военачальника отряда «казаков», направлявшихся с польско-литовских территорий в сторону Крыма [8, с. 82; 39, с. 106; 35, с. 471—477]. Данное назначение также хорошо вписывалось в общий тактический замысел Грозного: этим шагом Иван IV не только прибавлял к старым казанским «заслугам» дома Адашевых новые, связанные с Крымским походом, но и превращал этот дом в еще более ценную «разменную монету» в его сложном торге с крымско-турецкой дипломатией. Последовавшая вскоре после крымского похода отставка Адашевых как бы символизировала решительный отказ Грозного от враждебной Крыму и Порте политики, была еще одним доказательством его стремления установить мирные отношения со своими южными соседями⁵. Видимо, не случайно уход из политической жизни Адашевых совпал с удалением и другого временного политического партнера Грозного — Дм. Вишневецкого. Разрыв Ивана IV с литовско-русским князем наметился в 1560 г., а произошел, видимо, в первой половине 1561 г., после чего он вернулся назад в Литву⁶, где его подчеркнуто хорошо встретили [8, с. 83; 9, р. 162, 165; 5, с. 219].

Дальнейшее развитие международных отношений в Восточной Европе подтвердило правильность всех перечисленных выше политических шагов Грозного, предпринятых им в 1558—1560 гг. Хотя польский король 31 августа 1559 г. и сумел навязать свой протекторат Ливонии, а датский король Фридрих осенью 1559 г. установил контроль над островом Эзель [14, с. 145—146, 171], тем не менее Крым и Порта не проявляли тогда значительной антимосковской активности (весной 1560 г. от похода на Москву они отказались, Константинополь даже готов был признать царский титул Ивана IV) [9, р. 164; 13, с. 335], а Габсбурги и Рим не вмешивались энергично в дела Ливонии, не угрожали войной Русскому государству [25, с. 324; 29, с. 241—244; 2, с. 101—111].

Вероятно, в таком ходе событий большую роль сыграли не только упомянутые уже военно-политические акции Грозного, но также и то обстоятельство, что царь Иван, сознательно или бессознательно допустив поглощение Ливонии Польшей в 1559 г., тем самым столкнул Сигизмунда II Августа с императором Фердинандом, являвшимся верховным протектором Ливонского ордена. Последнее обстоятельство способствовало еще большему сближению Габсбургов с Русью.

Наличие скрытых союзников в Европе, с одной стороны, а также установление какого-то временного взаимопонимания с Константинополем, с другой, позволили Грозному возобновить вооруженную борьбу в Прибалтике уже в 1560 г. В ходе военной кампании этого года русским войскам удалось овладеть рядом важных укрепленных пунктов Ливонии (Мариенбургом, Феллином и другими центрами) [21, с. 163; 2, с. 48]. Этот успех Грозного вызвал быструю реакцию не только Польши, но Дании и Швеции, которые договорились в ноябре 1561 г. о разделе Прибалтики, а поль-

⁵ Не случайно московский посол в Бахчисарае Афанасий Нагой летом 1563 г. должен был доверительно сообщить крымским властям о том, что отставка Адашевых была обусловлена их, якобы, патологической враждебностью к Девлет Гирею, чего, естественно, царь Иван допустить не мог, так как питал к этому хау «постоянное» расположение [61, т. IX, с. 24, прим. 76].

⁶ Показательно, что дальнейшая судьба Д. Вишневецкого оказалась очень близкой судьбе Адашевых. Не оправдавший надежд крымско-османской дипломатии, неугодный как Крыму, так и Порте, Д. Вишневецкий был пленен турками в Молдавии и в 1563 г. казнен в Стамбуле. Как мы видим, Адашевы также заплатили за свою «антикрымскую» деятельность, за свои «провинности» перед Девлет Гиреем, с той лишь разницей, что расправа над ними была осуществлена не крымско-турецкими властями, а самим Иваном Грозным [61, т. IX, прим. 104; т. IX, с. 3—8, 11].

ский король Сигизмунд 28 ноября 1561 г. подписал акт о присоединении Ливонии к Польско-Литовскому государству [25, с. 335; 14, с. 211—225; 2, с. 230—231].

В этих условиях Грозный должен был снова отказаться от активных военных операций в Ливонии, а также попытаться установить мирные отношения со своими западными соседями. Еще летом 1561 г. он заключил перемирие со шведами, в 1562 г. — с Данией [13, с. 330, 366, 373—375; 40, с. 288], однако его попытка добиться примирения с Польшей путем заключения брачного союза с домом Ягеллонов не увенчалась успехом [24, т. 71, с. 23—40; 13, с. 329; 10, с. 685, 688; 41, с. 187 и сл.].

Одновременно Иван IV стал опять добиваться сближения с Крымом и Портой. Характерно, что Грозный решил теперь искать себе супругу на мусульманском востоке. Осенью 1561 г. он остановил свой выбор на кабардинской («черкаской») княжне Марии Темрюковне [13, с. 333, 366; 4, с. 265, 273; 5, с. 235]. Этим браком Иван IV открыл целую серию мероприятий 60-х годов, которые должны были доказать его лояльность к мусульманским странам, а вместе с тем подчеркнуть решимость Москвы вести борьбу против Польско-Литовского государства. К числу этих мероприятий следует отнести многочисленные знаки внимания к татарским царям, перешедшим на московскую службу [13, с. 347—350, 360, 364; 42, с. 455, 459, 461—464], настойчивые попытки дипломатическим путем добиться примирения с Крымом (миссия Аф. Нагого) и более глубокого взаимопонимания с Константинополем, подчеркнутое использование татарских контингентов в Прибалтике [13, с. 363; 7, с. 19—25; 19, с. 322—323]. Однако как ни энергичны были попытки Грозного разорвать польско-крымский союз, добиться значительных результатов в этой области ему тогда не удалось. Политическое и военное сотрудничество польского короля с Девлет Гиреем продолжалось и в начале 60-х годов. В результате Ивану IV приходилось не только вести операции в районе Белоруссии и Полоцка, но также держать оборону со стороны Крыма.

Так, в мае 1562 г. Иван IV вынужден был приостановить едва начавшиеся на литовско-русском пограничье разведывательные операции из-за вторжения на территорию Московского государства Крымской орды. Появление армии Девлет Гирея в районе Мценска в момент развертывания военных действий в Литве, разумеется, следует рассматривать как результат прямой договоренности Сигизмунда с правящими кругами Крыма [7, с. 18; 9, р. 164]. По поводу этого похода крымских татар состоялся даже обмен мнениями между ханом и польским королем. Сигизмунд благодарил Девлет Гирея за майскую операцию, настаивая при этом на новом выступлении татарских войск против Москвы осенью того же года. Видимо, этим новым походом польский король хотел помешать начинавшимся операциям русских войск в районе Полоцка. Однако осенью нового татарского вторжения не последовало. Возможно, в этом была заслуга уже московской дипломатии.

Как бы то ни было, Иван Грозный получил возможность в течение зимних месяцев 1562—1563 гг. сосредоточить усилия на литовском фронте. Перед русскими войсками стояла задача овладеть Полоцком, важнейшей крепостью на Двине, контролировавшей подступы не только к Риге, но и к самой столице Литовского княжества — Вильно. Хотя подготовительные операции в районе Полоцка начались осенью 1562 г., непосредственная осада города происходила в январе и феврале 1563 г. Операциями руководил сам Иван IV. Город был взят 15 февраля 1563 г. [13, с. 354—358; 41, с. 121—131]. Захват Полоцка русскими произвел настолько сильное впечатление на правящие круги Литовского княжества, что уже 21 апреля начались переговоры между представителями Сигизмунда II Августа и Ивана IV, закончившиеся заключением короткого перемирия (до декабря 1563 г.) [13, с. 373; 41, с. 12]. Пользуясь этой передышкой, прикрываясь мирными переговорами, обе стороны осуществляли военную и дипломатическую подготовку к возобновлению борьбы.

Сигизмунд созвал в мае 1563 г. сейм и старался мобилизовать денежные и людские ресурсы для увеличения военного потенциала страны. Он

активизировал усилия по осуществлению унии между Польшей и Литвой, ставя это новое сближение условием участия Короны в обороне литовских земель [33, с. 55, 60]. Вместе с тем польский король стремился активно действовать и на международной арене. Он снова толкал Крым к выступлению против Москвы, а также зондировал почву в Скандинавии [10, с. 693—695; 2, с. 231—232].

Со своей стороны и Грозный деятельно готовился к предстоявшим столкновениям с противником, широко используя дипломатические средства. Его послы продолжали хлопоты в Крыму и Прибалтике. Так, Афанасий Нагой, находившийся в Крымском ханстве с весны 1563 г., пытался нейтрализовать союзника Сигизмунда [13, с. 366, 369—370], и в январе 1564 г. ему даже удалось заключить с Девлет Гиреем договор о мире [7, с. 21; 39, с. 292—294]. Правда, этот договор не сразу создал перелом в крымско-московских отношениях: крымские феодалы не выполняли соглашение, продолжая осуществлять враждебную Москве политику.

В этом не было ничего удивительного: Россия, овладевшая Поволжьем, частью Ливонии, Полоцком, казалась Крыму более сильным государством, чем Польша и Литва. Этого соотношения сил не изменили и отдельные довольно крупные поражения русских армий (при р. Уле 26 января, под Оршей 2 июня 1564 г.). Поэтому в сентябре — октябре 1564 г., т. е. именно тогда, когда литовско-польские войска пытались вернуть Полоцк, Девлет Гирей выступил с большим войском против Московского государства [7, с. 21; 10, с. 696]. Однако ни татарам, ни литовско-польским войскам не удалось добиться важных стратегических результатов. Девлет Гирей, разорив Рязань, вернулся в Крым, а отряды Сигизмунда вынуждены были оставить мысль об овладении Полоцком. Более того, в ноябре русские войска, перейдя в контрнаступление, заняли важную крепость на Витебщине — Озерище [33, с. 61—62].

Хорошо известно, что кровопролитные столкновения между русскими и литовскими войсками в эти годы сопровождались острой внутрислитоической борьбой как в Русском [36, с. 130 и сл.; 68, с. 127—212], так и в Польско-Литовском государствах [43, с. 104—113]. Естественно поэтому, что именно в середине 60-х годов обе стороны почувствовали необходимость в передышке. Мирные переговоры между Иваном IV и Сигизмундом возобновились в июне 1566 г., когда в Москву прибыли литовские послы Е. Ходкевич, Е. Тышкевич, М. Гарабурда.

Переговоры сосредоточились на тех же проблемах, что и в 1563 г., когда максимальные требования обеих сторон показали стремление Ивана IV и Сигизмунда II Августа к гегемонии в Восточной Европе. Важное место в переговорах заняла проблема будущей судьбы Ливонии. Польская сторона предложила план раздела, по которому Россия не получала выхода к морю (если не считать Нарвы). Естественно, что этот проект был отвергнут и царем и собором [41, с. 369—370, 380—381 и сл.; 33, с. 64—68].

В результате послы были вынуждены покинуть русскую столицу, не добившись никаких результатов. Такими же безрезультатными оказались и переговоры в феврале 1567 г., когда в Литву направились русские послы Ф. Колычев, Г. Нагой и В. Щелкалов [41, № 18; 33, с. 64—68]. Однако сам факт мирных переговоров двух ведущих государств Восточной Европы, видимо, настораживал крымско-турецкую дипломатию. Активизируя свою борьбу с Габсбургами за Венгрию, Порта была заинтересована в те годы в том, чтобы политическая напряженность в Восточной Европе сохранялась. С этим, видимо, следует связывать попытки турецко-крымских правителей восстановить ту политическую обстановку в регионе, которая бы исключила продолжение мирных переговоров между Грозным и Сигизмундом и способствовала возобновлению открытой вражды между ними. Можно допустить, что достижению этой цели служили такие акции крымско-турецкой дипломатии, как временный отказ от всеенного сотрудничества с Сигизмундом против Москвы (неудача миссии польских послов в Стамбуле и в Бахчисарае в 1565 г.) [10, с. 696] и даже небольшие походы крымцев на территории Польско-Литовского государства [17, с. 298; 11, № 190], прекращение в середине 60-х годов атак на Москву и предложение

Ивану IV добиться политического сближения за счет Литвы. Этим же целям служили, вероятно, и переговоры крымских дипломатов с московскими о присылке большой казны хану, а также по поводу «целесообразности» отказа Москвы от мирных переговоров с польским королем и возобновления борьбы с ним [13, с. 406; 7, с. 23].

Но такого рода отношения России и Польши с Крымом не исчерпывали всей сложности их положения на международной арене. Грозному и Сигизмунду, продолжавшим вести сложную политическую борьбу в Прибалтике, приходилось постоянно учитывать и значительную роль империи Габсбургов в сложившейся международной обстановке [2, с. 128—131, 237].

Польский король Сигизмунд усиленно старался найти хотя бы скрытых союзников в Скандинавии, добивался сближения с Габсбургами [10, с. 700—702; 33, с. 69—70]. Стремясь заручиться поддержкой Швеции, Иван Грозный заключил в 1566 г. соглашение со шведским королем Эриком, по которому ряд центров Ливонии — Ревель, Пернов, Вайсенштейн должны были оказаться под шведским контролем [2, с. 190—192, 213]. Тогда же Иван IV стал на путь сближения с Англией.

Совершенно естественно, что временное прекращение активной борьбы против Крыма, сближение Ивана IV со Швецией и Англией не могло вызвать одобрения габсбургско-римской дипломатии, терпевшей как раз в это время удары со стороны и Турции (осада Сегета в 1566 г.) и протестантских государств Северной Европы [29, с. 290—291; 25, с. 359]. Раздражение Рима и Вены усилилось, когда в 1566 г. на непосредственное обращение императора Максимилиана II (1564—1576) к Руси выступить против Крыма и Турции и поддержать таким образом империю Иван Грозный ответил, по существу, отказом. Он «согласился» оказать помощь только при условии выполнения двух его требований: 1) чтобы ливонцы перестали ему «несправедливо противоборствовать», 2) чтобы польский король не беспокоил его несправедливыми и беспорядочными войнами [44, с. 492; 25, с. 359, 361]. Такая позиция Ивана IV повлекла за собой, по видимому, какие-то важные сдвиги в отношениях между Габсбургами и Сигизмундом Августом, а позднее и одобрение Максимилианом II акта Люблинской унии [25, с. 383—386; 2, с. 238—239]. Произошли изменения тогда и в отношениях Германской империи с султанской Турцией. Во всяком случае бесспорным является факт заключения в 1568 г. императором Максимилианом мира с новым турецким султаном Селимом, а в дальнейшем и попытки Порты несколько ослабить политические противоречия между трансильванским князем Яношем Заполяи и Габсбургами [29, с. 292; 23, с. 222, 227].

В 1568 г. на путь еще более тесного сближения с Османской империей встал и польский король, заключивший союз с султаном Селимом и начавший переговоры с крымским ханом Девлет Гиреем об осуществлении широкомасштабных военных акций против Москвы. В этом не было ничего удивительного. Заинтересованная в сохранении благоприятных политических условий для развертывания наступательных операций в Юго-Восточной Европе, турецко-крымская дипломатия заботилась о поддержании нужного ей баланса сил в регионе, стремилась восстановить равновесие между Польско-Литовским и Русским государствами. На данном этапе она добивалась этого, с одной стороны, путем ослабления России (турецкие приготовления к астраханскому походу, намеченному на 1569 г., а также последующие атаки крымцев на московские окраины), а с другой стороны, путем усиления Польско-Литовского государства (одобрение планов «сращивания» Польши и Литвы в один государственный организм). Показательным в этом смысле было присутствие на Люблинском сейме 1569 г. большого турецкого посольства Ибрагим бея, открыто провозгласившего готовность султана Селима поддерживать все политические и военные начинания Сигизмунда Августа в Восточной Европе [11, № 182, 190, 197, 200; 10, с. 700—703; 45, с. 31—39; 23, с. 222].

Польские феодалы, воспользовавшись благожелательной позицией Порты, а также военными и политическими трудностями Литовского

княжества, сравнительно легко добились на Люблинском сейме 1569 г. превращения Польши и Литвы в один государственно-правовой комплекс. Это событие имело огромное значение для дальнейшего внутривосточного развития многонациональной магнатско-шляхетской Речи Посполитой, а также большие последствия международного плана, создав новую расстановку сил в Восточной Европе. Речь Посполитая стала сильнее, поэтому с ней еще в большей мере должны были считаться ее соседи [46, s. 243—254; 47, с. 178—180; 48, с. 1—85].

Таким образом, международная обстановка, сложившаяся в конце 60-х — начале 70-х годов, вновь оказывалась явно неблагоприятной для Русского государства. Внешнеполитическое положение Московской Руси осложнилось еще и тем, что в Швеции в 1568 г. пришел к власти давний враг Грозного — Юхан III, женатый на бывшей невесте царя Екатерине Ягеллон, сестре польского короля Сигизмунда. Новый шведский король сразу стал добиваться примирения с Данией (1569), чтобы бросить все силы на борьбу с Иваном IV в Прибалтике [31, с. 93, 130; 33, с. 69; 2, s. 211, 216].

Заключение в 1570 г. в Щецине мира, положившего конец семилетней скандинавской войне, во многом изменило расстановку сил в Северной Европе: если Швеция стала сотрудничать с Польшей, то Дания прекратила это сотрудничество [10, s. 705, 707—708; 49, s. 55—56; 50, s. 66].

Положение Русского государства на международной арене, таким образом, становилось все более сложным. Явное усиление Речи Посполитой, поддерживавшей связи с Крымом и Портой, отсутствие у Москвы контактов с Габсбургами и Римом, грозная перспектива крымско-турецкой агрессии и вероятность атак недавно пришедшего к власти шведского короля в Ливонии — все это толкало Ивана IV на поиски союзников, новых внешнеполитических комбинаций и соглашений. В 1569—1570 гг. Грозный вел сугубо секретные переговоры с английской королевой Елизаветой по поводу заключения союза, направленного против Польско-Литовского государства [39, с. 292—294; 33, с. 71—72; 2, s. 217—218]. Не добившись успеха, Иван решил пойти на некоторые уступки Сигизмунду II Августу: в 1570 г. он заключил трехлетнее перемирие с королем на условиях сохранения фактически занятых территорий, что имело определенное значение в предотвращении намечавшегося военного сотрудничества Польши и Турции [41, с. 432; 11, № 197, 199; 10, s. 703, 709].

Другой областью дипломатической активности Грозного в это время была сфера сношений с Данией [31, с. 193], в союзе с которой царь стремился возобновить борьбу в Прибалтике. Именно в 1569 г. перешедшие на сторону Москвы ливонские дворяне Таубе и Крузе, действуя по поручению Ивана IV, стали вести переговоры с братом датского короля Магнусом, находившимся в Ливонии в качестве епископа Эзельского [51, с. 29—59] и стремившимся укрепиться там. Прямым результатом этих переговоров был приезд Магнуса, не добившегося поддержки Сигизмунда, в начале 1570 г. в Москву, где он был подчеркнuto хорошо принят, провозглашен королем Ливонии и обручен с царской племянницей Марией, дочерью Владимира Старицкого [33, с. 73; 25, s. 364]. Выполняя соглашение, заключенное с Грозным, Магнус уже в августе 1570 г. во главе большого войска двинулся в Эстонию, находившуюся тогда под формальным верховенством императора, но фактически контролировавшуюся Швецией и частично Данией. Вооруженные силы Магнуса и Ивана IV вскоре начали многомесячную (до 16 марта 1571 г.) осаду Ревеля, однако успеха не добились [2, s. 193—194]. Дальнейшие наступательные операции Грозного в Прибалтике были осложнены вторжением крымско-турецких войск на южные территории Русского государства.

Еще в 1569 г. состоялся знаменитый астраханский поход турецких войск. Однако, несмотря на тщательную подготовку нападения, относительную слабость русского гарнизона в Астрахани и небольшие размеры посланного к Дону русского подкрепления под командой князя Серебряного, экспедиция кончилась полным провалом для Турции [52, s. 377—378; 53, с. 55; 54, с. 94—98, 109—115; 4, с. 281—283; 55, p. 70 и сл.]. Тем

не менее неудача не обескуражила Селима и Девлет Гирей [56, р. 134—138, 330—331]. В 1570 г. крымцы предприняли новую экспедицию в рязанские и каширские земли, а в 1571 г. совершили грандиозный поход непосредственно на Москву, в результате которого русская столица была сожжена. В 1572 г. Девлет Гирей опять пришел с войсками на Оку, но встретил здесь отпор армии Воротынского. В 1573 г. крымские царевичи снова нападали на Рязанщину, стремясь соединиться с поднявшими мятеж казанскими феодалами [57, с. 419; 58, № 4].

Военная активность Крыма и Порты в 1569—1572 гг. проявлялась не стихийно, это была целеустремленная экспансия, реализовавшая широко задуманные, далеко идущие планы [31, с. 115—116; 7, с. 28; 33, с. 81]. Если во время похода 1571 г. Девлет Гирей требовал передачи Астрахани и Казани [59, с. 75—76], то в 1572 г. речь шла о подчинении Порте и Крыму всего Московского государства, о восстановлении ордынского ига над русскими землями⁷.

Международная обстановка в Восточной и Центральной Европе в то время благоприятствовала реализации планов крымско-турецкой дипломатии. По существу, в эти годы Московское государство оказалось изолированным, и наступательные акции Крыма и Порты осуществлялись при сочувствии и поддержке Речи Посполитой и Швеции. По-видимому, следовало иметь в виду организацию грандиозной антимосковской коалиции, в которой главную роль должны были играть Турция и Крым, с одной стороны, Польско-Литовское государство и Швеция — с другой [52, с. 377—378; 62, с. 27; 10, с. 692; 69, с. 108, 115]. Программа коалиции предусматривала наступление на Русское государство с запада, юга и востока.

Реставрация Астраханского и Казанского ханств должна была стать лишь началом осуществления широких замыслов противников Москвы. Поэтому вряд ли может быть принята существующая в исторической литературе точка зрения, рассматривающая астраханскую экспедицию Селима как изолированное от Крыма военное мероприятие Турции, а крымские походы 1570—1572 гг. — как кампании, проводившиеся в интересах только Крыма и вопреки воле турецкого султана [60, с. 76—77; 63, с. 433; 64; 19, с. 334; 65, с. 195—197]. По существу операции турецких войск на Волге и набеги крымцев на Москву были частями одного стратегического плана. Ряд фактов позволяет видеть в крымско-турецкой экспансии 1569—1572 гг. не проявление соперничества между Константинополем и Бахчисараем, а осуществление своеобразного сотрудничества, реализацию политики «рационального разделения труда», при которой Крым и Порта не только выступали в роли фланговой защиты по отношению друг к другу, но и добивались необходимого им распыления сил Московского государства.

По-видимому, это хорошо понимал Иван Грозный, обращая самое серьезное внимание на укрепление южных рубежей Русского государства. Исходя из существования одновременной угрозы со стороны Крыма на Оке и Порты на Дону, Северном Кавказе и Южной Волге, русское правительство вынуждено было усиливать гарнизоны в Астрахани, поощрять донское казачество и организовывать все более планомерную оборону южных границ. С 1569 г. размещение полков «на берегу» стало постоянным и обязательным; с 1572 г. установился следующий порядок дислокации войск: большой полк — в Серпухове, полк правой руки — в Тарусе (или Алексине), передовой — в Калуге, сторожевой — в Коломне, левой руки — в Кашире [7, с. 43; 66, с. 56—60; 67, с. 159—173].

⁷ Г. Штаден по данному поводу писал следующее: «Города и уезды Русской земли все уже были расписаны и разделены между мурзами, бывшими при крымском царе... При крымском царе было несколько знатных турок, которые должны были наблюдать за этим; они были посланы турецким султаном по желанию крымского царя. Крымский царь похвалялся перед турецким султаном, что он возьмет всю Русскую землю в течение года, великого князя пленником уведет в Крым и своими мурзами займет Русскую землю... Он дал своим купцам и многим другим грамоту, чтобы ездили они со своими товарами в Казань и Астрахань и торговали там беспопынно, ибо он царь и государь вся Русь» [60, с. 111, 112; 61, с. 119].

Организуя оборону южных границ Русского государства от крымско-турецких вторжений на Волге и Оке, Иван Грозный не прекращал также попытки нейтрализовать Крым и Порту дипломатическими методами. Несмотря на сравнительно вежливый прием русских дипломатов, султанская Турция продолжала толкать Крым на территории Московского государства, по-прежнему настаивала на «возвращении» Порте Казани и Астрахани, требовала подчинения Москвы Константинополю [60, с. 118—119; 31, с. 129].

Естественно, что в условиях напряженной борьбы с крымско-турецкими силами на юге Иван IV вынужден был сократить размах операций, начатых им в Прибалтике. Уже в марте 1571 г. пришлось отказаться от осады Ревеля и пойти на ряд других уступок [40, с. 579; 33, с. 81]. Хотя и тяжелой ценой, но Русское государство все же нашло силы не допустить полного осуществления программы крымско-турецких захватчиков, отстоять свои государственные рубежи на юго-востоке. Крах планов завоевания Московской Руси заставил крымско-турецких политиков, рассчитывавших противопоставить значительно ослабленной Москве окрестную после Люблинской унии Речь Посполитую, более трезво оценивать сложившуюся к тому времени обстановку в Восточной Европе. Этому отрезвлению содействовал и разгром турецкого флота кораблями Испании, Венеции, Италии 7 октября 1571 г. у Лепанто [3, с. 145—152].

Все это вынуждало крымско-турецкую дипломатию постепенно менять установки своей внешней политики в Восточной Европе, заставляло уже в середине 70-х годов XVI в. ослаблять натиск на Москву, усиливать военно-политическую активность в отношении Польско-Литовского государства. Это проявлялось не только в попытках использования в своих интересах отдельных литовско-русских княжеских домов (например, дома Острожских), но также в поддержке кандидатуры на польский престол тогдашнего вассала Порты трансильванского князя Стефана Батория, но и в организации ряда походов крымских войск на южные территории Польско-Литовского государства [19, с. 343, 345, 351—354, 360—361]. В сущности, однако, это были лишь новые формы старой стратегии Константинополя и Бахчисарая в данной части европейского континента, нацеленной на поддержание здесь такого баланса сил, на сохранение таких политических границ между восточноевропейскими государствами, которые, совершенно не совпадая с этническими, создавали весьма благоприятные условия для дальнейшего развертывания крымско-турецкой экспансии в этом регионе, для все более активного их вмешательства во внутриаполитическую жизнь стран Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рюссов Б.* Ливонская хроника. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. III. Рига, 1880.
2. *Donner E.* Der livländische Ordensritterstaat und Russland. Berlin, 1963, S. 25.
3. *Iorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 3. Gotha, 1910.
4. *Кушева Е. Н.* Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. — Исторические записки. Т. 34. М., 1950.
5. *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (Вторая половина XVI — 30-е годы XVII в.). М., 1963.
6. *Бурдей Г. Д.* Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в 40—50-х годах XVI в. — Уч. зап. Саратовского ун-та. Т. 47, 1956.
7. *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М. — Л., 1948.
8. *Голубуцкий В. А.* Запорожское казачество. Киев, 1957.
9. *Lemercier-Quelquejay Ch.* Un condottiere lithuanien du XVI siècle le prince D. Visneveckij et l'origine de la Sec Zaporogue d'apres les Archives Ottomanes. — In: La Russie et l'Europe XVI—XX s. Paris, 1970, p. 163.
10. *Historia dyplomacji polskiej.* T. 1. Warszawa, 1982.
11. *Katalog dokumentów tureckich.* Warszawa, 1959.
12. *Tomczak A.* Z dziejów stosunków polsko-tureckich za Zygmunta Augusta 1548—1553. — In: Księga pamiątkowa 150-lecia Archiwum Głównego Akt Dawnych. Warszawa, 1958.
13. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 13. СПб., 1904.
14. *Rasmussen K.* Die livländische Kriese 1554—1561. Kobenhavn, 1973.
15. Книга посольская. Метрика Великого княжества Литовского. М., 1843.

16. *Jasnowski J.* Mikołaj Czarny Radziwiłł (1555—1565). Warszawa, 1939.
17. *Kolankowski L.* Problem Krymu w dziejach jagiellońskich.— Kwartalnik Historyczny, 1935, z. 3.
18. *Kolankowski L.* Polska Jagiellonów. Lwów, 1936.
19. *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963.
20. *Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии (XV — начало XVI в.). М., 1974.
21. История Латвийской ССР. Т. I. Рига, 1952.
22. *Kłodziński A.* Stosunki Polski i Litwy z Inflantami przed zatargiem z roku 1550 — 1557.— Kwartalnik Historyczny, 1909.
23. *Rajewski J.* Węgierska polityka Polski w połowie XVI wieku (1540—1571). Kraków, 1932.
24. Сборник Русского Исторического Общества (РИО). Т. 59. СПб., 1887.
25. *Übersberger E.* Österreich und Russland. Wien, 1906.
26. *Egelhaaf G.* Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegenreformation. Bd. II. Stuttgart, 1892.
27. Historia powszechna XVI—XVII w. Warszawa, 1973.
28. *Zinkeisen J. W.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. II. Berlin, Gotha, 1856.
29. *Ritter M.* Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegenreformation. Bd. I. Stuttgart, 1889.
30. *Маркс К.* Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. М., 1946.
31. *Bunper P. Ю.* Иван Грозный. М., 1944.
32. *Вахрушин С. В.* Научные труды. Т. II. М., 1954.
33. *Королюк В. Д.* Ливонская война. М., 1954.
34. *Дербов А. А.* Борьба Русского государства за Прибалтику и Белоруссию в 60-х годах XVI в.— Уч. зап. Саратов. ун-та, 1956, № 47.
35. *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960.
36. *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966.
37. *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М., 1975.
38. *Флоря Б. Н.* Проект антитурецкой коалиции середины XVI в.— В кн.: Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVII вв. М., 1979.
39. *Соловьев С. М.* История России. Т. VI. СПб., 1894.
40. *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и в XVII столетиях. СПб., 1893.
41. *Rajewski J.* Projekt przymierza polsko-tureckiego za Zygmunta Augusta.— In: Księga ku czci O. Haleckiego. Warszawa, 1935.
42. *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. СПб., 1863, с. 455.
43. Historia polityczna Polski. Т. II. Kraków, 1923.
44. Послания Ивана Грозного. М.— Л., 1951.
45. *Rajewski J.* Legacja Zborowskiego do Turcji w 1568.— Rocznik Orientalistyczny, 1936, № 12.
46. Historia Polski. Т. I, cz. 2. Warszawa, 1957.
47. История Польши. Т. I. М., 1954.
48. *Ланно И. И.* Великое княжество Литовское от Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586). СПб., 1901.
49. *Czapliński W.* Pokój szczeeciński 1570 na tle sytuacji politycznej w basenie Morza Bałtyckiego.— Zapiski Historyczne. 1972, № 37.
50. *Bodniak S.* Kongres szczeeciński na tle bałtyckiej polityki polskiej. Kraków, 1929, s. 66.
51. Послание И. Таубе и Э. Крузе.— Русский исторический журнал, 1922, № 8.
52. *Hammer J.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. II. Pest, 1835.
53. *Садиков П. А.* Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г.— Исторические записки. Т. 22, 1947.
54. *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т. I. М., 1946.
55. *Бурдей Г. Д.* Русско-турецкая война 1569 г. Саратов, 1962.
56. Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı. Paris, 1978.
57. *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkiej Rusi. Т. II. Warszawa, 1846.
58. *Lemercier-Quelquejay Ch.* Les expeditions de Dowlét Giray contre Moscou en 1571 et 1572.— In: Cahiers du monde russe et soviétique, 1972, vol. VIII, № 4.
59. *Флетчер Д.* О государстве русском. СПб., 1906.
60. *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1925.
61. *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. СПб., 1843.
62. *Масса И.* Краткие известия о Московии в начале XVII в. М., 1936.
63. *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством оттоманской Порты до начала XVI в. СПб., 1887.
64. *Allen W.* Problems of Turkish Power in the 16th Century. London, 1963.
65. *Некрасов А. М.* Некоторые вопросы политических взаимоотношений на восточных и южных рубежах России XVI в. в зарубежной историографии.— История СССР, 1983, № 1.
66. *Загоревский В. П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969.
67. *Александров В. А.* Организация обороны южной границы Русского государства во второй половине XVI—XVII вв.— В кн.: Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М., 1979.
68. *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.

СОВЕТСКАЯ ПЕЧАТЬ О ЮГОСЛАВСКОЙ КУЛЬТУРЕ ПЕРИОДА НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ

В годы Великой Отечественной войны советские люди проявляли большой интерес к жизни и событиям в сражающейся Югославии. Поэтому советская печать информировала читателей не только о военных действиях, об успешной борьбе партизан и Народно-освободительной армии против фашистских оккупантов, но и о том, что было связано с культурой народов Югославии, с первыми шагами новой, народной власти в проведении на освобожденных территориях мероприятий в области культуры.

Сведения об этом она черпала из информации, поступающей от руководства КПЮ из страны, югославских коммунистов и общественных деятелей, находившихся в СССР, а с 1943 г. и от агентства ТАНЮГ.

Народы Советского Союза, защищавшие свою культуру от гитлеровских варваров, знали о том, что нацисты творили в оккупированной Югославии. Описание фашистских злодеяний было дано, в частности, в опубликованной летом 1941 г. брошюре [1].

Смерть и разрушение принес фашизм Югославии, — писал журнал «Большевик». — В груды обломков превращены дворцы, музеи, театры, библиотеки, исторические памятники. Деятельность оккупантов в Югославии «это цепь издевательств над культурной нацией Европы, беспощадное истребление национальной культуры и ее творцов» [2, с. 50].

Один из видных деятелей Коммунистической партии Советского Союза, академик Е. Ярославский, осенью 1941 г., говоря о разгорающейся борьбе народов Югославии с захватчиками, выражал уверенность, что национал-социалистам не удастся поработить свободолюбивые народы Югославии, ликвидировать их культуру [3, с. 3, 25, 28].

В 1941 г. была опубликована брошюра словенского коммуниста Д. Густинчича [4]. В ней, в частности, сообщалось о деятельности словенских просветителей XVI в., об ученых и литераторах, завоевавших мировую известность — Ернее Копитаре, Франце Миклошиче, о крупнейшем поэте Франце Прешерне, стихи которого переводились на многие языки, в том числе и на русский, современных прогрессивных литераторах (М. Клопчиче, Э. Коцбеке, С. Косовеле и др.), достижениях художников и скульпторов.

На втором Всеславянском митинге в Москве, состоявшемся в апреле 1942 г., говорилось о стремлении нацистов и их прислужников поработить сербский народ, уничтожить его культуру. Многие памятники старины и культурные учреждения были разрушены. Но сербы на протяжении всей своей истории никогда не мирились с тиранией. Вся сербская поэзия проникнута призывами к борьбе с тиранами, за свободу. Один из таких призывов прозвучал тогда и на митинге: «Интеллигенты! Не будьте орудием в руках недичевцев и оккупантов против своего народа! Защищайте сербскую культуру, свободу и независимость сербского народа от оккупантов — варваров XX века» [5, с. 35].

Значительное внимание культуре югославских народов уделял вышедший в Москве с июня 1942 г. журнал «Славяне». Акад. Н. Державин, рассказывая о тяжелых испытаниях, выпавших в прошлом на долю славянских народов, подчеркивал, что они не утратили ни своего родного языка, ни своего национального сознания. В качестве примера автор указывал на словенский народ, насчитывавший около двух миллионов человек. Вплоть до 1918 г. словенцы находились под чужденациональным угнетением. Однако в упорной борьбе за национальное самосохранение словенский народ не утратил своей национальной культуры, не исчез с этнографической карты Европы. Наоборот, в многовековой борьбе со своими врагами он вырос и окреп [6, с. 6]. Н. Державин отмечал, что за многие века подневольной жизни хорваты сумели сохранить свою национальную культуру, в ходе мощного национально-освободительного движения создали богатую литературу, организовали университет и академию наук в Загребе. В 1943 г. советская общественность отметила 325-летие со дня рождения выдающегося сына хорватского народа Юрия Крижанича, достойно оценив при этом его заслуги на поприще борьбы за славянское единство [7, 1944, № 1, с. 40].

Знакомя советского читателя с культурным богатством народов Югославии, советская печать отмечала, что прежние югославские правители стремились держать народ в темноте, пользоваться культурными достижениями могли лишь немногие. Народно-освободительные комитеты, а затем Антифашистское вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) стали организаторами народного просвещения. Несмотря на большие трудности, острую нехватку школьных помещений, преподавателей, учебников, тысячи детей получили возможность учиться в открывшихся на освобожденных территориях начальных школах [8, с. 59]. В Лике, например, было 108 школ, в Славонии — более 100, в Далмации — 112 и т. д. [7, 1944, № 7, с. 15].

В трудных условиях военного времени уделялось внимание и ликвидации неграмотности среди взрослых. Партизаны в свободные от боев минуты учились сами, а также вели политическую и просветительную работу среди населения [2, с. 42]. Они открывали дома культуры, народные дома, где проводили доклады, лекции, беседы, организовывали различные кружки [9, с. 90].

Значительное развитие получила издательская деятельность. За годы войны и революции были изданы тысячи книг и брошюр. В тот же период более 230 трудов В. И. Ленина было опубликовано отдельными изданиями. «Если к этому добавить и 50 его работ, напечатанных в составе различных сборников, то можно сказать, — пишет югославский историк П. Дамянович, — что произведения Ленина чаще всего публиковались у нас в ходе революции» [10, с. 243].

«Партизаны организовали свою печать», — говорилось в брошюре, выпущенной в Москве летом 1942 г. [11, с. 36]. «Печать борющейся Югославии» — так назывался очерк, информировавший о большом размахе организованной КПЮ издательской деятельности на освобожденной и неосвобожденной территориях [7, 1944, № 10, с. 34]. Несмотря на то, что современных типографских машин в распоряжении народных властей не было, не хватало бумаги, набор производился вручную, выходило много газет и журналов, печатались сборники художественных рассказов, стихи, политическая литература и даже детские книжки. При этом отмечалось, что журналы и особенно брошюры и книги тщательно оформлены.

В июне 1944 г. в Москве одновременно на русском, сербскохорватском, словенском, польском и других языках вышел труд маршала И. Броз Тито [12]. В брошюре содержались сведения, дававшие представление и о том, как руководство народно-освободительного движения относится к решению вопросов культуры.

В годы народно-освободительной войны приобрели популярность немало писателей и поэтов, вдохновленных подвигом своего народа, боровшегося за свободу и независимость — И. Горан-Ковачич, В. Назор, Р. Зокович, Б. Чопич, К. Радин, М. Клочич и многие другие. Стихи

и выступления В. Назора публиковались в журнале «Славяне», его дневник «С партизанами» вышел в Москве отдельным изданием. Поэма Р. Зоговича о маршале Тито была переведена на русский язык Н. Асеевым и издана большим тиражом.

Подобно литераторам, активными участниками народно-освободительной борьбы были многие музыкальные деятели Югославии — В. Вучкович, погибший в 1942 г., К. Пахор, М. Козина, О. Данон и др. Не иссякли в те годы и богатые источники народного творчества. Особенно популярными были песни — старые, звучавшие веками, и новые, партизанские, и полюбившиеся борцам за свободу советские песни.

О народной любви к музыке можно было прочесть в книге военного корреспондента «Красной звезды» К. Симонова [13], которая появилась после пребывания автора в сентябре — ноябре 1944 г. в Сербии.

Ярким примером творческого интереса к музыкальной культуре народов Югославии стало создание акад. Борисом Асафьевым, находившимся в Ленинграде, балета «Милица». Уже немолодому композитору пришлось терпеть и голод, и холод, переносить бомбежки. «К весне 1942 г. — отмечал Б. Асафьев, — внимание мое было сосредоточено на героической борьбе югославов против фашистского ига...». Поэтому в начале августа 1942 г. «особенно радостной была пришедшая из Москвы весть о возможности государственного заказа музыки югославского балета, а вскоре дошло до меня и либретто... — „Милица“. Как раз все летние месяцы я вникал в сборники песен Югославии... Нервный подъем у меня был так велик, что я вложил все силы в работу над балетом, чувствуя в себе безусловную бодрость, но не подозревал, что мое напряжение было последним, а сил-то уже не было» [14, с. 147]. Но все же клавир «Милицы» композитор успел закончить. Преодолея и тяжелую болезнь, вызванную голодом, и к концу 1942 г. написал две статьи: «Из области югославянского народного музицирования и взаимосвязи русской и славянской музыки» и «О народном музицировании Югославии». В последней он писал: «Югославская музыка, обладая исключительно мощными народно-интонационными пластами, может развиваться на основе и в сторону прекрасного возрождения принципов музицирования древнейших культурных очагов человечества и стать по отношению к Западной Европе тем, чем была и остается русская музыка: не музыкальной провинцией, а высокой самостоятельной культурой...» [14, с. 352].

«Сюжет моего нового четырехактного балета „Милица“, — писал Б. Асафьев, — героическая борьба партизан с фашистскими оккупантами... Я писал музыку к этому балету с большим интересом и увлечением, ибо ее сочинение совпало с моей исследовательской работой о народном музыкальном творчестве в Югославии. Югославский народный песенный эпос и лирика с их высоко патриотическим содержанием и стилем дают широкий простор для композитора» [7, № 2, с. 40].

Премьера балета «Милица» состоялась 29 декабря 1947 г. в Ленинградском Государственном академическом театре им. С. М. Кирова (в роли Милицы выступала народная артистка Советского Союза Н. Дундинская).

Другие известные советские композиторы — В. Белый, В. Шебалин в годы войны популяризировали югославскую музыку. Об отношении к этой музыке можно судить по отзыву Д. Шостаковича: «Я не ошибусь, если скажу, что народы Югославии певучие, музыкально одаренные...». Д. Шостакович отметил у народов Югославии «любовь к музыке, к песне, к светлomu искусству, утверждающему положительные идеалы, отражающие героическую эпопею борьбы за свободу и независимость, за торжество социализма и мира на югославской земле» [10, с. 248].

На страницах советской печати появлялись сообщения о партизанских театрах в Югославии. Упомянут театр «Народного освобождения», поставивший в Яйце для делегатов II сессии АВНОЮ гоголевского «Ревизора», а также «Словенский театр освобожденной территории», на сцене которого ставились пьесы И. Цанкара, М. Бора, М. Клопчича, водевили Чехова. Одной из первых постановок Белградского драматического теат-

ра после освобождения югославской столицы была пьеса Л. Леонова «Нашествие».

В период народно-освободительной войны многие художники, взяв в руки винтовку, не оставили карандаша и кисти. Так появились ставшие теперь историческими документами зарисовки Д. Андреевича-Куна, О. Постружника, М. Детони, Б. Якаца, И. Муезиновича. Еще в 1942 г. советские люди узнали о судьбе знаменитого И. Мештровича, подвергнувшегося преследованиям усташей — хорватских фашистов. Очерк о его творчестве с портретом скульптора был напечатан в журнале «Славяне». «Своими новыми произведениями,— говорилось в очерке,— он восхитил весь мир. Искусство Мештровича призывает: не поддавайтесь слабости. Мы должны быть не мягкими, не слабыми, а сильными, героическими, готовыми к новой борьбе» [7, 1942, № 4, с. 47].

Вести о том, что народы Югославии, отдававшие все силы борьбе с фашистскими захватчиками, все же находили возможность уделять внимание просвещению и литературе, музыке и театру, развивать, обогащать свою культуру, были убедительным свидетельством не просто веры, а твердой уверенности в окончательной победе. Так и воспринимали эти вести советские воины, все советские люди.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Липатов З.* Растерзанная и разграбленная Югославия. М., 1941.
2. *Большевик*, 1942, № 14.
3. *Ярославский Ем.* Борьба славянских народов против германского фашизма. Уфа, 1941.
4. *Густинчич Д.* Словения под игом Гитлера и Муссолини. Свердловск, 1941.
5. Второй Всеславянский митинг в Москве. 4—5 апреля 1942 года. М., 1942.
6. *Державин Н.* Вековая борьба славян с немецкими захватчиками. М., 1943.
7. Славяне.
8. *Коммунистический Интернационал*, 1941, № 10—11.
9. *Ленов Ю.* Борьба югославского народа за независимость и свободу своей родины. М., 1944.
10. Югославия вчера и сегодня. М., 1965.
11. *Влахович И.* Югославия в огне партизанской войны. М., 1942.
12. *Броз Тито И.* Борьба народов поработенной Югославии. М., 1944.
13. *Симонов К.* Югославская тетрадь. М., 1945.
14. *Асафьев Б. В.* Избранные труды. Т. V. М., 1957.

ТИТОВА Л.

ТЕАТР В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ЭПОХИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИЙ (К постановке проблемы)

В настоящее время, когда вырабатывается методика исследования истории культуры как самостоятельного научного направления, все большую важность приобретают проблемы, связанные с теорией культуры, структурой духовной культуры, характером взаимосвязи ее областей, функций в общественной жизни. Это обуславливает правомерность постановки вопросов об освещении отдельных областей культуры в ее общей структуре. Однако история культуры как дисциплина по своему характеру комплексная призвана рассматривать развитие всех своих компонентов во взаимосвязи, как неотъемлемую часть общеисторического процесса.

В предлагаемой работе сделана попытка проанализировать роль театра в системе культуры народов стран Центральной и Юго-Восточной Европы конца XVIII — первой половины XIX в. Специфика исторического процесса этих стран обусловила формирование здесь особого типа национально-исторического и культурного развития, называемого в современной исторической науке и истории культуры эпохой национального возрождения. В социально-историческом плане этот период был связан с переходом от феодализма к капитализму, со складыванием наций, в историко-культурном плане — с формированием национальных культур, национальных литературных языков.

Именно в эту эпоху в художественной культуре выкристаллизовываются специфические области — литература, театр, музыкальное, изобразительное искусство и др. Типологические процессы культурного развития проявлялись в национальных формах разновременно в Чехии, Польше, Венгрии и других странах региона. В то же время, несмотря на отличительные особенности процесса национального возрождения у разных народов региона, существовали присущие им общие закономерности, типологические схождения, предопределявшиеся стадийным сходством исторических процессов в эту эпоху.

Не претендуя ни в коей мере на освещение истории театральной культуры в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, выявляя лишь соотношение различных областей искусств в определенный исторический период, сразу же заметим, что театр играл важную роль в общественно-культурной жизни народов региона как проводник просветительских и национально-освободительных идей, как посредник между искусством и обществом в период, когда зарождавшееся профессиональное искусство народов этих стран интенсивно воздействовало на формирование национального самосознания. В этих условиях театр выполнял особо важную функцию, нередко служил трибуной политической и идейной борьбы, решал широкие общенациональные задачи. «В то время, когда у нас не было

политической трибуны, театр брал на себя ее роль» [1], — писал З. Неудлы о чешском театре эпохи национального возрождения.

Осознание значения театра в общей системе культуры является одной из позитивных традиций художественной мысли в ряде европейских стран, где театр концентрировал в себе не только эстетический, но и идеологический, философский опыт общественной жизни. «Уже классической искусствоведческой традицией было отмечено своеобразное проявление в театре общественных закономерностей и социальных опосредований, присущих ему как зрелищной форме массового общения. Выпавшее на начало века последовательное включение театра в орбиту специализированного социологического интереса добавило к этим предшествующим, по сути своей интуитивно-феноменологическим, положениям веские доказательства более тесной связи театра с жизнью общества и его порядками, чем это наблюдается по отношению к другим видам искусства» [2], — констатировалось в дискуссии на страницах журнала «Театр» (1981) по проблеме «Театр как объект комплексного исследования». При этом подчеркивалось «выгодное нахождение театра в точке пересечения художественных и общественных закономерностей искусства», что дает основание ждать именно от театроведческих исследований прояснения спорных или неясных вопросов, стоящих в настоящее время перед историками культуры.

Методологии изучения театра была посвящена программная статья видного советского театроведа А. А. Гвоздева [3]. Автор считал основным препятствием для «свободной эволюции историко-театральных исследований» отождествление театра с драмой. Вытекающее отсюда положение, когда «история театра находится в ведении историков литературы», лишало театроведов возможности выработать свой собственный метод исследования. «Театр играет слишком ответственную роль в жизни нации, и было бы величайшей ошибкой лишать его той исторической и критико-эстетической обоснованности, в окружении которой давно уже развиваются остальные искусства» [3, с. 121].

Ряд работ сравнительно-исторического и типологического характера советских и зарубежных исследователей, изданных в последние годы, свидетельствует о том, что наиболее заметные достижения в области театра обусловлены их общекультурной ориентацией. Наряду с эстетической функцией театра, исполнительским искусством, оформлением спектаклей и др., авторы сосредоточили внимание на исследовании театра как составной части общей, многосторонней борьбы народа за национальное самоутверждение, национальную культуру, т. е. на его общественном назначении. Акцентируется роль театра в художественном сознании общества; анализ выразительных и изобразительных возможностей театра расширяется за счет арсенала других сфер художественного познания мира.

Интересной в этом плане является книга Г. Н. Бояджиева [4]. Развитие театра соотносится здесь с развитием всей художественной культуры — литературы, музыки, живописи, архитектуры. Заслуживает внимания постановка вопросов о закономерностях в историческом чередовании доминирующих видов искусств.

В монографии Т. Родиной [5], посвященной театральной эстетике в драматургии Блока, привлекает анализ театрального мышления поэта. Д. С. Лихачев в своих работах о культуре Древней Руси [6 — 8] и других широко привлекает материал по истории театра, причем не в виде театроведческих дополнений, а как равноценный материал, позволяющий создать полную и правдивую картину культурной жизни общества в определенный период.

Об усилении общекультурного подхода к изучению истории различных областей культуры, в том числе и театра, свидетельствует появление в последнее время ряда монографий и коллективных трудов, посвященных проблеме синтеза искусств. Этой проблеме в целом и более конкретной задаче — выявлению общих закономерностей развития музыкального искусства XVII—XVIII вв., сопоставлению общественных функций и

исторических судеб музыки и других искусств, в первую очередь театра, посвящена книга Т. Н. Ливановой [9].

Различные аспекты синтеза литературы, театра, музыки, изобразительного искусства, архитектуры рассматриваются в сборнике [10]. Важные проблемы взаимодействия философии и искусства, функционирования традиции в различных сферах духовной культуры (в философии, литературе, искусстве, историографии, эстетике) поднимаются в книге [11]. Опираясь на конкретные факты научной и художественной жизни эпохи авторы сборника [12] раскрывают в них закономерности развития художественной культуры как целостного социально-исторического явления.

Стремление осмыслить феномен театра в единстве общественно-культурной жизни общества, разных сфер искусства характеризует театральную-критическую мысль, непосредственно направленную на изучение становления национальной театральной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Опытом такого историко-культурного исследования театра эпохи формирования наций является ряд работ, подготовленных в секторе историко-культурных проблем Института славяноведения и балканистики АН СССР [13—15].

Роль театра в таком значительном и многогранном комплексе явлений, который представляет собой культура каждого народа, безусловно важна, но в то же время не одинакова в разные исторические периоды. В общем развитии художественной культуры то одна, то другая ее область оказывается ведущей: согласно системе Гегеля выдвижение каждого из искусств связано с определенными ступенями художественного развития человечества.

В упоминавшейся работе Бояджиева [4] отставание театра Ренессанса по сравнению с другими искусствами называется одним из самых разительных примеров неравномерности в их историческом развитии. Причину этого автор видит в демократизме театрального искусства, которое непосредственно зависит от массового восприятия, нуждается в большой аудитории. И пока народ оставался на стадии средневекового мировоззрения, «театр коснел в своих средневековых формах». «Время театра» пришло лишь на рубеже XVI—XVII вв., когда в Испании и Англии он занял первенствующее положение среди других искусств. В эпоху Ренессанса ведущая роль перешла от поэзии к изобразительному искусству, а лишь затем к театру. Мы знаем, что в классической Греции театр и скульптура были представлены более ярко, чем другие искусства, в европейской романтической культуре начала XIX в. на первый план выходят поэзия и музыка. Советский исследователь М. С. Каган объясняет это неравномерными возможностями различных искусств решать общехудожественные задачи, выражать существо культуры, что и приводит к неравномерному их развитию в мировом историко-художественном процессе [16].

Более того, для самого театра характерно непрерывное изменение структуры, соотношения разных функций — на отдельных этапах его развития на первый план выходит то литературно-драматургическая основа спектакля, то музыка, то живописное оформление. Это вынуждает при рассмотрении проблемы «театр в системе культуры» учитывать не только динамику культуры, но и динамику театрального искусства. Эти вопросы очень интересны, хотя во многом еще и не ясны.

Выше уже упоминалось о значительной роли театра в духовной культуре и общественной жизни народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху генезиса капитализма, формирования наций и национальных культур. Как средство просвещения народа, развития литературы, музыкального искусства, родного языка, как важнейший объединительный фактор общественной жизни театр выходит на авансцену культуры.

Поскольку процесс формирования национальных культур народов региона протекал в условиях иноземного угнетения, борьбы за национальную независимость разные сферы культуры приобретали сильно выраженный национальный аспект. Освободительная борьба служила,

таким образом, почвой для развития типологически сходных явлений в разных национальных культурах. Зарождавшееся профессиональное искусство формировалось в этих странах под знаком активного освободительного движения. В тяжелых условиях социального и национального гнета, острой конкуренции с иноязычными труппами, формирующийся профессиональный театр становился трибуной протеста и выражения освободительных устремлений. Отсюда многофункциональность театра народов региона: зачастую он служил одновременно и развлечением, и школой нравов, и средством развития родного языка, и ареной политической жизни.

Поэтому такое важное значение приобретает выявление и исследование связей театра с политическими и нравственными идеями, религиозными представлениями, господствующей системой научных понятий и философских воззрений, иными словами, с целостным бытием данной культуры, с ее историческим, социальным и национальным содержанием. Да и в силу своей художественной специфики (синтетичность, общественный характер самого творческого акта, коллективность творчества драматурга — актера — зрителя) сценическое искусство более других искусств нуждается в выявлении и изучении таких связей.

Понимание роли театра в системе культуры рассматриваемого периода и региона обусловлено целым рядом вопросов. Прежде всего, представляется заслуживающим внимания такой вопрос, как социальная база и истоки формирования национального профессионального театра. Важный момент — тесная связь театра с развитием городов и городской культуры, складывание культурных центров. Существует обширная литература, посвященная экономическим процессам, способствующим росту городов нового времени, однако, гораздо меньшее внимание уделяется влиянию экономических процессов на развитие культуры. История профессионального театра связана с развитием городских форм культуры. Человек нового времени, вырвавшийся «из затхлой атмосферы средневековой церковной культуры» в город, где он «мог вздохнуть свободно и заняться задачами и делами культурного порядка» [17], был в центре внимания А. К. Дживелегова, начавшего, кстати, с исследований, посвященных городу, а затем обратившегося к истории театральной культуры.

По мере оживления экономики, роста городского населения, изменения его социального состава в городах габсбургской империи происходят большие общественно-культурные сдвиги. Наряду с оживлением издательской деятельности, книгопечатания, организацией библиотек, различного рода кружков и обществ на одно из центральных мест общественной жизни выходит театр. Из развлечения привилегированных классов театр превращается в этот период в общенациональное дело, удовлетворяя уже интересы не только образованных слоев, но и все более широких кругов национального общества.

Начиная с этого времени духовная жизнь города уже немыслима без театра на родном языке, роль которого чрезвычайно усиливается благодаря появлению стационарных сцен, широкой демократической аудитории. В этой обстановке театр был призван стать одним из главных средств осуществления просветительской программы деятелей национальной культуры. Эту тенденцию, отчетливо проявившуюся при исследовании становления чешского профессионального театра последней трети XVIII в. [13, с. 85—103], можно проследить и в других странах региона [18—19]. Рассмотрение становления национальной театральной культуры региона на фоне изменения социального состава общества в переходный период, формирования демократических слоев, роста городской культуры будет способствовать созданию более полной картины становления национальной культуры, прояснит место театра в системе культуры.

Начальный этап процесса формирования наций и национальных культур проходил в странах региона под могучим воздействием идей Просвещения. На этом этапе деятели национальной культуры придавали важное значение воспитательной функции театра, считавшегося одним

из главных средств просвещения народа, ибо он сочетал приятное с полезным, «смеясь, исправлял нравы». Именно так смотрят на сценическое искусство хорватский будитель Д. Деметр, чешские «патриоты из Боуды», деятели Национального варшавского театра, сербский драматург Стерия Попович. «Первейшая задача театрального искусства, — по мнению деятелей венгерского театра рубежа XVIII—XIX вв., — смягчать сердца, обострять чувства, пробуждать гуманность, воспламенять любовь к родине» [13, с. 175].

Одной из важных сторон просветительской функции театра было активное участие в сложном процессе формирования национальных литературных языков. В тех странах, где он долгое время был отнесен латынью или немецким (Чехия, Словакия, Венгрия и др.), роль театра в борьбе за признание родного языка государственным зачастую была решающей. В этот период происходит осознание общественно-культурной роли родного языка, на первый план выступает его национально-репрезентативная функция. Неслучайно, что почти каждая профессиональная труппа (за исключением трупп Польши, где проблема национального языка не стояла так остро) начинала свою деятельность с программных заявлений, подчеркивающих роль театра в этом процессе. «Язык мадьяр... пребывает в запущении и презрении, что может привести к исчезновению самого национального характера... Любой язык может развиваться и совершенствоваться лишь на практике» — из прошения труппы Келемена к городским властям Пешта (1790). Подобные заявления чехов («постановки чешских пьес — лучшее средство для поддержания и внушения любви к родному языку», 1784 г.), словенцев (С. Цейс), деятелей культуры других стран ярко свидетельствуют о том, какое значение придавалось театру в процессе осознания общественно-культурной роли родного языка, в борьбе за становление и развитие национального литературного языка.

Необходимо отметить, что театр — наряду с научными объединениями, периодической печатью, издательской деятельностью — играл важную роль в консолидации сил деятелей национальной культуры. Недаром в высказываниях В. М. Крамериуса, В. Тама, Л. Штура, Ф. Богомольца, А. Качича-Миошича и других деятелей культуры, большое внимание уделявших организации издательств, школ, литературных кружков и обществ, такая значительная роль отводится театру как важному центру общественно-культурной жизни.

Историко-культурный подход к театру предопределяет и «обратную связь», т. е. анализ функционирования театра в обществе, воздействия его на действительность, на жизнь общества. В этой связи несомненный интерес представляет такой вопрос, как роль театра в утверждении национального самосознания — в процессе, составляющем одну из определяющих тенденций эпохи. Национальная идея пронизывала всю деятельность первых профессиональных и любительских трупп. Говоря словами Ц. Норвида, театр в этот период был «организатором национального воображения». Чешские и словацкие будители, сербские и болгарские критики неоднократно подчеркивали роль театра в укреплении национального сознания, называя театр «школой общества» (Д. Войников).

Болгарские революционеры использовали спектакли для пропаганды революционно-демократических идей. Документы свидетельствуют о том, что со сцен болгарских театров нередко звучали революционные призывы [13, с. 256]. При этом драматурги должны были зачастую прибегать к «исторической маске», символам, намекам. «Репертуар политический в непосредственном значении слова — явление довольно редкое, а участие театра в политических проблемах — явление достаточно частое» [20], как показывает анализ деятельности польского театра рубежа веков. Это справедливо не только для польского сценического искусства. Достаточно вспомнить репертуар чешского театра 40-х годов XIX в., когда устами героев исторических драм Й. К. Тыла со сцены провозглашались идеи свободы, равенства, борьбы с реакцией. Проблема общественно-

воспитательного значения национально-исторической тематики, присущей не только театру, но и литературе, изобразительному искусству развивающихся молодых наций, сохраняла свою актуальность в течение всего периода национального возрождения. Рождение чувства историзма, ощущение исторической преемственности жизни народа — один из существенных и интересных аспектов интересующей нас проблемы.

История культуры народов региона дает яркие примеры того, как явления театрального искусства органически перерастали в явления национально-освободительной борьбы. Театр в Праге и Пеште весной 1848 г. убедительно подтвердил верность провозглашенным в искусстве высоким гражданским идеалам, убедительно доказал возрастающую роль театра в период развертывания национально-освободительной борьбы.

Большой интерес в культурно-историческом отношении представляет также вопрос взаимодействия театральных культур, в частности, формирование национального репертуара в условиях межнациональных контактов. Конституирование нации побуждало к соотнесению национального театрального развития с развитием других народов и стимулировало театральные взаимодействия.

Активные венгеро-польские контакты в области театральной культуры, усилившиеся в 40-е годы XIX в., когда в репертуаре венгерского театра все большее место начинают занимать пьесы славянских авторов, тесные связи болгарского и румынского театров, в частности, деятельность «Болгарского театрального общества» Д. Войникова в Бухаресте [13, с. 245], использование идеологами иллиризма опыта культурно-просветительской деятельности чешских будителей [21] и многие другие факты плодотворного творческого взаимодействия становились важным стимулом культурного развития народов региона. Особо следует сказать о влиянии немецкоязычного австрийского искусства на развитие театральной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы, прежде всего на его начальном этапе.

Изучение специфики театральных связей в эпоху формирования национальных культур поможет глубже раскрыть в контексте общеевропейского развития прогрессивные традиции взаимного сближения народов региона, а также прояснит роль театроведческих разработок в междисциплинарном исследовании проблем их историко-культурного развития.

Комплексный, общекультурный подход к изучению театра предполагает выявление связи профессионального театра с театром школьным (Польша, Венгрия, Дунайские княжества), литургическим (главным образом в католических странах), а также с театром любительским, что сблизило отдельные театры славянских и балканских стран, принесло в культуру этих стран общий тип театральной зрелищности. Чешские, словацкие, хорватские, сербские любительские сцены предшествовали появлению национальных профессиональных театров. Заметный след в истории венгерской культуры оставили венгерские передвижные сцены (первое 30-летие XIX в.). Эти связи проясняют картину взаимоотношений театра с другими сторонами общественной жизни, а также его роль в формировании национальной культуры стран региона.

Театр существует еще не только в богатых и сложных связях с современной ему общественной и идеологической жизнью, но и во взаимодействии с другими искусствами. Синтетическая природа театра не позволяет отвлекаться от литературы, от общего уровня которой зависит характер драматургии. Изучение сценографии требует вторжения в область изобразительного творчества, театроведение с необходимостью предполагает изучение музыкального компонента сценического синтеза, театральной архитектуры и пр. Контакты искусств в области театра являются столь плотными, что вырастают в теоретическую проблему, заслуживающую специального исследования.

В любую эпоху синтез искусств нельзя рассматривать как нечто постоянное, с устойчивыми закономерностями в отношении культуры как системы. Стремление к синтезу может быть ярко выраженным, однако захватывать оно способно то более широкий, то более узкий круг раз-

личных искусств при относительном равноправии или при господстве какого-либо из них. Для периода формирования национальных культур синтез искусств нельзя считать осознанной эстетической программой. Речь идет скорее о синкретизме культуры, сохраняющемся почти на всем этапе национального возрождения. Лишь на его завершающем этапе театр обретает полную самостоятельность, выработав стройную систему жанров и выразительных средств [22]. На рубеже XVIII—XIX вв. этот синтез носит иной характер и предполагает иной исследовательский ракурс. Как отдельные виды искусства находили свое место в системе культуры, как они взаимодействовали в процессе формирования общественных идеалов эпохи — вот те вопросы, которые выступают на первый план при исследовании художественной культуры на этапе формирования наций. Прочные основы взаимодействия театра и других видов художественной культуры были заложены в эпоху, предшествующую периоду национального возрождения. Взаимодействия проявляются на этом этапе как в эстетических исканиях деятелей национальной культуры, которые размышляют о путях развития искусства, сопоставляя изменения отечественной театральной культуры с основными тенденциями и закономерностями развития литературы, музыки, изобразительного искусства, так и в их творчестве, формирующемся в тесном взаимодействии с развитием различных областей искусства.

Прежде всего, театр нельзя рассматривать без исследования конкретно-исторических и типологических взаимоотношений с литературной жизнью, процессом развития литературного самосознания эпохи. При этом следует учитывать, что взаимоотношение театра и литературы — диалектически сложный процесс, включающий в себя и своего рода конфликт между ними в определенных исторических условиях (когда, например, на первый план выходит литературная основа спектакля, что приводит к распространению жанра драмы для чтения), и творческое взаимообогащение.

Интересным моментом этого взаимоотношения на этапе формирования национальных культур народов региона является роль театра в демократизации литературы на родном языке. В большинстве стран литература помогала формировать театру зрительскую аудиторию. Однако существует и иная закономерность — венгерский театр, например, нередко привлекал внимание читателей к произведениям развивающейся национальной литературы (постановка драмы Й. Катоны «Банк-бан» в Кошицах в 1833 г. способствовала популярности книги, изданной еще в 1820 г. [13, с. 174]).

Оказывая стимулирующее влияние на развитие литературы и смежных искусств, национальный театр способствовал пробуждению в странах региона эстетической мысли и художественной критики.

В формировании профессионального театра народов региона, утверждении национальной самобытности театрального искусства и культуры в целом значительная роль принадлежит музыке [13, с. 26—52]. В эпоху национального возрождения музыкально-драматическое искусство достигает здесь высокого уровня, становясь важным фактором формирования национального сознания (оперные спектакли Сословного театра Праги, праздники песен лужицких сербов). Многообразные музыкально-драматические жанры, представленные на сценах театров в это время, — помимо опер, мелодрам, интермедий, это чешские «zřevohry», польские «śpiewogry», сербские «живые картины» с пением и танцами — открывали большие возможности для формирования национальной оперной музыки и развития театральной культуры.

Постановки первых опер на национальном языке расценивались как важные общественно-культурные события в жизни страны. Их роль в художественной культуре определялась также во многом и тем, что впервые в истории музыкально-сценического искусства музыка этих произведений была построена на народно-бытовой песенно-танцевальной основе. Такими были опера Фр. Шкρούпа «Дротарь» (Прага, 1826), В. Лисинского «Любовь и злоба» (Загреб, 1846).

Рождение национальной оперы в то же время знаменовало собой и новый тип художественного синтеза. Обращаясь «через поэзию к рассудку, через музыку к слуху, через живопись к зрению», опера, по меткому определению Ж. Ж. Руссо, должна была «взволновать сердце и принести ему одновременно через различные органы одинаковые впечатления» [23].

Творчество таких композиторов, как Фр. Шкруп, Ю. Эльснер, Ф. Эркель, В. Лисинский и др., охвативших почти все жанры музыкально-сценических произведений этого времени, то новое, что они внесли в традиционные формы оперного театра, в процесс формирования профессионального национального театра, явилось ценным вкладом в историю художественной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

Уже на начальном этапе национального возрождения постановщики спектаклей нередко обращаются к вариантам аналогичного сюжета в изобразительном искусстве, черпая идеи для создания декораций, костюмов, для построения мизансцен (Д. Войников и болгарский театр, деятельность Й. К. Тыла — режиссера-постановщика пражского Сословного театра и др.). Связь театра с изобразительным искусством значительно усиливается во второй половине XIX в., когда художники активно включаются в театральную жизнь страны («Поколение Национального театра», Прага).

Несомненный интерес представляет и другая сторона этого взаимодействия — обогащение изобразительных искусств за счет художественных открытий театра. Если не иметь в виду собственно театральнo-декоративные задачи, которые выдвинулись в ряде стран региона как раз на рубеже XVIII — XIX вв., можно заметить, что в сфере графики, живописи театральность проявляется в интерпретации сюжетов, в характере образов, в композиции. В трудах искусствоведов нередко можно встретить указания на «посредническую» роль драматургии, театра, сцены, «театральность» живописи. Некоторые исследователи склонны видеть в этом определенную закономерность искусства эпохи барокко, классицизма и романтизма [24].

Вопрос о соотношении театра и изобразительных искусств, так редко поднимаемый историками культуры, поможет уловить определенные закономерности в истории взаимодействия искусств и в самом их составе, интенсивность динамики этого взаимодействия в разных странах и в разные эпохи.

Изучение проблемы взаимодействия театра и других искусств обогащает представление о путях и основных закономерностях развития художественной культуры. При этом, однако, не следует забывать о специфике театра, которая требует особой осторожности и эстетического такта при таком сопоставлении. Только в процессе исследования можно установить возможности, перспективы, определить границы, рамки для понимания театра в ряду искусств. Речь идет о возможностях сопоставления общественных функций и исторических судеб театра и других искусств в определенную эпоху и одновременно о выработке критериев для их сопоставления.

Все эти вопросы заслуживают специального исследования, которое послужит изучению общих закономерностей развития историко-культурного процесса народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху формирования наций.

Изучение театра в контексте художественной культуры, предполагающее выявление законов его взаимодействия с другими видами искусств, анализ его функциональной структуры, собственно художественной жизни общества, может способствовать решению ряда кардинальных проблем рассматриваемой эпохи — уяснению содержания культурной национальной общности, взаимодействия культуры с другими сторонами общественной жизни в переломный период истории. Проблематика театра должна занять свое место при решении такой важной задачи, как уяснение этапов развития процесса становления национальных культур, определение роли культуры в борьбе за национальное освобождение.

Анализ театра как предмета истории культуры будет содействовать

исследованию в этом направлении и других видов художественного творчества с целью создания комплексной истории культуры народов региона, а также способствовать более точной научной оценке вклада этих культур в общеевропейский культурный процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Nejedlý Z. Bedřich Smetana, sv. 4. Praha, 1951, s. 481.*
2. *Суворова Г. Становление новой науки.— Театр, 1981, № 5, с. 39.*
3. *Гвоздев А. Итоги и задачи научной истории театра. Задачи и методы изучения искусств. Труды Российского ин-та истории искусств. Пб., 1924, с. 83—121.*
4. *Бояджиев Г. Н. Вечно прекрасный театр эпохи Возрождения. Италия. Испания, Англия. Л., 1973.*
5. *Родина Т. А. Блок и русский театр начала XX в. М., 1972.*
6. *Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 2-ое изд. Л., 1971.*
7. *Лихачев Д. С. Художественное наследие Древней Руси и современность. Л., 1971.*
8. *Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. М., 1976.*
9. *Ливанова Т. Н. Западноевропейская музыка XVII—XVIII вв. в ряду искусств. М., 1977.*
10. *Взаимодействие и синтез искусств. Л., 1978.*
11. *Традиция в истории культуры. М., 1978.*
12. *Взаимосвязь искусств в художественном развитии России второй половины XIX в. Идеиные принципы. Структурные особенности. М., 1982.*
13. *Театр в национальной культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII—XIX вв. М., 1976.*
14. *Титова Л. Н. Чешский театр эпохи национального возрождения (конец XVIII—первая половина XIX в.). М., 1980.*
15. *Софронова Л. А. Поэтика славянского театра XVII — первой половины XVIII в. Польша. Украина. Россия. М., 1981.*
16. *Каган М. В едином контексте.— Театр, 1981, № 3, с. 88.*
17. *Дживелегов А. К. Вольный город в Европе. М., 1922, с. 36, 38, 58.*
18. *Fallenbüchl Z. A Magyar Kamara tisztségviselői a XVIII. században. Budapest, 1970.*
19. *Fallenbüchl Z. A Magyar Kamara tisztségviselői II. Józseftől a poldári forradalomig 1780—1848. Budapest, 1972.*
20. *Raszewski Z. Dwieście lat.— Pamiętnik teatralny, 1966, № 1 — 4, s. 30.*
21. *Лециловская И. И. Иллиризм. М., 1967, с. 247.*
22. *Wollman S. Základní problémy dramatu v slovanských literaturách XVIII. a XIX. století.— Československé přednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii. Praha, 1963, s. 231.*
23. *Руссо Ж. Ж. Материалы и документы по истории музыки. Т. 2. М., 1934, с. 63.*
24. *Дмитриева Н. А. Слово и изображение.— В кн.: Взаимодействие и синтез искусств. Л., 1978, с. 48—49.*

ЖУРАВЛЕВ В. К.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

«Синтез истории языка и истории народа — одна из основных задач лингвистики».

В. В. Виноградов [1, с. 50].

В последние годы Институтом славяноведения и балканистики АН СССР было придано новое направление исследованиям по истории литературных языков зарубежных славян. Как свидетельствует краткий обзор Л. Н. Смирнова и Г. К. Венедиктова [2], Институт стал инициатором комплексного подхода к решению проблем истории литературных языков, объединив усилия лингвистов и литературоведов, историков культуры, социологов и философов, специалистов по языкам зарубежных славян и истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Были организованы и проведены несколько конференций и симпозиумов, подготовлена и издана серия коллективных монографий, где сформулирован ряд фундаментальных положений и обобщений общетеоретического характера.

В свое время по инициативе В. В. Виноградова и Н. И. Толстого была проведена дискуссия по кардинальным проблемам науки об истории литературных языков.

Новые публикации советских и зарубежных исследователей как в области славистики и германистики, так и по другим языкам, убедительно свидетельствуют, что наиболее сложной оказалась задача разграничения истории литературного языка и исторической грамматики, проблема предмета истории литературного языка как особой научной дисциплины. Об этом и пойдет речь в предлагаемой статье.

Отмеченная Л. Н. Смирновым [3, с. 98—99] недооценка понятия «национальный язык», надо полагать, связана именно с недостаточно четким различением предмета исторической грамматики и истории литературного языка. Действительно, процесс формирования наций не обуславливает появления новых фонем, морфем и грамматических категорий, что является собственно предметом исторической грамматики. Процесс формирования наций непосредственно отражается не на «языковой технике», не на внутренней структуре языка, а прежде всего на «внешней» его системе, на его социальных функциях и многом другом, что должно стать предметом истории литературного языка.

Отсутствие четкого представления о «национальном языке» может привести, а иногда и приводит, к некоторым недоразумениям, связанным с попытками соотнесения того или иного письменно-литературного языка феодальной эпохи с той или иной современной нацией. Национальный литературный язык — историческая категория, связанная с категорией нации. Формирование буржуазной нации связано с развитием капитализма, социалистической — со строительством социализма. Впол-

не закономерно, что в донациональный период эпохи феодализма письменно-литературные языки «не являлись национальными; в ту эпоху литературный язык обычно не опирался на диалект, не вырастал из него» [4, с. 10]. Критерии разграничения, например, староукраинского и старобелорусского письменно-литературных языков весьма зыбкие, что уже осознано украинскими и белорусскими лингвистами. Аналогичные проблемы встают перед историками тюркских литературных языков.

Недостаточно ясное представление о различии аспектов истории литературного языка и исторической грамматики проявляется в выборе аргументации при решении принципиальных вопросов истории русского литературного языка. А. И. Горшков [5, с. 29—30] в принципе прав, ставя под сомнение критерий «удельного веса» старославянизмов при решении проблемы происхождения русского литературного языка: языковые единицы — скорее предмет внутренней, нежели внешней лингвистики.

Недостаточно четкое представление о предмете истории литературного языка обуславливает выпадение из поля зрения исследователей ряда важнейших аспектов его изучения (способ «языкового преемства», объем и социальный состав коллектива носителей литературного языка, динамика объема и содержания ведущих текстов, способы социализации его норм и др.).

Общепризнано, что наука об истории литературного языка зародилась и оформилась в недрах отечественной славистики. Расщепление науки об истории языка на две научные дисциплины — результат целой серии дивергенций, связанных с уточнением предмета языкознания как самостоятельной научной дисциплины, в постепенном отграничении лингвистики от теологии и философии, археологии и антропологии, от собственно истории народа и государства, от истории литературы, эстетики и педагогики, наконец — от биологизма, логицизма и психологизма. На смену синкретизма истории вообще пришло различение истории и филологии, филологии и языкознания, расщепившегося на синхронную и историческую, с одной стороны, и внутреннюю и внешнюю лингвистику — с другой.

Особый интерес к проблемам литературного языка именно у славян объясняется тем, что XIX в. знаменует собой эпоху подъема национального самосознания славянских народов и бурного процесса формирования наций и новых, собственно национальных литературных языков (сербского и болгарского, словенского и словацкого, украинского и белорусского), борьбы за расширение сфер их использования и усилий, направленных на создание соответствующих стилей. Если к началу XIX в. основные проблемы нормализации и функционирования литературного французского или английского, немецкого или испанского языков были практически уже решены, то кардинальные проблемы литературного русского языка решались лишь в первой трети XIX в. (споры «о старом и новом слого», «шишковисты», «Арзамас», пушкинское преобразование русского литературного языка, формирование русского подъязыка науки и т. п.). Всюду возникали жаркие споры относительно «своего» и «чужого» в литературном языке.

Одной из центральных проблем формирования и развития славянских литературных языков была проблема отношения к кирилло-мефодиевскому наследству, к языку древнейших памятников славянской письменности, к первому опыту создания литературного языка славянских народов. Особенно остро эта проблема стояла у славян, так или иначе продолжавших кирилло-мефодиевские традиции в развитии своей письменности (русский, старосербский и др.). Кирилло-мефодиевская проблематика и, особенно, вопрос о народно-разговорной основе языка кирилло-мефодиевских оригиналов выходили за рамки «*Paх orthodoxa*» и, став главной проблемой славянской филологии вообще, возбуждали не только чисто исторический интерес, но и позволяли строить теоретический фундамент формирования и развития литературных языков славянских народов, а несколько позже — и теорию «языкового строительства» в нашей стране.

Основоположником новой научной дисциплины, истории литературного языка, по праву считается В. В. Виноградов. Идеи и методы этой науки регулярно обсуждаются и совершенствуются на международных съездах славистов, а через славистику проникают в другие отрасли лингвистики. Наука об истории литературных языков успешно развивается в отечественном и зарубежном языкознании.

В деле формирования новой научной дисциплины В. В. Виноградов имел великих предшественников: И. И. Срезневского и А. И. Соболевского, А. К. Аксакова и А. С. Будиловича, А. Н. Боголюбова и Е. Ф. Будде, А. А. Шахматова, Н. С. Трубецкого и др.

А. А. Алексеев ввел в научный оборот первый опыт систематической истории литературного языка, созданный еще в 1889 г., почти столетие тому назад, А. И. Соболевским [6]. Н. И. Толстой познакомил советских лингвистов с концепцией истории литературного русского языка Н. С. Трубецкого [7]. Наука об истории литературного языка имеет у нас долгую и непрерывную традицию. Достаточно сказать, что планом издания «Энциклопедии славянской филологии» был предусмотрен особый выпуск «Истории литературного русского языка». В 1912 г. вышел 12-й выпуск ЭСФ — «Очерк истории современного литературного русского языка» Е. Ф. Будде [8], который, впрочем, еще незначительно отличался от исторической грамматики. Это и позволило Шахматову более решительно перенести центр тяжести новой научной дисциплины на «внешнюю сторону» истории языка: «история русского литературного языка — это история русской культуры, русской образованности» [9]. В этой формулировке предельно сконцентрировано внимание исследователей глобальной проблемы «язык — общество» на задачах выявления взаимодействия истории литературного языка с историей культуры (литературы, народного образования и т. п.), с одной стороны, и поставлены задачи исследования истории функционирования литературного языка в соответствующих сферах культуры — с другой. В то же время именно фортунаовско-шахматовская «формальная школа» противопоставила психологизму младограмматиков «формализм», необходимость поиска собственно лингвистических, «формальных» критериев лингвистических задач. В русистике, при наличии весьма очевидных и легко поддающихся учету внешних влияний (в частности, финно-угорского субстрата), изменения структуры русского языка и отдельных его элементов, как правило, пытаются объяснить действием внутренних тенденций, присущих русскому и славянским языкам. И здесь достигнуты весьма значительные успехи. Все это приводит к еще большему размежеванию внутренней и внешней лингвистик. Внутренняя лингвистика все больше углубляется в проблематику системно-структурного устройства языка, нацеливается на поиск внутренней связи и взаимообусловленности его элементов, на поиск внутренних причин языковых изменений. При этом, естественно, внешняя причинность, связь истории языка с историей народа отодвигаются на задний план.

Наоборот, внешняя причинность, внешние связи истории языка с историей народа выдвигаются во главу угла внешней лингвистики; при этом, естественно, внутренним связям элементов языковой системы уделяется меньшее внимание. Такое сужение рамок объекта исследования, сосредоточение внимания исследователя на строго определенном аспекте заведомо сложного явления, сам процесс расщепления наук — зримое проявление научного прогресса. На этом пути лежит и расщепление истории языка на две научных дисциплины, с этим связано зарождение и формирование истории литературного языка, с одной стороны, и диахронической фонологии и морфологии — с другой.

Предмет исторической грамматики — внутренняя история языка, развитие его структуры, механизм языковых изменений под «давлением системы». Специалист по исторической грамматике должен помнить замечательные слова Ф. Энгельса: «Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись посмешищем, объяснить экономически... происхождение верхненемецкого передвижения согласных» [10]. И в самом деле, русские слова *рука*

и *путь* претерпели следующие изменения **ranka*, **pontis* → *raħa*, *ppis*// //рҗка, пҗть → *рука*, *путь*. При этом ни изменение характера труда и средств передвижения, ни смена общественных укладов не повлияли на непреложность данного фонетического закона.

Предмет истории литературного языка — внешняя его история, история его социального использования, его общественных функций, «социальное давление» на языковые процессы.

История литературного языка включает в себя по крайней мере два аспекта:

а) историю функциональных стилей, опирающуюся на динамику содержания и объема текстов на данном литературном языке;

б) историю собственно носителей литературного языка, объем и содержание социального субстрата литературного языка, его социалемы (лингвосоциума).

Собственно люди — языковой коллектив пользующихся литературным языком — и тексты, создаваемые ими и хранящиеся тем или иным способом в их памяти, — вот что является предметом истории литературного языка. Все это — внешнее по отношению к структуре данного языка и поэтому несущественное для исторической грамматики. Количество фонем или падежных флексий не зависит от числа лиц, пользующихся данным языком, не зависит и от объема текстов, созданных на данном языке. И в то же время изменение объема и содержания текстов и социалемы доступно языку любого структурного устройства. Любой язык принципиально может развить свои функции до языка международного общения и стать достоянием миллионов. Социалема языка любого структурного устройства в силу тех или иных исторических условий может сократить свой объем до минимума и в конце концов исчезнуть. Собственно умирает, становится мертвым не язык, а языковой коллектив, который пользовался данным языком. Любой «мертвый язык» можно оживить, если появится социалема, овладевшая им. Так, например, ожил древнееврейский в иврите, постоянно оживают элементы древнегреческого и классической латыни в новейших научных терминах.

В центре внимания историка литературного языка должна быть социалема этого языка, история тех, кто писал, говорил и читал на данном литературном языке, кто владел данным языком. Объем и социальное содержание социалемы литературного языка, постоянно меняясь в соответствии с изменениями исторической судьбы всего народа, самым непосредственным образом отражается на судьбе данного литературного языка и текстов, его составляющих. В свое время Е. Д. Поливанов четко сформулировал положение о роли лингвосоциума в развитии языка: «Усиленный темп языковой эволюции вызывается количественным и качественным изменением контингента носителей данного языка (т. е. его человеческого, коллективного субстрата)» [11, с. 189]; «экономический быт влияет на субстрат языка, а изменение субстрата отражается на эволюции языка» [11, с. 222].

И в самом деле, крупнейшие социально-экономические сдвиги, смена формаций и революций не отражаются непосредственно на языковой технике, не сопровождаются резким изменением грамматических форм и фонологической системы. Здесь можно видеть источник скепсиса некоторых исследователей в отношении категории «национальный язык». Резкие изменения наблюдаются прежде всего в социальном содержании и объеме социалем. Переход от феодализма к капитализму сопровождается разложением феодальной сословной структуры и формированием классовой структуры с особой социальной прослойкой, национальной интеллигенцией. Можно без преувеличения сказать, что интенсивность процесса создания национального литературного языка прямо пропорциональна интенсивности формирования национальной интеллигенции, подсоциалемы пишущих и читающих на данном языке. Динамика социального происхождения основного костяка национальной интеллигенции (из дворян и духовенства, из зажиточных слоев городского или сельского плебса, «разночинцы» и т. п.), т. е. динамика костяка социалемы литера-

турного языка самым непосредственным образом отражается на процессе формирования национального литературного языка, специфике процесса его демократизации и т. п.

Развитие буржуазных связей, втягивание крестьянства в товарооборот с городом в рамках формирующегося национального рынка, требование элементарной грамотности работника на фабрике и заводе становятся материальной подоплекой распространения грамотности на родном языке [12, с. 14].

Совершенно прав Л. Н. Смирнов, подчеркнувший, что «недооценка социальных факторов породила сомнение в правомерности использования термина «национальный язык» в качестве лингвистического» [3, с. 98]. Более того, такое «сомнение» — рефлекс пренежнего синкретизма истории языка, отсутствие четких критериев разграничения предмета «исторической грамматики» и истории литературного языка.

За расширением (или сужением) общественных функций литературного языка стоит завоевание (либо утрата) определенных общественных позиций носителями данного языка, увеличение (или уменьшение) объема его социалемы. Так, после поражения чехов в битве у Белой Горы (1620) Чехия стала подвергаться усиленному процессу германизации, резко сузились функции литературного языка и его жанровая структура, сузилась социальная база носителей чешского литературного языка, чешский язык едва держался в сельской местности. Но когда к середине XIX в. в связи с развитием капитализма и миграцией сельского населения в город, на фабрику и завод, немецкая речь города все больше и больше стала уступать место чешской речи, чешский язык стал постепенно отвоевывать ранее утраченные функции, постепенно проникая в сферу народного образования и производственной деятельности; чешский язык становится языком художественной литературы, публицистики, возрождаются драматургия, научная проза и т. п., возрастает и общее число носителей чешского литературного языка [13].

Исторически меняется и социальное содержание социалемы литературного языка. Если в древности русским литературным языком владела горстка представителей духовенства, монахов и священников, да дьяки государева приказа, затем — несколько сот писателей и журналистов, то теперь, благодаря всеобщему среднему образованию, мы приближаемся к всенародному уровню владения литературным языком. Достоянием наций в целом, а не незначительных прослоек национальной интеллигенции, стали украинский, литовский, польский и многие другие литературные языки как бесспорное завоевание социалистического образа жизни, как всеобщая закономерность и выступает процесс максимального расширения социалем литературных языков.

За сменой народно-разговорной базы литературного языка стоит изменение объема и социального содержания его социалемы. Так, болгарский и сербский литературные языки претерпели сдвиг диалектной базы. Деятели болгарского и сербского национального возрождения положили в основу новых славянских литературных языков живую народную речь сёл северо-восточной Болгарии и диалект Герцеговины соответственно, но впоследствии все большую и большую роль стали играть говоры столиц возрожденных государств — Софии в Болгарии, Белграда в Сербии и Югославии.

С точки зрения излагаемой концепции, «ошибка» деятелей болгарского и сербского возрождения не случайна: социально-классовой опорой национального движения в Болгарии и Сербии (как, между прочим, и в Словакии) было именно село, в противоположность Чехии и Воеводине, где таковой явился город (длительное время средоточием развития сербского литературного языка, несмотря на его герцеговинскую диалектную основу, была подсоциалема сербской интеллигенции центра Воеводины, города Нови Сад).

При выборе диалектной базы (опорной социалемы) современного узбекского литературного языка Е. Д. Поливанов предложил вместо сингармонирующих диалектов сельских узбеков взять говор городских уз-

беков, как более перспективной в экономическом отношении социалемы. История социально-экономического развития Узбекистана и узбекского литературного языка подтвердила правильность социолингвистических прогнозов Поливанова. Узбекский литературный язык не переживает сдвига диалектной базы.

История книжнославянского литературного языка — это, образно выражаясь, восточнославянские и собственно русские узоры на книжном полотне, вытканном Кириллом и Мефодием. Его история — история постепенной «русификации» его социалемы. В основу книжнославянского языка Кирилл и Мефодий положили живую славянскую речь родного города Солуни. Непосредственными учениками Кирилла и Мефодия, принимавшими участие в создании книжнославянского языка, были представители не только южных, но и западных славян. Дальнейшее развитие книжнославянского языка нашло наиболее благоприятные условия в Болгарии, затем и в Сербии. Его функционирование у западных славян было прекращено усилиями немецкого духовенства. Болгарские книжники принесли книжнославянский язык на Русь вместе с христианизацией Киевской Руси. В Киеве и Новгороде, Владимире и Турове, Львове и Вильно трудились восточнославянские книжники, привнося в общеславянский книжный язык элементы живой восточнославянской речи. Падение Болгарии и Сербии под напором османских завоевателей привело к миграции славянских книжников на Русь, к увеличению болгарского и сербского элементов в социалеме книжнославянского языка, что и нашло отражение как «второе южнославянское влияние», усилившее южнославянскую стихию в литературном языке народов Восточной и Центральной Европы. Факел европейской образованности зажгли у нас «братские школы» Вильно, Львова, и Киева. Здесь были изданы первые грамматики и словари книжнославянского языка. Первым нашим высшим учебным заведением была Киево-Могилянская коллегия, выпускники которой учили М. В. Ломоносова в Московской славяно-греко-латинской академии. Основательно потрудились над совершенствованием русского литературного языка Феофан Прокопович, Симеон Полоцкий, Мелетий Смотрицкий и другие — вплоть до Н. В. Гоголя.

Лишь XIX век значительно увеличил собственно русскую часть социалемы русского литературного языка (Крылов и Пушкин, Лермонтов и Некрасов, Тургенев и Толстой, Достоевский и Островский, Чехов и Горький...), увеличивая тем самым и удельный вес собственно русских (великорусских) народно-разговорных элементов в русском литературном языке. Это, естественно, не могло не приводить к уменьшению удельного веса общеславянских элементов книжного языка, что, в свою очередь, стимулировало тенденцию создания новых литературных языков славянских наций (сербского, украинского и белорусского) на собственной народно-разговорной основе. Одним из доводов в пользу сохранения буквы ять (ѣ) в дискуссии по проблемам реформы русского правописания (начало XX в.) и был бесспорный факт, что представитель любого славянского народа, произнося слово с буквой ять по-своему, мог легко понимать прочитанное. Ликвидация ятя закрепляла сужение народно-разговорной базы литературного языка до собственно русского ареала.

Социалема литературного языка, коллектив его носителей определяет характер и направление интегрирующих связей с другими коллективами, а тем самым и характер развития литературного языка.

1. Это может быть связь с предшествующими поколениями, связь с древней культурой, тенденция избежать перерыва культурной и языковой традиций, сохранить условия понимания текстов, составленных старшими поколениями. В этом случае литературный язык как бы консервируется в самом себе, растет разрыв между книжно-литературным и живым народно-разговорным языком.

Ярчайшим проявлением этой тенденции служит языковая ситуация в Греции. Освобождаясь от османского ига Греция воспринималась деятелями греческого национально-освободительного движения как возрождение Древней Греции и Византии. В качестве официального литератур-

ного языка был избран архаический древнегреческий язык, хотя «Гимн Свободе» Д. Соломола был написан на новогреческом. Лишь к началу XX в. постепенно осознавалась нереальность «Великой Идеи» архаистов. Этим объясняется длительное отсутствие языкового единства, сосуществование нескольких формаций литературных языков в Греции. Резкий поворот в сторону демократизации литературного языка, к языковому реализму наметился лишь в самое последнее время: только конституция 1975/77 г. официально выдвинула один из видов димотики в качестве единого языка школы и официальных документов.

Та же тенденция в большей или меньшей степени проявляется и в истории славянских литературных языков. Сильнее и чаще она проявлялась в истории русского и чешского языков, слабее — в истории сербского и украинского. Спор о «новом» и «старом» слоге между «Арзамасом» и Академией, карамзинистами и шишковистами, борьба Вука Караджича с Л. Мушицким и Й. Хаджичем в истории сербского, борьба И. Франко с «язычием» в истории украинского литературного языка и есть проявления противоречий между тенденцией избежать перерыв книжной традиции и опереться на накопленную предшествующими поколениями совокупность текстов, с одной стороны, и требованием демократизации литературного языка, расширения объема его социалемы в общенациональном масштабе — с другой.

II. Несколько иной характер имеют интегрирующие силы, направленные на связь с другими представителями духовной культуры в рамках того же культурно-исторического ареала. Здесь литературный язык, на котором составлены основные интегрирующие тексты, обусловившие формирование соответствующего культурно-исторического ареала, оказывает определяющее влияние на другие литературные языки в рамках своего ареала (греческий, латынь и книжнославянский для языков Европы, арабский — для языков ближневосточного ареала и т. п.). Происходит материальное сближение литературных языков на базе общности понятийного аппарата и базисных текстов, переводимых с одного языка на другой в рамках своего культурно-исторического ареала.

✦ Яркое проявление такого действия интегрирующих сил наблюдается в истории турецкого литературного языка. Раннеосманский период (XV—XVI вв.) характеризуется засильем элементов персидских (язык придворных поэтов, историографов и писателей) и арабских (язык ислама), что привело к формированию своего рода арабско-персидско-османского жаргона в среднеосманский период, к преобладанию элементов, противоречащих основам тюркского характера турецкого литературного языка на всех ярусах его структуры (лексика и синтаксис, морфология, фонетика). Лишь нарождавшаяся турецкая буржуазия (конец XIX — начало XX в.) возглавила борьбу за демократизацию литературного языка, за создание собственно турецкого языка на основе стамбульского диалекта (позже, в связи с переносом столицы в Анкару, произошел соответствующий сдвиг диалектной базы) [14].

На судьбе славянских литературных языков отражается наличие двух культурно-исторических зон: *Pax Slavica Orthodoxa* и *Pax Slavica Latina*. Первая (восточная) характеризуется длительным периодом гомогенного двуязычия (диглоссии) при ведущем влиянии книжнославянского языка, вторая (западная) — гетерогенным славяно-латинским двуязычием [15]. Книжнославянский язык, «находящийся в принесенных из Болгарии текстах» [6, с. 33], да и сами южнославянские книжники связали Киевскую Русь с книжной культурой Византии и греческим языком, с которого были переведены важнейшие церковнославянские тексты. В эпоху новоболгарского возрождения русский литературный язык как бы возвращал болгарам усвоенные через книжнославянский язык южнославянские элементы. Болгарский литературный язык того времени, по выражению Н. С. Трубецкого, «был лишь, так сказать, болгаризованной формой русского литературного языка» [7, с. 112].

III. Противоположное направление имеет тенденция усиления интеграционных связей носителей литературного языка с представителями свое-

го народа, своей нации. Наиболее четко эта тенденция проявляется в эпоху формирования наций как буржуазных, так и социалистических. Это — процесс демократизации литературного языка, за которым стоит собственно процесс демократизации его социалемы. Носителями литературного языка становятся широкие слои народных масс. Народный язык поднимается до уровня литературного либо путем замены прежнего литературного языка национальным (например, латыни — польским, книжнославянского — сербским, чешского и венгерского — словацким и т. п.), либо путем резкого увеличения народно-разговорных элементов в прежнем литературном языке (русский язык).

Этот процесс связан с определенной переинтеграцией подсоциалемы носителей книжно-литературного языка. Так, начиная с XIV—XV вв. культурная часть словацкого общества пользуется чешским литературным языком. Становление и распространение штуровщины означало победу внутри-словацкой интеграции (преодоление книжно-литературных различий между словаками-католиками и словаками-протестантами) [16].

Формирование наций сопровождается интеграцией мелких этнических групп, преодолением местного патриотизма. На месте осознания принадлежности к прежней феодальной «земле» («мы псковские») встает осознание принадлежности к той или иной нации. Как отметил Н. И. Толстой [15], канун национальной эпохи характеризуется множественностью областных литератур и вариантов литературно-письменных языков. Переход от народности к нации сопровождается мощной тенденцией к единству литературного языка. Смысл реформы Вука Караджича — в горячем призыве преодолеть церковно-религиозные барьеры во имя литературного и народного (национального) единства как с «братьями римского закона» (католиками), так и с «братьями закона турецкого» (магометанами). Во имя такого единства он призывал сербов оставить славяносербскую книжную традицию, связывавшую сербскую книжную культуру с ареалом «*Rex orthodoxa*».

В преднациональную эпоху письменно-литературные языки феодального общества «не обладали свойством общенародной коммуникативности. Круг их носителей бывал ограничен, так же как и круг их функций» [17, с. 130]. Так, первые эстонские и латышские книги XVI и XVII вв. написаны немецкой орфографией немецкими священниками для немецких пасторов, призванных отправлять церковную службу на языке коренного населения. Язык их чрезвычайно неправилен, весьма далек от народного. Лишь к концу XIX в. в связи с развитием буржуазных отношений и формированием латышских и эстонских наций «в острой борьбе с немецкими помещиками и священниками формировался национальный язык» [18, с. 468; 19, с. 35—36]. «Младолатыши» и «младозстонцы» постепенно берут дело национальной культуры в свои руки и ведут борьбу за демократизацию своих литературных языков. Меняется не только социальное, но и национально-этническое содержание социалемы этих книжно-литературных языков, резко возрастает уровень народного образования, число читающих и пишущих. Здесь был достигнут самый высокий уровень народного образования в России конца XIX в.

Древнепольский литературный язык сложился еще в донациональный период на весьма ограниченной социальной базе феодальной верхушки. Но лишь в национальный период польский литературный язык «стремится к тому, чтобы быть обязательным для всех слоев нации» [20, с. 163].

Первые шаги в сторону демократизации польского литературного языка предприняла Эдукационная комиссия (1773—1794). Это первое в Европе министерство просвещения образовалось после первого раздела Речи Посполитой (1772). Она организовала сеть народных школ на польском языке, лишив латынь функции школьного образования. Кодификация польского литературного языка шла по линии сближения с устными формами общения, что обеспечило единство польского литературного языка в условиях раздела. Однако процесс расширения социальной базы за счет включения крестьянства шел чрезвычайно медленно — еще в первой половине XIX в. польские крестьяне «поляками» считали лишь панов.

Наиболее последовательная демократизация литературного языка возможна лишь при условии полной демократизации его социалемы, когда литературный язык становится достоянием всей нации при всеобщей грамотности всего населения. Это достигается лишь при социализме. В нашей стране уже в первые годы революции низовой язык городских масс хлынул в литературную речь, прорвав запруды буржуазной «литературности» [17, с. 63].

IV. И, наконец, интеграционные силы могут отражать временные или постоянные связи представителей данного народа и носителей его литературного языка с другими народами в различных сферах социального (экономического, политического, культурного и т. п.) взаимодействия. Это проявляется как процесс интернационализации литературного языка, за которым стоит усиление межнациональных связей, прежде всего социалемы данного литературного языка. Так, древнерусские книжники до середины XVI в. тяготели к византийской культуре, были теснейшими узлами связаны с другими народами своего культурно-исторического ареала. Греки и южные славяне, а иногда и молдаване вносили ощутимый вклад в древнерусскую книжность (Киприан, Григорий Цамблак, впоследствии Кантемир и др.), в фундамент русского литературного языка. Позже (XVI—XVIII вв.) возобладала связь носителей нашего письменно-литературного языка с Западной Европой, с латинской образованностью через «своих иноземцев», ученых Юго-Западной Руси (Феофан Прокопович, Семеон Полоцкий и др.). Начиная с эпохи Петра, усиливаются непосредственные контакты с народами Западной Европы (голландские кораблестроители и мореплаватели, немецкие ученые, мастеровые и военные, французские и итальянские деятели культуры, театра и литературы и т. д.). В связи с этим литературно-письменный язык пополняется то греческими и южнославянскими, то латинскими польскими, то германскими и романскими элементами. Литературный язык «европеизируется», интернационализируется.

Через социалему литературного языка осуществляется влияние ведущих языков своего культурно-исторического ареала на формирующуюся стилистическую систему и терминологию данного литературного языка. Через билингвизм и диглоссию носителей литературного языка осуществляется влияние других литературных языков и связь с другими формами народного языка (народно-поэтический язык фольклора, диалекты, говоры, профессиональные жаргоны и т. п.).

История литературных языков свидетельствует, что актуальные культурно-исторические, экономические, политико-административные и прочие связи человеческого коллективов важнее фактора генетического родства их языков. Нередко родственные языки оказываются разделенными различными культурно-историческими, политическими, экономическими и административными границами и потому слабо влияют друг на друга. Разного рода попытки создания определенного терминологического единства для всех славянских языков (XIX — начало XX в.) не увенчались успехом. Более того, нет терминологического единства в рамках сербско-хорватского литературного языка; сербский и хорватский его варианты отличаются прежде всего в области терминологической лексики. При максимальной структурно-материальной близости народных говоров устойчиво сохраняется, а иногда и усиливается дифференциация народов Югославии по принадлежности к разным историко-культурным ареалам (православные, католики, магометане).

Динамика объема социального содержания социалемы литературного языка, динамика духовных запросов и культурных интересов коллектива носителей литературного языка самым непосредственным образом отражается на динамике объема и содержания текстов литературного языка. Собственно история литературного языка есть история его текстов. Без определенного объема текстов нет литературного языка, нет и его социалемы, сохраняющей, воссоздающей старые тексты и создающей новые, увеличивая их общий объем и меняя их содержание.

Определенный объем наиболее значимых для данного общества текстов

сам по себе является нормализующим, кодифицирующим началом не в меньшей мере, чем грамматика и словари (ср. спор иезуита П. Скарги с русскими книжниками). Изменение объема и содержания текстов литературного языка обуславливает динамику его функциональных стилей. Данный стиль существует постольку, поскольку существует определенный объем текстов определенного содержания соответственно потребностям данного общества на данном этапе его развития.

История литературного языка начинается там и тогда, где и когда появляются литературные тексты на нем. Итальянский литературный язык начинается с Данте, хотя задолго до этого функционировали итальянские народные говоры и кое-какие их элементы проникали в памятники письменности. До середины XVI в. в Польше господствует латынь, отдельные польские слова в латинских текстах, составленных поляками на территории Польши, и отдельные письменные памятники с записью польской речи того времени нельзя, по мнению Ст. Слоцкого [21, s. 123 in.] считать польским литературным языком. История последнего начинается со второй половины XVI в. благодаря литературным текстам, созданным Реем и Кохановским, Гурицкими и Скаргой, но до XVII в. расцвела богатая литература на латинском языке (Сарбеевский и др.). Последняя не включается в корпус текстов польского литературного языка, хотя и она оказывала косвенное влияние на формирование и развитие его стилистической системы.

История болгарского литературного языка начинается с его родоначальника, Паисия Хилендарского, составившего литературный текст общепольской значимости («Славяно-болгарская история», 1762 г.), хотя именно живая болгарская речь легла в основу кпирлло-мефодиевских текстов и книжнославянский язык успешно развивался в эпоху раннего средневековья, до падения Первого Болгарского царства. Болгары пережили перерыв книжно-литературной традиции, им пришлось создавать свой литературный язык фактически заново.

Однако историческая грамматика польского и болгарского языков, будучи принципиально независимой от фактора наличия — отсутствия литературных текстов, должна начинаться с периода распада праславянского языка (VI—IX вв.). История структуры и польского и болгарского языков может быть восстановлена приемами внутренней и внешней реконструкции с привлечением фактического материала народных говоров и родственных языков, а также письменных свидетельств, независимо от содержания источников. Словацкий литературный язык, зародившийся в связи с развитием капитализма и подъемом национального возрождения в конце XVIII в., молод, но его историческая грамматика начинается с эпохи распада праславянского языка и воссоздана по данным диалектологии и сравнительной грамматики.

В истории литературных языков на роль ведущего и определяющего объема текстов могут выдвигаться то тексты религиозного содержания, то художественная литература, то общественно-политическая, научно-популярная и учебная, то научно-техническая литература.

Бесспорно, что в эпоху средневековья наиболее читаемой книгой была книга религиозного содержания. Перевод Библии на немецкий язык (Мартин Лютер) можно считать началом немецкого литературного языка. Лютерова Библия — мощнейший интегрирующий фактор не только литературного языка, но и немецкой нации. Основным продуктом первых этапов книгопечатания является книга религиозного содержания.

Национальная художественная литература и публицистика выдвигается в центр всей совокупности текстов литературного языка в эпоху формирования наций. В этот период наибольшую силу имеют факторы внутринациональной консолидации. «Кобзарь» Шевченко сыграл не меньшую роль для формирования украинского литературного языка, чем Лютерова Библия для немецкого. НТР выдвигает на первый план учебную и научную литературу, усиливая тенденцию интернационализации литературных языков на базе общего, интернационального понятийного аппарата современной науки и техники.

Таким образом, широко распространенное отождествление истории литературного языка с историей языка писателей допустимо лишь для определенного этапа развития языка и общества.

Наличие системы функциональных стилей, наполненных соответствующим объемом текстов, сама возможность стилистического варьирования языковой системы предполагают наличие норм, определяющих языковую организацию текста. В этом смысле история литературного языка есть история литературных текстов, история их нормализации и стилистической дифференциации. Именно в курсе истории литературного языка должны найти подходящее место и дискуссии «о старом и новом слоге», и опыты составления грамматик и лексиконов, и дискуссии по проблемам орфографии и графики, и история научных обществ и учреждений, трудившихся над «устроением и совершенствованием» литературного языка.

Первые академии в мировой истории были созданы с целью изучения и совершенствования языка, первые звания академиков были присвоены именно лингвистам (XVI в.). Не следует забывать, что рядом с творениями Пушкина стояли грамматика Греча и Востокова, с помощью которых и социализировались, внедрялись в русское общество пушкинские нормы русского литературного языка.

Историк литературного языка не может оставить в стороне проблему способов «языкового преемства», проблему сохранения и расширения объема социалемы литературного языка, социализации его норм. Для исторической грамматики проблема передачи языка из поколения в поколение и не стоит. Родной язык передается из уст в уста, это — язык матери. Литературный язык, представляя собой в конечном итоге определенную совокупность текстов, нуждается в особой организации (школе), где изучается литературный язык и некоторая совокупность текстов. Литературный язык существует там и тогда, где и когда есть школа как способ целенаправленного «языкового преемства». Странно, но в многочисленных определениях литературного языка в его отличии от других форм языкового существования нет этого важнейшего «дифференциального признака».

А между тем первые в истории человечества школы были созданы именно для обучения литературному языку, как способ расширенного воспроизводства социалемы литературного языка, знатоков и толкователей древних текстов, становившихся менее понятными для каждого нового поколения. И чем больше расстояние между живым разговорным и фиксированным литературным языком, тем больше нужда в школе. Литературный язык становится мертвым, если прекратится его преподавание в школе и тексты, составленные на нем, станут недоступными для новых поколений.

Здесь-то и следует вспомнить забытое определение истории литературного языка, сформулированное в свое время А. А. Шахматовым: «История русского литературного языка — история поступательного развития русского просвещения» [9, с. 236]. Это определение приемлемо для истории любого литературного языка. В истории славянских народов борьба за национальный язык неразрывно связана с борьбой за его преподавание в школе.

Одну из важнейших закономерностей развития литературного языка можно сформулировать как зависимость темпов его эволюции от объема литературных текстов. Чем больше их объем, чем больше культурных ценностей на данном языке, тем устойчивее его материальная структура. Люди дорожат таким языком как своим культурным достоянием и ревностно усваивают его нормы. Развитие его внутренней структуры если не полностью прекращается, то резко замедляется. Эпицентр развития переносится на лексику, на стилистическую систему. Общее увеличение объема и содержания текстов с неизбежностью увеличивает словарный запас литературного языка, с одной стороны, и стимулирует его стилистическую дифференциацию, с другой. Резкое изменение внутренней структуры, как правило, связано с резким изменением содержания опорных текстов.

Общее увеличение объема и изменение содержания социалемы литературного языка нарушает его структурную устойчивость, может привести к изменению его социальной и диалектной базы, к перестройке его струк-

туры. Изменение социальной базы русского литературного языка после-революционной эпохи привело к некоторой модификации его орфоэпических и грамматических норм. Аналогичные процессы наблюдаются в послевоенной Польше. Увеличение объема социалемы литературного языка вызывает необходимость усиления его стабилизирующих факторов (школа, кодификаторы, «правщики» текстов и т. п.).

Для истории литературного языка важны и другие способы «языкового преемства», такие, как развитие национального театра и его влияние на формирование орфоэпических норм, развитие книгопечатания и его влияние на стабилизацию орфографических норм, развитие средств массовой коммуникации и т. д.

Героями истории литературного языка, как и исторической грамматики, выступают фонетика и фонология, морфология и синтаксис, фразеология и лексика, но если во втором случае во главу угла выдвигается их внутренняя взаимосвязь, внутренняя причинность изменений и вариативности, то в первом — динамика орфоэпических, орфографических, синтаксических, лексических и стилистических норм (ср. [15, с. 122]), внешняя причинность обусловленная динамикой содержания литературных текстов, с одной стороны, и социалемы литературного языка — с другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов В. В.* Слово о филологическом образовании. — Вестник высшей школы, 1967, № 11.
2. *Смирнов Л. Н., Венедиктов Г. К.* Формирование национальных языков зарубежных славян. — В кн.: Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Итоги и перспективы исследований. М., 1979.
3. *Смирнов Л. Н.* О языковом аспекте формирования наций. — В кн.: Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.
4. *Алексеев А. А.* Предисловие к кн.: Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л., 1980.
5. *Горшков А. И.* Уровни исследования языка и филология. — В кн.: Язык и речь как объект комплексного филологического исследования. Калинин, 1981.
6. *Соболевский А. И.* История русского литературного языка. Л., 1980.
7. *Толстой Н. И.* Мысли Н. С. Трубецкого о русском и других славянских литературных языках. — В кн.: Язык и речь как объект комплексного филологического исследования. Калинин, 1981.
8. *Будде Е. Ф.* Очерк истории современного литературного русского языка (XVII—XIX вв.). СПб., 1908.
9. *Шахматов А. А.* Очерк современного русского языка. М., 1941.
10. *Маркс К., и Энгельс Ф.* Соч., изд. 2-е, т. 37, с. 395.
11. *Полыванов Е. Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
12. *Миллер И. С.* Формирование наций: комплексное изучение и сопоставительный анализ. — В кн.: Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.
13. *Широкова А. Г., Нецименко Г. П.* Особенности формирования литературного языка чешской нации. — В кн.: Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.
14. *Кочонов А. Н.* Основные этапы формирования турецкого письменно-литературного языка. — Вопросы языкознания, 1977, № 4.
15. *Толстой Н. И.* Культурно- и литературно-исторические предпосылки образования национальных литературных языков (на материале сербскохорватского, болгарского и словенского языков). — В кн.: Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.
16. *Смирнов Л. Н.* Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения. — В кн.: Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978.
17. *Виноградов В. В.* Избранные труды. Т. IV. История русского литературного языка. М., 1978.
18. *Грабис Р.* Латышский язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. I. М., 1966.
19. *Каск А. Х.* Эстонский язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. III. М., 1966.
20. *Стрекалова З. И.* О роли языка в процессе формирования польской нации. — В кн.: Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.
21. *Stonski St.* Historia języka polskiego w zarzysie. Warszawa, 1953.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Кризис политической системы капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (межвоенный период). М., 1982, 233 с.

Проблема кризиса политической системы капитализма в период между двумя мировыми войнами привлекает пристальное внимание историков, является предметом острых научных дискуссий. Исследования ведутся как по отдельным странам, так и по регионам, что позволяет существенно расширить и конкретизировать представления об общих и о специфических чертах общего кризиса капитализма. Советские историки в последние годы подготовили самостоятельно и совместно с учеными из социалистических стран ряд работ об антидемократических и фашистских режимах в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и о борьбе демократических сил против реакции в межвоенный период [1—4].

Рецензируемая работа, подготовленная учеными СССР и Венгрии, не претендует на монографическое освещение всех аспектов названной проблемы, в ней более или менее обстоятельно рассматриваются многие важные вопросы, что создает благоприятные условия для дальнейших исследований. Разнообразная тематика этого сборника в определенной степени объединяется небольшим введением, в котором выделяются некоторые специфические для региона черты кризиса политической системы, а также дается его периодизация.

В сборник включены статьи, в которых на основе уже имеющихся разработок выявляются некоторые общие для региона причины политического кризиса, рассматриваются его формы. Это статьи Р. П. Гришиной, А. Х. Клеванского, М. Ормош и М. Инце, Д. Ранки. Несомненный интерес представляют статьи и других авторов, освещающих отдельные аспекты кризиса в странах региона. Они обогащают имеющуюся историографию новыми фактами и наблюдениями.

Одним из центральных в работе яв-

ляется вопрос, почему в подавляющем большинстве стран региона были установлены антидемократические режимы, имевшие фашистские черты или эволюционировавшие в таком направлении. По мнению авторов, основные причины этого заключались в периферийном характере капитализма, т. е. в более позднем и замедленном его развитии. В связи с этим рассматриваются вопросы об уровне стадии развития капитализма, количественные и качественные показатели, степень трансформации капитализмом старых экономических укладов и социально-политических структур.

Д. Ранки вслед за А. Н. Чистозвонным отмечает, что в странах, позже вступивших на путь капитализма, процесс его развития существенно отличался от «классического». В частности, иной была роль государства в экономической жизни стран Центральной и Юго-Восточной Европы (с. 28—29). На это же обстоятельство на примере складывания государственно-монополистического капитализма в Болгарии обращает внимание Р. П. Гришина. О деформации процесса становления буржуазных политических систем в регионе говорит А. Х. Клеванский (с. 188—189).

Наиболее полно этот вопрос рассмотрен М. Ормош и М. Инце. Авторы отвергают, как необоснованные, упреки в адрес марксистских ученых, якобы считающих фашизм фатальным явлением, неизбежным спутником капитализма на последней его стадии. Возникновение фашистских режимов было следствием концентрации и совместного воздействия факторов: общего (мировая обстановка), особенного (региональная структура) и единичного (национально-политическое), т. е. обуславливалось не одной, а рядом причин. В отличие от исследователей, которые связывают возникновение фа-

шизма с одной причиной экономического, социального, психологического или какого-либо иного характера, М. Ормош и М. Инце считают, что такие обстоятельства помогают раскрыть существенные взаимосвязи в процессе, но не содержат в себе критерия «достаточной причинности» (с. 61). Авторы обращают внимание на необходимость выяснения и роли национального вопроса, его использования правящими кругами для воздействия на массовое сознание.

При одинаковой или близкой позиции авторов относительно причин кризиса политической системы капитализма обнаруживаются существенные различия в характеристике антидемократических режимов. И. В. Михутина определяет режим «санации», установленный в Польше в 1926 г., как антидемократическое, реакционное буржуазное государство (с. 209), И. М. Гранчак — как «правительство сильной руки» (с. 53), а М. Ормош и М. Инце — как разновидность «германской модели фашизма с консервативным обликком» (с. 40). Еще большие разногласия наблюдаются в определении хортистского режима в Венгрии. М. Ормош, М. Инце, И. М. Гранчак считают его однотипным режиму «санации» в Польше, И. П. Андрусак именуется режимом контрреволюции, являющимся разновидностью фашистской реакции (с. 69), Л. Маркуш, Ш. Конья, Б. Й. Желицкий называют «контрреволюционной диктатурой» (с. 84, 101, 136), Ф. Пёлешкен видит в нем правительственную систему контрреволюции, «имевшую определяющие признаки фашизма» (с. 99), Т. Хайду — «фашистский режим» (с. 137), В. И. Худанич полагает, что уже в 1921 г. это была «фашистская буржуазно-помещичья диктатура» (с. 144), но с остатками демократических свобод, незавершенной фашизацией страны и неполным тоталитаризмом (с. 151). А. И. Пушкаш не дает четкого определения.

Столь большая вариантность дефиниции одного и того же явления вызвана не только тем, что в одних случаях речь идет о классовом характере режима, в других — о его политической форме. Отчасти это объясняется отсутствием единого понятийного аппарата, но главная причина кроется в еще недостаточной изученности режимов и их разновидностей. Сложность их изучения и типологизации во многом предопределяется тем, что в них причудливо сочетались черты «классической» фашистской диктатуры, традиционного автократического режима

и элементы буржуазных парламентских институтов. Поэтому для определения типа антидемократической диктатуры необходимо сопоставить ее с «классической» фашистской диктатурой.

М. Ормош и М. Инце предлагают методике такого сравнительного исследования, предусматривающего учет как статических, так и динамических параметров, свойственных эталонной модели, а также степени их проявления в рассматриваемых ими режимах (Венгрии, Австрии и Польши). Эталонной моделью они в «силу логики вещей и истории, а также согласно сложившемуся мировому общественному мнению» считают германский фашизм (с. 32). Что касается самого метода, то он не вызывает возражений, но для региона Центральной и Юго-Восточной Европы, где антидемократические режимы утвердились еще в 20-е годы, более правильным было бы их сопоставление с итальянским фашизмом, который оставался эталоном до прихода нацистов к власти в Германии [5].

В ряде статей рассмотрены отдельные черты антидемократических режимов в регионе — милитаризм, элитаризм правящих кругов, попытки расширения массовой базы и т. д. Весьма важным для выяснения типа реакционных диктатур является анализ их взаимоотношений с оппозицией справа. Наиболее обстоятельно этот вопрос рассмотрен А. И. Пушкашем на примере Венгрии. Оппозиция справа существовала и в Польше, Румынии, Болгарии, Югославии. Это обуславливалось не только борьбой между отдельными группировками за власть или личными амбициями политических деятелей, но и разногласиями относительно путей стабилизации капитализма и борьбы с рабочим и демократическим движениями. На правом фланге политической жизни находились группы и движения, выступавшие открыто за установление тоталитарных диктатур, именно они были наиболее восприимчивыми к «классическим» фашистским методам захвата и удержания власти, идеологической обработки масс, борьбы с рабочим движением и остатками буржуазной демократии. Если легальная оппозиция слева тормозила процесс фашизации, то оппозиция справа стимулировала его, особенно в периоды оживления массовой борьбы трудящихся.

Поскольку внимание авторов сосредоточивалось на вопросах установления и развития реакционных режимов, то на втором плане остались другие аспекты

кризиса буржуазной политической системы. Польша, Чехословакия, Югославия обрели политическую независимость в 1918 г., в условиях общего кризиса капитализма. В этих, как и других странах региона, господствующие классы встали перед выбором — установить открытую реакционную диктатуру или же допустить к управлению представителей реформистских и мелкобуржуазных партий. Частичная и относительная стабилизация капитализма здесь была достигнута сочетанием прямого насилия с формальными атрибутами буржуазной демократии.

В работе затронут важный вопрос, касающийся процесса дифференциации классовых и политических сил и его воздействия на социально-психологическую сферу. Среди широких масс иллюзии национального солидаризма, вера в буржуазный парламентаризм все более уступали место определенной классовой и политической ориентации. Масштабы и темпы этого процесса в отдельных странах были различными, зависели от многих внутренних и внешних факторов, сам процесс шел неравномерно, зигзагами. Этот вопрос освещается или затрагивается в статьях Л. Б. Валева, И. И. Костюшко, М. М. Сумароковой, Ш. Конья, А. Х. Клеванского, И. В. Михутиной и других авторов.

Встречаются в работе некоторые неточности, особенно в статьях проблемно-сопоставительного характера. М. Ормош и М. Инце отмечают, что ограничение парламентаризма в Польше началось в 1927 г. (с. 38), хотя уже в августе 1926 г. были внесены частичные изменения в конституцию, существенно ограничившие полномочия парламента, особенно в области его контрольных функ-

ций в отношении исполнительной власти. Вряд ли можно согласиться с утверждением авторов, что на позицию Пилсудского «сильнее всего влияли идеалы национального единства» (с. 38—39). В Польше национальные меньшинства составляли не менее трети населения, и Ю. Пилсудский, в отличие от национальных демократов, выдвигал идею государственного единства в духе традиций польского дворянства. Несколько двусмысленно звучит характеристика «Центролева», данная И. М. Гранчаком (с. 48). Упрощенно представлены им взаимоотношения режима «санации» и национальной демократии.

Оценивая работу в целом, следует сказать, что она содержит ряд ценных исследований по весьма сложной проблеме, обогащает знания о причинах и формах кризиса политической системы капитализма в регионе, вносит определенный вклад в разработку типологии фашистских диктатур.

Матеев Г. Ф.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришина Р. П. Возникновение фашизма в Болгарии. 1919—1925 гг. София, 1976.
2. VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
3. Фашизм и антидемократические режимы в Европе. Начало 20-х годов — 1945 г. М., 1981.
4. Сумарокова М. М. Демократические силы Югославии в борьбе против реакции и угрозы войны. 1929—1939. М., 1980.
5. История фашизма в Западной Европе. М., 1979, с. 9.

Ю. В. БРОМЛЕЙ. *Очерки теории этноса*. М., 1983, 412 с.

Рецензируемая книга представляет собой серию монографических очерков и состоит из трех частей: 1. Общая характеристика этнических систем. 2. Основные компоненты этноса: их структура, функции и среда. 3. Главные этапы этносоциальной истории человечества. В первой части особенно хотелось бы выделить характеристику основных форм этноса и иерархии этнических общностей (с. 57—87). Еще в 60-х годах Ю. В. Бромлей показал объективные основы и научное значение различения понятий «этнос»

в узком (культурно-языковом) и широком (этносоциальном) смысле. Ввиду важности проблемы, в новой монографии автор подвел итог связанным с ней выступлениям дискуссионного характера. При этом он определяет этнос в узком значении слова как «исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую межпоколенную совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также созна-

нием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» (с. 57—58).

Охарактеризовав общие проблемы генезиса и функционирования этнических систем в различных общественно-экономических формациях, Ю. В. Бромлей в обширной части монографии останавливается на этнической специфике культуры, этнических чертах психики и этническом самосознании. Отмечая сложность феномена культуры, автор кратко излагает историю научного осмысления этого понятия, что представляет самостоятельный историографический интерес. Он справедливо подчеркивает: «Наряду с расхождениями в определении культуры, обусловленными соотношением этого понятия с конкретными свойствами или сферами объективной реальности, имеются различия, связанные с вопросом о придании ему оценочного характера». (с. 101). Этот аспект привлекает внимание советских этнографов, историков, культурологов и философов и ряда их коллег в социалистических странах, например, Т. Чаковыва (Болгария), А. Дуцу (Румыния), Э. Йона и других ученых ГДР. Этническую функцию культуры, по словам Ю. В. Бромлея, «выполняет совокупность этнодифференцирующих и этноинтегрирующих свойств культуры» (с. 109).

В ряду разнообразных знаковых форм передачи этнокультурной информации главной автор считает словесно-речевую, детально рассматривая особенности ее бытования в обществе на разных стадиях его развития. Ю. В. Бромлей отмечает сложность трактовки языка в качестве критерия этнического разграничения, выступая как против абсолютизации языкового признака, так и против его недооценки. Эти разделы монографии читаются с тем большим интересом, что в них приводится ряд конкретных примеров из истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы. При этом автор обращает внимание на то, что в пределах некоторых языков, общих для двух и более этносов, существуют диалектные различия, которые, по его мнению, дают основание говорить об определенной языковой иерархии. Следует заметить, что последнее наблюдение находит подтверждение и в работах по этнолингвистике, в частности, в монографии А. Д. Дуличенко «Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития» (Тарту, 1981).

Значительное место Ю. В. Бромлей уделяет этнокультурной трансмиссии в форме традиций и обычаев, отмечая их преимущественное воздействие в сфере бытовой культуры этносов (с. 138). Автор справедливо указывает на недостаточную ясность термина «народная культура», чаще всего употребляемого в смысле культуры «простонародной», «крестьянской». Соглашаясь с этим, отметим, что наблюдения М. Г. Рабиновича и других этнографов по материалам русской городской культуры эпохи феодализма и капитализма позволяют расширить социальное содержание понятия «народная культура» за счет включения в него и культуры непривилегированных слоев городского населения. Это подтверждается и историей народов Центральной и Юго-Восточной Европы, например, бытованием так называемой «полународной литературы» в Чешских землях эпохи национального возрождения.

В очерке об этнических чертах психики автор, на наш взгляд, справедливо выступает как против абсолютизации понятия психического склада этноса и пошлостей выделения качеств, будто бы присущих только тому или иному этносу, так и против отрицания необходимости исследования этой проблемы, на которую неоднократно обращали внимание классики марксизма-ленинизма (с. 148—149). Важность названной проблемы подтверждается и значением этнического самосознания как компонента этноса, также рассматриваемого автором. Хотя К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин отмечали большую роль национального самосознания, лишь сравнительно недавно эту проблему стали изучать в нашей стране как с общетеоретических позиций, так и конкретно-исторически. Уместно в этой связи сослаться на работы серии «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры» и примыкающие к ней монографии и сборники статей, изданные Институтом славяноведения и балканистики АН СССР.

По словам Ю. В. Бромлея, двумя важнейшими составными частями этнического самосознания являются представления об общности происхождения членов данного этноса и своеобразное отражение в обыденном сознании его объективных свойств. Хотя обе эти части находятся в тесном взаимодействии, все же чаще всего первая доминирует. Это

наблюдение автор иллюстрирует на примере определения этнической принадлежности населения, говорящего на сербскохорватском языке (с. 191).

Теоретический и практический интерес у исследователей-славистов вызывает содержащийся в книге тезис, что в некоторых исторических ситуациях самосознание этнической общности может быть выражено «в концентрированной форме отдельными ее представителями». «А это,— продолжает автор,— дает основание полагать, что для признания факта существования этноса как такового совсем не обязательно, чтобы все его члены обладали соответствующим этническим самосознанием — достаточно „концентрированного“ выражения этого самосознания» (с. 177, 197). Отметим здесь же, что это обобщение подтверждается в солидном исследовании «Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья» (М., 1982), подготовленном Институтом славяноведения и балканистики (см., в частности, очерки Б. Н. Флори). Как о почителях рождающегося самосознания раннесредневековой народности здесь говорится о представителях формирующегося господствующего класса — князе, дружинниках, правителях областей, а затем и церковных иерархах. Едва ли не наиболее образованными среди немногочисленных лиц, обладавших народностным самосознанием, являлись летописцы. Добавим, что ситуация, при которой сознание единства этноса было присуще небольшим группам лиц, была характерна для населения, вошедшего в состав некоторых славянских феодальных народностей в период их консолидации и даже на ранней стадии формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе (XVIII в.), — все это имело место в истории народов, раздробленных политически и не обладавших своей государственностью. Но при изучении конкретно-

го процесса консолидации народностей и наций возникают два вопроса: во-первых, всегда ли и насколько самосознание отдельных лиц и небольших групп отражало объективную тенденцию исторического этносоциального процесса (вспомним представления о том, что южные славяне являются единым народом, основанные на общности или близости их языка), во-вторых, какие количественные критерии достаточны для того, чтобы считать, что новое качество — этническая общность — уже возникла.

В третьей части монографии наибольшее внимание привлекли размышления автора о безэтническом периоде в древнейшей истории человеческого рода и, с другой стороны, современные этноинтеграционные процессы, а именно весьма актуальная проблема формирования межэтнических образований в капиталистических странах (где она имеет остро противоречивый характер) и в социалистическом мире. Межэтническая интеграция, которая уже привела к возникновению новой исторической общности — советского народа, рассматривается Ю. В. Бромлеем как на советском материале, так и на основе данных других многонациональных социалистических стран, в особенности Югославии (с. 376 и сл.). Автор отмечает, что в современных условиях интернационализация имеет межгосударственный характер. В странах социалистического содружества важнейшими ее предпосылками являются единство общественного строя и интенсивное развитие многообразных связей между народами.

Труд Ю. В. Бромлея углубляет наши теоретические представления об этнических общностях и их истории, он будет способствовать дальнейшему исследованию этносоциальных процессов в прошлом и настоящем.

Фрейдзон В. И.

История и культура Болгарии. К 1300-летию образования Болгарского государства. М., 1981, 351 с.

Рецензируемый сборник подготовлен в Институте славяноведения и балканистики АН СССР к знаменательной дате — 1300-летию образования болгарского государства. В три раздела сборника — по историографии, истории и культуре Болгарии — включены 23 статьи, освещаю-

щие широкую панораму исторического развития страны с эпохи раннего феодализма по настоящее время.

Историографический раздел содержит четыре статьи. Он открывается исследованием Л. В. Гориной, являющимся попыткой восполнить пробелы в изучении

жизни и творчества болгарского историка М. Дринова, в частности, рассмотреть его концепцию образования болгарской народности и государства. Л. В. Горина подвергает тщательному анализу произведение Дринова, показывая позиции ученого по таким важнейшим проблемам средневековой истории, как славянская колонизация Балкан, образование болгарской народности и роль в этом протоболгар, основание болгарского государства, взаимоотношения славян и Восточной Римской империи в IV—VII вв. и др. Лучшему осмыслению материала способствует обращение автора к выводам современной историографии, что позволяет полнее оценить вклад Дринова в разработку истории славянского этногенеза. Автор подчеркивает, что концепция Дринова, идеалистическая по характеру, построенная без учета социально-экономических и классовых факторов, заслуживает тем не менее высокой оценки и продолжает оказывать влияние на развитие историографии проблемы. Е. П. Наумов в своей статье освещает проблему возникновения и развития I Болгарского царства в советской историографии. Автор анализирует работы Н. С. Державина и С. А. Никитина, обращая особое внимание на становление раннефеодальной государственности на территории Болгарии в связи с заселением Балканского полуострова славянами, их политическую организацию и взаимоотношения славян с протоболгарами в конце V — начале IX в. Отмечая стремление советских медиевистов ориентироваться в своих трудах на весь комплекс источников, имеющих в их распоряжении, в том числе и археологических, Е. П. Наумов подчеркивает настоятельную необходимость тщательного терминологического анализа византийских письменных источников в качестве одного из направлений будущих исследований. Важным Е. П. Наумов считает проведение сопоставлений государственной структуры I Болгарского царства с известными на сегодняшний день материалами о других полиэтнических образованиях, всесторонний учет имеющихся сведений, характеризующих политическую обстановку в Юго-Восточной и Восточной Европе, проведение типологических параллелей.

Освещению болгарскими историками деятельности Временного русского управления в Болгарии в 1877—1879 гг. посвятила свою статью Кр. Петрова (НРБ). В центре ее внимания довольно обширная литература, освещающая дип-

ломатическое и административное содействие России созданию болгарской государственности. Болгарские исследователи единодушны в своих оценках действий России в рассматриваемый период, подчеркивают ее стремление обеспечить Болгарию как можно больше самостоятельности в предписанных Берлинским трактатом рамках, высоко оценивают помощь России в деле установления дипломатических отношений Болгарии с соседними балканскими государствами. Рассмотрение многогранной деятельности русских властей, пишет Кр. Петрова, убеждает, что на том этапе между Болгарией и Россией существовало полное взаимопонимание. В обширной, насыщенной материалами, статье А. С. Бейлиса предпринята попытка оценить достижения болгарских исследователей в изучении социально-экономических проблем болгарского возрождения почти за четыре десятилетия — с 1944 по 1980 г. Констатируя серьезные успехи болгарской исторической науки в разработке этой проблематики, А. С. Бейлис фиксирует также наличие ряда нерешенных и дискуссионных вопросов: о времени перехода от феодализма к капитализму, о степени капиталистического развития Болгарии и первоначальном накоплении капитала и пр. Автор считает, что точнее дифференцировать появление первых капиталистических элементов, формирование и развитие капиталистического уклада в недрах феодального общества и превращение его в новую общественно-экономическую формацию можно будет при более широком, творческом использовании ленинского понятия капиталистического уклада. Завершает первый раздел статья Г. И. Чернявского «Становление марксистско-ленинской концепции новейшей истории Болгарии». Широкое привлечение документальных материалов позволило автору выделить отдельные этапы в процессе формирования указанной концепции, дать им развернутую характеристику. Сосредоточившись на изучении этапа, охватывающего 1934—1944 гг., Г. И. Чернявский убедительно показывает, что именно в это время создавалась серьезная исходная база для углубленной марксистско-ленинской разработки проблем новейшей истории Болгарии после второй мировой войны.

Раздел «Новая и новейшая история» представлен наибольшим количеством статей — 14 (учитывая открывающую сборник статью Л. Б. Валева). Отдельные статьи по новой истории — всего их 9 —

характеризуются близостью тематики. Н. Н. Червенков и И. Д. Забунов освещают деятельность болгарских эмигрантских организаций в Румынии («Добродетельная дружина») и на юге России. Обучению болгарской молодежи в учебных заведениях России во второй половине XIX в. посвятили статьи Б. Н. Билунов, О. К. Вяземская и А. А. Улунян. Политика России по отношению к национально-освободительному движению болгарского народа в конце 50-х — 60-е годы прошлого века — предмет исследования Е. М. Шатохиной и Н. В. Зуевой. Логически продолжает эту тему статья И. В. Козьменко, на новых материалах раскрывающая драматическую борьбу русской дипломатии по болгарскому вопросу в конце 1877 — первой половине 1878 г. в условиях создания враждебной России общеевропейской коалиции, выступившей против русского проекта предоставления Болгарии государственной независимости. Все эти статьи основательны, их отличает богатая документальная база. Однако близость тематики вызвала появление в ряде случаев (статьи Е. М. Шатохиной и Н. Н. Червенкова) некоторых повторов. Например, вряд ли целесообразно было дважды приводить оценку, данную Д. Благоевым церковной борьбе болгарского народа (с. 117, 130), да еще и с расхождением, хотя и незначительным, в переводе. Досадной выглядит противоречивость ряда выводов в содержательной статье Е. М. Шатохиной. Из изложения на с. 130 следует, что во второй половине 50-х — начале 60-х годов XIX в. русская дипломатия и правительство не понимали внутренних причин болгаро-греческой распри, полагая, что церковная борьба была инспирирована западными державами и польской эмиграцией. А на с. 132 говорится, что к середине 50-х годов царскому правительству стало ясно, что болгарское движение против греческой патриархии явилось следствием внутренних противоречий между болгарской паствой и греческим духовенством. Вместе с тем определенные сдвиги в позиции России по болгарскому вопросу фиксируются автором и применительно ко второй половине 40-х годов XIX в. Таким образом, совершенно ясна необходимость уточнений по части хронологии. Н. Т. Сапронова на материале ряда центральных и местных болгарских архивов показывает пропагандистскую деятельность учителей северо-западной Болгарии в конце прошлого века, подтверждая публикуемыми сведениями слова Т. Жив-

кова о том, что «создателями болгарского социалистического движения стали преимущественно народные учителя» [1]. Сложные и ранее не исследовавшиеся специалистами вопросы становления и развития буржуазного парламентаризма в Болгарии с конца 70-х годов XIX в. до первой мировой войны избрала предметом изучения Т. Ф. Маковецкая. Автор показывает, что в обуржуазивавшейся Болгарии при наличии многослойной и довольно застойной хозяйственно-экономической структуры, а также при отсутствии устойчивых традиций в деятельности большинства политических институтов буржуазной демократии, важнейшие из них в общем и целом значительно отдалялись от европейских аналогов. В центре внимания Р. П. Гришиной — одна из мелкобуржуазных партий Болгарии — радикально-демократическая. Автор задалась целью выяснить ее социально-классовый состав, характер программных документов, проследить политическую эволюцию партии после первой мировой войны и на основе этого определить место и роль радикалов на политической арене в начале 20-х годов. Учитывая особое значение мелкобуржуазных партий в политической жизни Болгарии, изучение «мелкобуржуазного компонента» в контексте исследования проблемы сопротивления буржуазной демократии наступавшему фашизму является чрезвычайно актуальным. В связи с этим работа Р. П. Гришиной восполняет пробел, имеющийся в историографии, и фактически кладет начало углубленному изучению деятельности радикально-демократической партии. На большом и разнообразном фактическом материале Е. Л. Валева воссоздает впечатляющую картину международного движения в поддержку антифашистской борьбы болгарского народа в 1925 г. Показывая организацию и ход кампании протеста против фашистского террора в Болгарии, поддержку болгарских антифашистов рабочим классом и демократической общественностью капиталистических стран, автор освещает один из интереснейших периодов истории интернациональной солидарности трудящихся. Статья Л. Я. Гибианского «Антигитлеровская коалиция и Болгария на завершающем этапе второй мировой войны» посвящена сложным сюжетам внешнеполитического развития страны в переломный период. Основываясь на значительном фактическом материале, в том числе исключительно плодотворно используя опубликованные советские и

американские документальные сборники, автор глубоко и всесторонне раскрывает роль СССР, последовательно отстаивавшего на международной арене интересы народно-демократической Болгарии. Вопросы практической деятельности БКП по повышению жизненного уровня трудящихся в 1944—1980 г. посвятил статью Ю. Ф. Зудинов. Ему удалось на разнообразном и емком материале показать разительные перемены, произошедшие в жизни болгарского общества за годы строительства социализма. В статье Л. Б. Валева отмечено общее и специфическое в построении социалистического общества в Болгарии, показана многогранная деятельность Компартии по руководству преобразовательными процессами в стране, укреплению сотрудничества со странами социалистического содружества, отмечен значительный вклад НРБ в дело разрядки международной напряженности и борьбу за мир.

Последний раздел сборника — «Культура» — открывается проблемной статьей Г. Г. Литаврина об условиях развития болгарской культуры в XI—XII вв. Отмечая дискуссионный характер этой проблемы, автор тщательно анализирует те перемены в жизни болгарского народа после утверждения власти Византии, которые оказывали влияние на развитие болгарской культуры. Г. Г. Литаврин констатирует существенное замедление ее развития в условиях иноземного владычества, разрушения государственных

форм существования народа, «обладавшего устойчивыми историческими и этнокультурными традициями». В статье И. И. Калиганова освещается история создания русского варианта «Жития Георгия Нового». Автору удалось доказать, что возникновение этого варианта отразило не только прямые контакты, существовавшие между деятелями русской культуры и литературы и болгарскими князьями в 30-е годы XIV в., но и использование автором русского варианта популярного на Руси сочинения болгарина Григория Цамблака «Житие Иоанна Белгородского». Сборник завершают статьи Е. П. Львовой и Н. Н. Пономаревой, раскрывающие современное состояние и тенденции развития болгарского изобразительного искусства и широкое распространение произведений болгарских драматургов на советской сцене.

Рецензируемый сборник производит самое благоприятное впечатление. Его статьи написаны на высоком научном уровне, учитывают последние достижения советской и болгарской историографии, посвящены в большинстве своем малоизученным вопросам, отличаются большой насыщенностью фактическим материалом, глубиной анализа.

Волокитина Т.

ЛИТЕРАТУРА

1. Живков Т. Четвѣрт век по пътя на социализма. София, 1969, с. 21—22.

Přehled dějin Československa. I/1 (do roku 1526). Praha, 1980, 648 s.

Очерки истории Чехословакии

Рецензируемое издание представляет собой первую часть I тома обобщающего труда по истории Чехословакии, подготовленного коллективом чешских и словацких исследователей. В нем рассматривается история Чехословакии с древнейших времен до 1526 г. Поскольку предшествующее издание аналогичного типа вышло в свет в 1958 г. [1], то следует констатировать, что перед нами книга, в которой в общем, синтетическом виде отражены достижения чехословацкой исторической науки на протяжении последних более чем двух десятилетий.

Сопоставляя два издания, следует отметить прежде всего, что новый очерк истории Чехословакии, соответствующий

примерно первым восьми разделам прежнего «Přehled»'а значительно превосходит его по объему, что позволило даже там, где авторы следовали прежней схеме, полнее раскрыть те или иные общие положения, представить исторические явления более наглядно. Это — важное преимущество нового труда, но оно отнюдь не единственное.

«Přehled» 1958 г. был первым опытом создания на основе принципов марксистско-ленинской методологии общей картины исторического развития народов Чехословакии. В работе, выпущенной тогда, когда марксистская историческая наука в Чехословакии делала лишь первые шаги, главное внимание было, естест-

венно, уделено освещению закономерностей социально-экономического развития, положения отдельных классов, классово-вой борьбы, т. е. тех основных вопросов, без правильного решения которых создание марксистской концепции исторического развития народов Чехословакии было бы вообще невозможно. Другие сферы и аспекты жизни общества авторами «Přehled»'а 1958 г. рассматривались, в основном, коротко, тем более, что по многим вопросам марксистские исследования тогда отсутствовали.

В отличие от издания 1958 г. новый очерк чехословацкой истории опирается уже на солидную традицию марксистской исторической науки, это позволило предложить читателю новый синтез не только более полный, но и более всесторонний. Обращаясь к проблематике социально-экономического развития следует отметить, что авторы стремились, с одной стороны, рассматривать социально-экономическое развитие чешских и словацких земель в сопоставлении с аналогичными процессами в других странах, как в Центральной Европе, так и за ее пределами, а, с другой стороны, в полной мере учесть воздействие таких факторов, как специфика природных условий, наличие общеевропейской конъюнктуры на те или иные товары (это особенно существенно при исследовании судьбы такой ведущей отрасли производства и Чехии, и Словакии, как горное дело, значительная часть продукции которой шла на экспорт), место чешских и словацких земель в общеевропейской системе экономических связей. Именно учет этих факторов позволил авторам труда, в частности, глубоко и всесторонне раскрыть причины тех трудностей, с которыми примерно с конца XIV в. стало сталкиваться поступательное развитие экономики Чехии и Словакии.

Другой важный аспект издания — широкое освещение ряда вопросов социально-политической проблематики, которые в очерке 1958 г. затрагивались бегло и сжато. Это — формирование государства и роль государственной власти в социально-политическом развитии страны, консолидация господствующего класса и его борьба за реализацию своей социально-политической программы, роль церкви в политической жизни общества. Выделена и рассмотрена как специальная тема внешняя политика Чешского государства и Венгерского королевства, в состав которого входили словацкие земли, определено место этих держав в системе ев-

ропейских международных отношений. Наконец, заслуживает одобрения широкое освещение проблем истории культуры. Особое внимание, которое авторы уделили социальным функциям культурных учреждений и памятников культуры, позволило более органично и естественно, чем ранее, связать историю культуры с историей общества в целом.

Отмечая конкретные достижения при разработке отдельных тем и вопросов, прежде всего нужно сказать о разделах, посвященных истории славян на территории будущей Чехословакии и истории Великой Моравии. Авторы, опираясь на результаты интенсивных археологических исследований последних десятилетий, сумели более полно и точно, чем ранее, обрисовать состояние производительных сил великоморавского общества и характер происходивших в нем социальных сдвигов, показали принципиальную разницу между первым объединением славян (под руководством Само) — племенным союзом и Великой Моравией как уже сложившимся раннефеодальным государством. Археологический материал широко использован и в разделах по истории Чехии и Словакии раннего средневековья для выявления внутренних предпосылок возникновения города.

Принципиально важным представляется, что положение, сформулированное в издании 1958 г. о ведущей роли централизованных форм эксплуатации в период раннего феодализма, получило в новом очерке глубокое и всестороннее обоснование, здесь раскрыта закономерная связь между характером эксплуатации и специфическими для раннего феодализма формами организации господствующего класса и зависимого населения.

Авторы обращают особое внимание на политическую деятельность чешской церкви. Их конечный вывод, что в предгуситской Чехии церковь никогда не выступала как самостоятельная политическая сила, а находилась в зависимости от государственной власти, хорошо объясняет слабость позиций церкви перед лицом гуситского движения.

Много нового и в характеристике гуситского периода. Достоинством этого очерка чехословацких историков является стремление к всесторонней оценке исторических явлений, умение увидеть не только положительные, но и негативные аспекты в деятельности «шкартов» или в действиях «польных войск» и «братиков». В разделах о гусизме уже нет положения об «общем кризисе феодализма»

в XIV в. и попыток приравнять гуситское движение к Крестьянской войне в Германии как неудавшейся буржуазной революции. Представляется поэтому неоправданным и употребление в этой работе термина «гуситская революция».

Существенно отличается от прежнего издания и характеристика экономического положения Чехии в послегуситский период. Авторы правильно характеризуют вторую половину XV в. не как время упадка, а как время оживления (несмотря на имевшие место осложнения) хозяйственной жизни в стране в целом и экономического подъема чешских городов в частности. Кажется очень верным положение, выдвигавшееся некоторыми польскими исследователями истории экономики Центральной Европы, что этот подъем был следствием социальных изменений, происходивших в эпоху гусизма в чешских городах.

По новизне материала следует выделить и характеристику положения в словацких городах XV в.; приведены, в частности, отсутствовавшие в издании 1958 г. данные о зарождении капиталистических отношений в специфических условиях вторжения иностранного капитала в горное производство Словакии.

Представляет особый интерес и анализ идейной жизни послегуситской Чехии — показана роль не только гуситской традиции, но и противостоящих ей тенденций, идейная жизнь общества раскрыта в процессе столкновений между этими течениями.

Выход в свет обобщающего труда по истории страны — всегда импульс для того, чтобы взглянуть на проблематику в целом, отметить, что наряду с хорошо изученным и известным остается еще малоизвестным и малоизученным, выяснить, какие проблемы возникают в связи с новыми, поднятыми в очерке вопросами.

Здесь, пожалуй, следует прежде всего остановиться на попытке показать социально-экономическое развитие чешских и словацких земель на общеевропейском фоне. Можно констатировать, что последовательно проводится лишь сопоставление уровня и характера развития Чехии и Словакии, с одной стороны, и наиболее развитых районов Европы — Италии, Нидерландов, северной Франции, с другой. Представляется, однако, что в полной мере положение Чехии и Словакии в Европе можно раскрыть, лишь привлекая во внимание также особенности развития Восточной и Юго-Восточной Европы и характер их связей с этими регионами.

Ведь не случайно в течение длительного времени чешский грош был в Восточной Европе основной валютой, а примерно со второй половины XV в. Восточная и Юго-Восточная Европа являлись главным рынком сбыта продукции развивающегося чешского (а отчасти и словацкого) ремесленного производства.

Следует также отметить, что с учетом общеевропейского фона становится особенно актуальным вопрос о том, почему столь острый социально-политический кризис разразился в начале XV в. именно в Чехии, а не в какой-либо другой европейской стране. Ведь по мнению авторов Чехия из-за ее периферийного положения была затронута общеевропейским хозяйственным кризисом гораздо слабее, чем ряд других территорий. Во всяком случае, ясного ответа на этот вопрос в издании нет.

Истории дворянства в чешской историографии традиционно уделялось гораздо меньше внимания, чем, например, истории городов. В последние десятилетия положение сильно изменилось к лучшему, что нашло отражение, в частности, и в весьма содержательных очерках по истории дворянства в рецензируемом издании. Однако некоторые важные вопросы продолжают оставаться неосвещенными. Так, в очерке о формировании дворянского сословия отсутствует материал о путях и способах формирования дворянского землевладения. Нуждается также в объяснении и правильно отмеченная авторами малая политическая активность (за исключением гуситского периода) средней и мелкой шляхты — ведь в таких близких по своему общественному строю к средневековой Чехии государствах, как Польша или Венгерское королевство, дело обстояло совсем иначе.

При освещении гуситской эпохи и далее актуальным остается вопрос, каково было реальное положение крестьян, горожан, мелкого рыцарства на землях, находившихся под контролем «таборитов», «сироток» или Праги. В рецензируемом издании, как и в предшествующих исследованиях, этот вопрос остается для Чехии по существу не раскрытым, что затрудняет оценку исторической роли гуситского движения. Определенно он пока решен лишь по отношению к гуситам, действовавшим на территории Словакии.

Представляется также, что груз предшествующей историографии сказался на характеристике главных аспектов социально-политического развития в после-

гуситской Чехии. Здесь по традиции на первом плане оказался ярко обрисованный конфликт «гуситского» короля Иржи Подебрада с папской курией. Данная в связи с его анализом очень содержательная характеристика внешней политики короля Иржи, к сожалению, не сопровождается характеристикой его внутренней политики. За столкновением с папством осталась в тени борьба между силами, выступавшими за или против укрепления центральной власти в Чехии. Читателю остается неясным, какие социальные слои были сторонниками, а какие — противниками централизации, и почему первые потерпели поражение.

Особые задачи стояли перед авторами разделов по истории Словакии, которые должны были показать социально-экономическую и социально-политическую историю Словакии так, чтобы она не сливалась с общими процессами развития Венгерского королевства, частью которого были в период средневековья словацкие земли. В издании 1958 г. не удалось полностью добиться успешного решения этой задачи. В новом «Přehled»е налицо большая дополнительная работа по выявлению специфики исторического развития Словакии. В разделах, относящихся к периоду позднего средневековья (XIV—XV вв.), можно сказать, эта задача решена во всем объеме. В главах по более раннему периоду остаются все же некоторые упущения: так, не совсем ясно, как протекал в XII—XIII вв. процесс образования крупного феодального землевладения именно на территории Словакии. Авторы правильно уделили особое внимание проблемам этнической истории Словакии, однако при этом можно отме-

тить некоторую непоследовательность. Есть специальный параграф о населении Словакии в XIV в., но нет аналогичного раздела по XV в., когда как раз и происходили существенные изменения в положении отдельных этнических групп.

Несколько замечаний об оформлении работы. Прекрасный полиграфический уровень, большое количество черно-белых и цветных воспроизведений памятников средневекового искусства, конечно, облегчают читателю восприятие разделов по истории культуры. Очень сильная сторона издания — включение в него обширной библиографии по отдельным темам, в ее состав входят работы не только чехословацких, но и зарубежных (в том числе и советских) исследователей. К сожалению, приложенные к книге карты содержат лишь данные об административном делении, государственных границах и событиях политической истории, по ним нельзя проследить ни развития процессов внутренней колонизации, ни образования сети городов, нет и карты торговых путей, проходящих через территорию Чехии и Словакии, что определенно затрудняет восприятие тех глав, где рассматриваются данные темы.

В заключение следует сделать вывод, что перед нами обобщающий труд, богатый новыми мыслями и фактами, который следует оценить как крупное достижение чехословацкой марксистской исторической науки.

Флора Б.

ЛИТЕРАТУРА

1. Přehled československých dějin. Díl. 1. Praha, 1958.

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА И. А. ВОРОНКОВА

16 июля 1983 г. скоропостижно скончался известный историк-славист, профессор Московского университета Иван Александрович Воронков. Советская историческая наука и высшая школа понесли тяжелую утрату. Ушел от нас видный специалист по истории Польши и Белоруссии, организатор науки и воспитатель научных кадров.

И. А. Воронков родился 11 января 1921 г. в дер. Ржавцы Шкловского района Могилевской области БССР в семье рабочего. В 1939 г. он поступил в Ленинградский горный институт, но вскоре был призван в армию, где прослужил до января 1940 г., когда был демобилизован по болезни. С января по сентябрь 1940 г. И. А. Воронков работал заведующим оргинструкторским отделом Шкловского райкома комсомола и одновременно литсотрудником районной газеты. В этом же году он стал членом Коммунистической партии, поступил на исторический факультет Московского университета. В связи с началом Великой Отечественной войны и эвакуацией МГУ И. А. Воронков в 1941—1943 гг. продолжал учебу на историческом факультете Свердловского университета. Последние два курса он снова учился в МГУ, который закончил в 1945 г. с отличием и был оставлен в аспирантуре. Его научными руководителями был акад. В. И. Пичета и проф. Н. Г. Бережков.

Вся последующая трудовая деятельность Ивана Александровича была связана с Московским университетом. Здесь он вел интенсивную преподавательскую работу, пройдя путь от преподавателя до профессора, заведующего кафедрой истории южных и западных славян.

И. А. Воронков читал общий курс истории зарубежных славян, курсы по истории Польши, польской историографии и источниковедению, спецкурсы о разделах Речи Посполитой, польском национально-освободительном движении в

первой трети XIX в., русско-польских общественно-политических и культурных связях в первой половине XIX в., а также по истории Белоруссии. Он вел спецсеминары по социально-экономической и политической истории Речи Посполитой во второй половине XVIII в. и польских земель в первой половине XIX в., польской общественной мысли второй половины XVIII в. и национально-освободительного движения первой половины XIX в., просеминар по истории освободительного движения западных славян в 30—60-х годах XIX в. Он был одним из авторов методик и программ по курсу истории южных и западных славян. Большое внимание уделял Иван Александрович работе с дипломниками и стажерами. Под его руководством было подготовлено несколько кандидатских диссертаций. Прирожденный воспитатель молодежи, он любил эту работу и не щадил ради нее ни сил, ни времени.

Много энергии отдал И. А. Воронков становлению Московского университета как кузницы кадров для зарубежных социалистических и освободившихся стран. В 1949—1955 гг. он являлся инспектором учебного отдела ректората МГУ по работе с иностранцами, а затем начальником иностранного отдела университета, курировал эту работу как инструктор парткома МГУ. С 1973 г. и до последних дней своей жизни Иван Александрович работал деканом подготовительного факультета МГУ для иностранцев. Он был заботливым другом и строгим наставником многих сотен иностранных студентов и стажеров, учившихся в Московском университете. Его имя широко известно поэтому во всех странах, где они теперь работают. Иван Александрович придавал работе с иностранными студентами огромное значение, видя в ней важнейшее средство укрепления дружбы советского народа с народами зарубежных стран, расширения влия-

ния советской науки и высшей школы за пределами нашей Родины.

Круг научных интересов И. А. Воронкова охватывал проблемы аграрной истории Польши и Белоруссии XVII—XIX вв., польского национально-освободительного движения конца XVIII — первой половины XIX в., польской историографии и источниковедения, а также развития советского славноведения. В 1951 г. Иван Александрович защитил кандидатскую диссертацию «Польское восстание 1830—1831 гг. в Литве и Белоруссии». Его первая печатная работа увидела свет в 1948 г., а последняя — за несколько месяцев до его кончины. Всего им опубликовано около 50 работ. Среди них статьи «Аграрно-крестьянский вопрос в Краковском восстании 1846 г. и роль Дембовского», «Польские тайные общества в Литве и Белоруссии в конце XVIII и первом тридцатилетии XIX в.», «Инвентари имений — важный источник по истории польской феодальной деревни (XVI—XVIII вв.)», «К вопросу об упадке сельского хозяйства Белоруссии в первом тридцатилетии XIX в.», «Положение крестьян шляхетских имений Калышского повета Великой Польши во второй половине XVII — первой половине XVIII в.», «Восстание 1830—1831 гг. в Белоруссии», «Тадеуш Корзон — видный представитель польской буржуазной историографии последней трети XIX — начала XX в.», «Изучение истории зарубежных славян в Московском университете», «Позиция польских повстанческих властей по вопросу их отношения к царскому правительству, русскому, украинскому и белорусскому народам в период восстания 1830—1831 гг.». Его перу принадлежат главы в университетских учебниках по историографии нового времени и истории южных и западных славян. Он являлся также одним из авторов «Советской исторической энциклопедии» и «Истории Белорусской ССР» (т. I). Ряд его работ переведен на польский и чешский языки.

И. А. Воронков был одним из инициаторов и организаторов межвузовских научных конференций историков-славистов, неизменно входил в состав оргкомитетов

этих научных встреч (первая из них состоялась в 1962 г. в МГУ, а девятая — в 1982 г. в Ужгороде). Он активно участвовал во многих сессиях симпозиума по аграрной истории стран Восточной Европы. В течение более полутора десятилетий Иван Александрович возглавлял Комиссию по истории зарубежных славян секции истории Научно-технического совета Министерства высшего и среднего специального образования СССР. С деятельностью И. А. Воронкова неразрывно связано расширение международных научных связей Московского университета. Особенно крепкие творческие узы установил он с польскими историками. Он достойно представлял советскую историческую науку на их съездах и конференциях, выступая там с научными докладами.

Много сил и времени отдавал И. А. Воронков общественной деятельности. Начал он ее секретарем колхозной комсомольской организации в 1937 г., а затем избирался в бюро райкома комсомола, в партбюро Свердловского и в партком Московского университетов. И. А. Воронков многие годы был членом Центрального правления Общества советско-польской дружбы.

Коммунистическая партия и Советское государство высоко оценили общественную, научную и преподавательскую деятельность И. А. Воронкова, наградив его орденом Дружбы народов, медалью «За доблестный труд», нагрудным знаком Министерства высшего и среднего специального образования СССР «За отличные успехи в работе». Он был также отмечен нагрудными значками Центральных правлений обществ польско-советской и чехословацко-советской дружбы и Министерства высшего образования ГДР.

Светлая память об Иване Александровиче Воронкове, коммунисте, ученом и учителе, человеке большого ума и щедрого сердца, патриоте и интернационалисте, навсегда сохраняют все, кому довелось с ним вместе работать, кто постигал под его руководством университетскую науку, кто пользовался его советами и помощью.

Созин И. В.

CONTENTS

Zuyev F. G. The struggle of democratic forces in Poland against the Hitlerian occupants for liberation and people's power (January — July 1944). *Stankow N. N.* The problem of Polish-German frontier and American diplomacy in 1945—1950. *Serapionova E.* The failure of projects a Polish-Czecho-Slovakian confederation (1941—1943). *Tsvilyuk S. A.* Publications of Bulgarian internationalists in Soviet Russia (1918—1920). *Udaltsov I. I.* Problems of the Czech national Renaissance; in J. Koči's works (historiographical notes). *Grekov I.* The Osman Empire, Crimea and international relations in the Eastern Europe in the first period of the Livonian war (1558—1572). *Slavin G. M.* Soviet press on the Yugoslavian culture during the war of liberation. *Titova L.* Theatre in the cultural system of peoples of the Central and South-Eastern Europe. The epoch of nations formation. Statement of the problem. *Zhuravlev V. K.* Problems of the history of Slavonic literary languages 3

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

Matveyev G. F. Кризис политической системы капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (межвоенный период). *Frejdzon V. I.* Ю. В. Бромлей. Очерки теории этноса. *Volokitina T.* История и культура Болгарии к 1300-летию образования Болгарского государства (М., 1981). *Flo-rya B.* Přehled dějin Československa I/1 (do roku 1526) 98

Sozin I. V. In commemoration of professor A. I. Voronkov 109

Технический редактор *Е. В. Сеницына*

Сдано в набор 10.02.84 Подписано к печати 13.04.84 Т-02373 Формат бумаги 70×108^{1/16}
 Высокая печать Усл. печ. л. 9,8 Усл. кр.-отт. 11,8 тыс. Уч.-изд. л. 11,1 Бум. л. 3,5
 Тираж 1164 экз. Зак. 3670

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
 2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи должны представляться в двух экземплярах, хорошо обработанных литературно, в готовом для печати виде, подписанные автором. И текст, и ссылки обязательно должны быть напечатаны на машинке с одной стороны листа через два интервала. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, домашний адрес, служебный и домашний телефоны.

2. Автору посылается копия отредактированного экземпляра статьи, которую он подписывает в печать. Правка в верстке не допускается.

3. Объем статей не должен превышать 30 стр., рецензий — 5 — 7 стр.

4. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам. Ссылки помещаются внизу страницы, нумерация ссылок сплошная по всей статье.

5. Классики марксизма-ленинизма цитируются по последнему изданию.

6. Иллюстрации принимаются только в пригодном для воспроизведения виде (фото — контрастное на белой глянцевой бумаге, рисунки — тушью) в двух экземплярах. На обороте каждой иллюстрации должны быть указаны (мягким простым карандашом) фамилия автора и номер иллюстрации. Подписи под рисунками должны быть напечатаны на машинке на отдельной странице в двух экземплярах.

7. Ссылки на литературные источники должны быть оформлены в соответствии с правилами ГОСТ.

Цена 1 р. 20 к.
Индекс 70891

И
70891
ГОЛОСОВА И
Е ОДННА 34/38-40
И-17